

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Северо-Западный
институт управления
филиал РАНХиГС

ЕЭК Евразийская
экономическая
комиссия

RANERA
THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY
OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

North-West Institute
of Management
branch of RANERA

EEC Eurasian
Economic
Commission

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ISSN 2073-2929

INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

EURASIAN INTEGRATION:
ECONOMICS, LAW, POLITICS

欧亚一体化: 经济、法律、政治

Том 16 / Vol. 16

№1 (39)

2022

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА
Международный научно-аналитический журнал

Том 16, № 1 • 2022

Тема номера:

БУДУЩЕЕ ЕАЭС: ВЗГЛЯДЫ УЧЕНЫХ И ПОЛИТИКОВ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

Информационная поддержка: пресс-служба Евразийской экономической комиссии

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям (Распоряжение Министерства науки и высшего образования Российской Федерации о включении в перечень рецензируемых научных изданий от 25.12.2020 номер 469-р):

08.00.01 – Экономическая теория (экономические науки), 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством (по отраслям и сферам деятельности) (экономические науки), 08.00.14 – Мировая экономика (экономические науки), 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право (юридические науки), 12.00.10 – Международное право; европейское право (юридические науки), 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки), 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (политические науки), 23.00.05 – Политическая регионалистика. Этнополитика (социологические науки).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004, Санкт-Петербург,

В. О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10

Факс: (812) 335-42-16

<https://www.ejournal.ru>

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редколлегия журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2022
- © Все права защищены

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION

NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 16 No 1 • 2022

Topic of the Issue:
**FUTURE OF THE EAEU: VIEWS OF SCIENTISTS AND POLITICIANS IN THE CONTEXT
OF THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT**

Information support: press service of the Eurasian Economic Commission

ADDRESS OF THE EDITORIAL OFFICE: 199004, St. Petersburg,
V.O., 8th line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Fax: (812) 335-42-16
Website: <https://www.eijournal.ru>

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
 - © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2022
 - © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: Economics, Law, Politics“ (compilation), 2022
 - © All rights reserved
-

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Член Коллегии (министр) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы СЗИУ РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт Российской академии наук

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, Председатель международного научного совета, Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, советник ректора РАНХиГС, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Академии наук Республики Таджикистан, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдрашитович, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Жогорку Кенеша Кыргызской Республики в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, заместитель Генерального секретаря ПА ОДКБ, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан, доктор юридических наук

ХАНЬ Лухуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, заместитель директора департамента транспорта и инфраструктуры Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, посол Российской Федерации в Китайской Народной Республике, Чрезвычайный и Полномочный посол, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

ЕРЕМЕЕВ Станислав Германович, депутат Законодательного собрания Ленинградской области, доктор экономических наук, кандидат политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Академии наук Республики Таджикистан, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КИРИЛЕНКО Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, академик РАЕН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (Россия, Москва), доктор политических наук, профессор

ЛИБЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

САИДАМИРОВ Баходур Шовалиевич, директор центра Евразийских исследований и межпарламентского сотрудничества СЗИУ РАНХиГС, кандидат юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, заведующий кафедрой конституционного и административного права СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

ЧЭНЬ ЧЖИГАН, вице-президент Китайского делового центра в Санкт-Петербурге, доктор экономических наук (Китай, Пекин)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, Member of the Board — Minister in charge of Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Center for Geopolitical Expertise, North-West Institute of Management, RANEPA, Professor, Doctor of Philosophy, Expert of the Russian Academy of Sciences

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Chairman of the International Scientific Council, Chairman of the Board of the Eurasian Economic Commission, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the Jogorku Kenesh of the Kyrgyz Republic in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Deputy Secretary-General, Secretariat of the CSTO Parliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Nur-Sultan)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAUL Maksim, Deputy Director of the Department of Transport and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Russia, Moscow), Doctor of Economics

DENISOV Andrey, Ambassador of the Russian Federation to the People's Republic of China, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

YEREMEEV Stanislav, Deputy of the Legislative Assembly of the Leningrad Region (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, PhD in Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KIRILENKO Viktor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, North-West Institute of Management of RANEPa, academician of the Russian Academy of natural Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, editor of the "Law" section (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor, Academician of RANS

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SAIDAMIROV Bahodur Shovalievich, Director of the Center for Eurasian Studies and Interparliamentary Cooperation, North-West Institute of Management, RANEPa (Russia, Saint Petersburg), PhD in Law

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

STAROVOITOV Alexander, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPa (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

CHEN ZHIGAN, Doctor of Economics, Vice-President of the Chinese Business Center in Saint Petersburg (China, Beijing)

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**
Международный научно-аналитический журнал
Том 16, № 1 2022

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

Идеология новой эры..... 9

ГЛАВНОЕ

Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф.

К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза 10

Случевский В. В., Торопыгин А. В.

Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов..... 22

ЭКОНОМИКА

Ворона А. А., Калмыков С. П., Ляшенко М. В.

Совершенствование сферы таможенного администрирования в России на основе
китайского опыта 31

Жиряева Е. В., Наумов В. Н.

К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом
союзе 43

Перминова Е. А.

Стимулирование инновационного развития регионов Российской Федерации в рамках
стратегических инвестиционных проектов 57

ПРАВО

Березина Е. К.

Особенности политико-правовых документов о сотрудничестве между ЕАЭС
и третьими странами 68

Кириленко В. П., Молоковский Д. С.

Международно-правовые аспекты контроля за оборотом новых психоактивных веществ 77

Комилбек А. Ё.

Состояние и перспективы развития современной системы государственного управления
Республики Таджикистан 86

Курочкина Е. М.

Правовой режим исполнения иностранных судебных и арбитражных решений
в Евразийском экономическом союзе 93

ПОЛИТИКА

Арсентьева И. И.

Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии
COVID-19 101

Ван Цзюньтао, Любина Д. Е.

Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги 111

Ильина М. Ю.

Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной
безопасности 119

Леденева В. Ю.

Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ 128

Шевчук Н. В., Сачик А. А.

Подходы Германии к урегулированию современных международных конфликтов
на постсоветском пространстве..... 138

АВТОРАМ ЖУРНАЛА «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией научно-аналитического
журнала «ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» 147

EURASIAN INTEGRATION: economics, law, politics

International scientific and analytical journal

Vol. 16 No 1 2022

CONTENTS

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

Ideology of New Era 9

MAIN

Sergei Yu. Glazyev, Igor F. Kefeli

On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union 10

Viacheslav V. Sluchevskiy, Andrey V. Toropygin

Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes 22

ECONOMICS

Anastasia A. Vorona, Sergey P. Kalmykov, Maksim V. Lyashenko

Improving the Sphere of Customs Administration in Russia Based on the Chinese Experience..... 31

Elena V. Zhiryayeva, Vladimir N. Naumov

On the Issue of Free Movement of Financial Services and Capital in the Eurasian Economic Union 43

Elena A. Perminova

Stimulating the Innovative Development of the Regions of the Russian Federation within the Framework of Strategic Investment Projects 57

LAW

Elizaveta K. Berezina

Specifics of Political and Legal Documents on Cooperation between the EAEU and third Countries 68

Viktor P. Kirilenko, Dmitriy S. Molokovskii

International Legal Aspects of Control of Trafficking in New Psychoactive Substances..... 77

Komilbek Amid Yorbek

State and Prospects for the Development of the Modern System of Public Administration of the Republic of Tajikistan..... 86

Ekaterina M. Kurochkina

Legal Regime for the Enforcement of Foreign Court Judgments and Arbitral Awards in the Eurasian Economic Union 93

POLITICS

Irina I. Arsentyeva

The Route to Health: China's Belt and Road Initiative in COVID-19 Pandemic 101

Wang Juntao, Daria E. Lyubina

Sino-Russian Cooperation in the Yangtze and Volga River Basins..... 111

Maria Yu. Ilyina

Cooperation Prospects between the EAEU Member States in the Field of Information Security 119

Victoria Yu. Ledeneva

Reflection of the Problems of Interethnic Relations in the Russian Media..... 128

Nina V. Shevchuk, Angelina A. Sachik

Germany's Approaches to the Settlement of Contemporary International Conflicts in the post-Soviet Space..... 138

For the authors of the journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics"

Rules for the design of articles accepted for consideration by the editors of the scientific and analytical journal "Eurasian Integration: Economics, Law, Politics" 147

Идеология новой эры

Реализация формулируемых Президентом России целей социально-экономического развития страны и всемерного стимулирования евразийской экономической интеграции невозможна без введения ясной и понятной всем гражданам идеологии. В России эта идеология не может не быть социалистической.

Во-первых, без идеологии не удастся привести систему управления социально-экономическим развитием в соответствие с насущными требованиями, которые выражает глава государства. Это все равно что красному командиру командовать Белой армией. Путем репрессий и заградотрядов можно какое-то время заставлять инакомыслящих подчиненных выполнять приказы, но без работы не за страх, а за совесть современную интеллектуальную экономику поднять невозможно.

Во-вторых, без критерия соответствия принимаемых решений интересам повышения общественного благосостояния система управления будет лишена стержня — ответственности чиновников и руководителей государственных корпораций за конкретные результаты своей работы. Она будет оставаться коррумпированной и недееспособной.

В-третьих, доминирующей в общественном сознании ценностью является социальная справедливость. Если система управления ей не соответствует, народ не будет считать ее легитимной. Он будет притворяться, что подчиняется, а чиновники — делать вид, что управляют. Эта система всеобщей имитации может создать видимость народного единства, но оно развалится при первых же испытаниях. Так столетие назад рухнула Российская империя, а четверть века назад — Советский Союз.

В-четвертых, социалистический выбор является прогрессивным, открывающим перспективу включения России и ЕАЭС в ядро нового мирохозяйственного уклада. Сохранять под покрывалом отсутствия официальной идеологии либертарианство — значит обрекать себя на периферийное положение и роль дойной коровы для американской олигархии.

В-пятых, без идеологии, объединяющей общество и подчиняющей частные интересы, включая интересы властвующей элиты, общенародным, нам не выстоять в мировой гибридной войне, которую развернули в стремлении сохранить глобальную гегемонию власти США. Едва ли нам удалось бы победить в предыдущей мировой войне, если бы советский Госбанк работал под методическим руководством немецкого Рейхсбанка, Госплан подчинялся бы имперскому министерству оккупированных восточных территорий, Геббельс курировал издание советских газет, а Борман руководил партийным строительством.

Разумеется, социалистическая идеология должна быть современной. Прежде всего — гуманной, исходящей из необходимости соблюдения прав и свобод человека. А также патриотичной, ставя во главу угла национальные интересы и выстраивая в соответствии с ними внешнюю политику. Она должна быть также ориентирована на опережающее социально-экономическое развитие на основе нового технологического уклада, то есть быть технократичной, прагматичной и прогрессивной.

*Сергей Глазьев,
главный редактор,
академик РАН*

К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза

Глазьев С. Ю.^{1,*}, Кефели И. Ф.²

¹ Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация; * Sergproject1784@gmail.com

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель. Актуализировать внимание на необходимости формирования идеологии евразийской интеграции, выражающей не только экономические, но также общие социально-политические и духовные интересы и видение общего будущего ЕАЭС.

Задачи. Выявить существо идеологии евразийского национализма, ценностный контент концепции Сообщества единой судьбы человечества и возможность их комплиментарной целостности в этнополитическом континууме Большой Евразии.

Методология. Цивилизационный и конкретно-исторический подходы, а также аксиологический дискурс относительно идеологического выбора в полиэтничном сообществе.

Результаты. Обоснована непреходящая ценность концепций евразийского национализма, инверсированная применительно к современности, и Сообщества единой судьбы человечества. Определены основные направления поиска теоретических и аксиологических оснований.

Выводы. На повестке дня евразийской интеграции — поиск условий отказа от либертарианской идеологии, обслуживающей интересы международного капитала, а не народов с общей исторической судьбой. Необходим поиск своей разновидности социально-консервативного синтеза, сочетающей восстановление социалистической идеологии с духовными традициями евразийских народов.

Ключевые слова: Большая Евразия, Большое Евразийское партнерство, геополитика, идеология евразийства, Сообщество единой судьбы человечества

Для цитирования: Глазьев С. Ю., Кефели И. Ф. К вопросу об идеологии Евразийского экономического союза // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 10–21.

On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union

Sergey Yu. Glazyev^{a,*}, Igor F. Kefeli^b

^a Eurasian Economic Commission, Moscow, Russian Federation; * Sergproject1784@gmail.com

^b Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Aim. To update attention on the need to form the ideology of Eurasian integration, expressing not only economic, but also common socio-political and spiritual interests and a vision of the common future of the EAEU.

Tasks. To reveal the essence of the ideology of Eurasian nationalism, the value content of the concept of the Community of the Common Destiny of Humanity and the possibility of their complementary integrity in the ethno-political continuum of Greater Eurasia.

Methods. Civilizational and concrete-historical approaches, as well as axiological discourse regarding the ideological choice in a multi-ethnic community.

Results. The enduring value of the concepts of Eurasian nationalism, inverted in relation to modernity, and the Community of the Common Destiny of Mankind is substantiated. The main directions of the search for theoretical and axiological foundations are determined.

Conclusion. On the agenda of Eurasian integration is the search for conditions for the rejection of libertarian ideology, serving the interests of international capital, and not peoples with a common historical destiny. It is necessary to search for its own kind of social-conservative synthesis, which combines the restoration of socialist ideology with the spiritual traditions of the Eurasian peoples.

Keywords: Greater Eurasia, Greater Eurasian Partnership, geopolitics, ideology of Eurasianism, Community of common destiny of mankind

For citing: Glazyev S. Yu. Kefeli I. F. On the Question of the Ideology of the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 10–21.

Введение

Вопрос об идеологии евразийской интеграции витает в воздухе, но пока далек от конструктивного решения. Каждое государство на постсоветском пространстве генерирует свою национальную идею, зачастую замешанную на русофобии. Населению Украины, контролируемой американскими и английскими спецслужбами, русофобия навязывается в качестве лейтмотива национальной идеи. Немного лучше дела обстоят в других постсоветских республиках. Идея обновленного Русского мира мало кого вдохновляет за пределами России. Самые ярые ее пропагандисты — бойцы ДНР и ЛНР — не встречают должного идеологического отклика в российских государственных СМИ. Последние, за редким исключением, сами грешат русофобией и бесконечно далеки от русской духовной культуры, пропагандируя, главным образом, культ стяжательства и потребительства.

Тем временем Китай уверенно реализует свою стратегическую программу евразийской интеграции «Один пояс — один путь», заявляя об объединении народов единой судьбы человечества. О построении Сообщества единой судьбы человечества Генеральный секретарь Компартии Китая Си Цзиньпин заявил почти десятилетие назад, а в 2015 г. он объявил об этой концепции построения гармоничного мира на 70-й Генеральной Ассамблее ООН¹. Эта идея была включена в Устав КПК (2017 г.) и в Конституцию КНР (в редакции 2018 г.)². «Мы призываем людей всего мира, — заявил китайский лидер в докладе на 19-м Национальном съезде КПК в октябре 2017 г., — работать сообща, чтобы построить общность человеческой судьбы и построить прочный мир всеобщей безопасности, общего процветания, открытости, терпимости, чистоты и красоты»³.

Сообщество единой судьбы человечества или Игра с нулевой суммой?

Как считает китайская исследовательница Чжэн Цзелань, идея Сообщества единой судьбы человечества, утверждающая развитие человечества и благополучное будущее всего мира, уходит корнями в древнюю китайскую традиционную культуру. В ее интерпретации эта идея определяет основное направление внешней политики современного Китая и, в отличие от Игры с нулевой суммой, полна «восточной мудрости и ценит сохранение мира и совместное развитие»⁴.

Игра с нулевой суммой — это, согласно теории игр, антагонистическая игра, в которой выигрыш одного игрока равен проигрышу другого. Хотя этот класс игр считается самым примитивным, он имманентно присутствует в основе либертарианских представлений об экономической конкуренции и международной торговле, а также служит одной из основ военного искусства. Зародившаяся в Западной Европе геополитика также представляет международные отношения как Игру с нулевой суммой. Это представление лежало в основе провоцирования властвующей элитой Великобритании первой и второй

¹ Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН [Электронный ресурс] // China.org.cn. URL: http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721.htm (дата обращения: 01.02.2022).

² Конституция КНР (в редакции 2018 г.): «Китай... продвигает создание человеческого сообщества с единой судьбой» [Электронный ресурс] // Сайт Chinalaw.center. URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (дата обращения: 01.02.2022).

³ Си Цзиньпин. Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая [Электронный ресурс] // Информационное агентство Синьхуа. Пекин. 27.10.2017. URL: http://www.gov.cn/zhuanti/2017-10/27/content_5234876.htm (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ Китайская традиционная культура в концепции «Сообщества единой судьбы человечества» [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. 17 июня 2021 г. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/zhengjelan/> (дата обращения: 01.02.2022).

мировых войн, а сегодня направляет агрессию глубинного государства США в развязывание мировой гибридной войны. Вся история США — это захватнические войны с целью утверждения и расширения своего могущества за счет других стран¹. Известная еще с XIX в. «Стратегия Анаконды» в постсоветское время трансформировалась в «Евразийскую дугу нестабильности». На состоявшейся 21 января 2022 г. XII Международной научной конференции «Евразийская дуга нестабильности и проблемы региональной безопасности от Восточной Азии до Северной Африки: итоги 2021 года», которая традиционно проходит на Восточном факультете Санкт-Петербургского государственного университета, одним из центральных вопросов стало обсуждение изменения ситуации в области безопасности вокруг России на основных сегментах евразийской системы дуг нестабильности, которые представляют наибольшую непосредственную угрозу: восточноевропейский (от Баренцева моря до Черного), кавказский, центральноазиатский (от Каспийского моря до западного Китая). Большое внимание было уделено ситуации, сложившейся в Казахстане в январе 2022 г., которая существенно обострила обстановку на центральноазиатском сегменте².

США продолжают геополитику Великобритании, которая строила могущество своей империи на работорговле и эксплуатации населения своих колоний. Начав с покровительства пиратам, английская корона вплоть до распада своей империи реализовывала свою геополитику в духе Игры с нулевой суммой. Этот дух направлял английское завоевание и разграбление Индии, англо-бурскую войну и обращение людей в рабов в Африке, опиумные войны в Китае, а также предательское поведение в отношении союзных России и СССР в мировых войнах XX в. В этом же духе воспитывается современная американская элита в Йельском и Гарвардском университетах. В головы будущих вершителей американской геополитики до сих пор вбивается доктрина Макиндера столетней давности, в которой интересам народов моря (Великобритании и США) противостоят народы суши (прежде всего, России, занимающей большую часть «Хартленда» — Евразии).

Нетрудно убедиться, что логика Игры с нулевой суммой направляет и современную геополитику властвующей элиты США. В этой логике она восприняла распад СССР как свою победу в холодной войне. Лифшульц признается, что самые влиятельные люди американского глубинного государства строили планы расчленения России на 50 маленьких государств с целью окончательного ее уничтожения как геополитического соперника³. Подобная история тянется еще с петровских времен, о чем А. С. Пушкин в «Истории Петра» писал: «Министры шведские объявили намерение короля [Карла XII] свергнуть Петра с престола, уничтожить регулярное войско и разделить Россию на малые княжества» [10, с. 184].

В этой же логике Игры с нулевой суммой руководство США ведет торговую войну с КНР и вводит финансовые санкции против России. Эта же логика направляет атаки американских спекулянтов против рубля и других национальных валют, поглощение американскими корпорациями своих конкурентов на постсоветском пространстве, организацию цветных революций и навязчивое вмешательство во внутренние дела других стран с целью подчинения их своим интересам.

В связи со сказанным следует напомнить, что еще в 1960 г. Томас Шеллинг опубликовал книгу, посвященную исследованию общей логики поведения участников конфликтных ситуаций на основе теории игр, заложив тем самым основы теории стратегического поведения, в первую очередь применительно к сфере международных отношений и геополитики [8, с. 146–172]. В последующие десятилетия Шеллинг и ряд других ученых, работавших в этой области исследований, стали лауреатами Нобелевской премии в области экономики. «Если Игра с нулевой суммой есть предельный случай чистого конфликта, — задается риторическим вопросом автор, — то какова другая крайность? Это должна быть игра “чистого сотрудничества”, в которой игроки побеждают или проигрывают вместе, имея идентичные предпочтения относительно исхода» [13, с. 110]. К великому сожалению, политики далеко не всегда прислушиваются

¹ Is World War III Near? (with USA Curriculum Vitae) [Электронный ресурс] // Operation Disclosure Official. 24 December, 2021. URL: <https://operationdisclosureofficial.com/2021/12/24/is-world-war-iii-near-with-usa-curriculum-vitae/> (дата обращения: 01.02.2022).

² Вокруг России формируется кольцо нестабильности: конференция [Электронный ресурс] // ИА REGNUM. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3493095.html> (дата обращения: 30.01.2022).

³ Is World War III Near? (with USA Curriculum Vitae) [Электронный ресурс] // Operation Disclosure Official. 24 December, 2021. URL: <https://operationdisclosureofficial.com/2021/12/24/is-world-war-iii-near-with-usa-curriculum-vitae/> (дата обращения: 01.02.2022).

к голосу ученых, впрочем, идеи, изложенные в «Стратегии конфликта», оказали в свое время существенное влияние на развитие концепции ядерного сдерживания, контроля над вооружениями и других важных внешнеполитических доктрин.

Характерное для руководства США и их союзников понимание геополитики как Игры с нулевой суммой несовместимо с выдвинутой председателем КНР концепцией Сообщества единой судьбы человечества. Вместе с тем последняя органично сочетается с концепцией Большого Евразийского партнерства, выдвинутой Президентом России В. В. Путиным.

«...Считаю, что сложение потенциалов таких интеграционных форматов, как ЕАЭС, “Один пояс — один путь”, Шанхайская организация сотрудничества, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, способно стать основой для формирования Большого Евразийского партнерства. Привлечение государств Евросоюза в такое партнерство в современных условиях вряд ли реализуемо, но рано или поздно здравый разум, диктуемый цивилизационной геополитикой, должен восторжествовать в утверждении Большого Евразийского партнерства»¹.

Большое Евразийское партнерство и «Один пояс — один путь»: глобальные проекты евразийской интеграции

В основе концепции Большого Евразийского партнерства лежат принципы добрососедства, взаимной выгоды, добровольного сотрудничества, уважения национального суверенитета, открытости, строгого соблюдения международного права. Как и в концепции «Один пояс — один путь» (ОПОП), упор делается на сочетании конкурентных преимуществ и возможностей сотрудничающих стран, на интеграции их экономик на основе совместных инвестиций и производственной кооперации. Не глобальная либерализация, а глобальная кооперация и сотрудничество ставятся в качестве главной цели построения международных экономических отношений, о чем я заявлял ранее [3, с. 6–17]. Более того, ЕАЭС строится по указанным выше принципам Большого Евразийского партнерства и потому может служить его моделью, предлагая различным странам разнообразные формы сотрудничества. Совершенно органично главы России и Китая заявили о сопряжении ЕАЭС и ОПОП, которое может рассматриваться как основа формирования Большого Евразийского партнерства.

Евразийская интеграция рассматривается в настоящее время исключительно как экономическая, предусматривающая формирование общего рынка и единого экономического пространства. В рамках реализации год назад принятых Стратегических направлений развития Евразийской интеграции до 2025 г. предусматривается также развертывание механизмов стратегического планирования, развития производственной кооперации, разработки и реализации совместных инвестиционных программ и проектов, сотрудничества в сфере науки, техники, образования, здравоохранения, туризма и спорта. Общий рынок дополняется формированием общих ориентиров макроэкономической политики, координацией промышленной и сельскохозяйственной политики.

Вместе с тем тенденции дезинтеграции экономик бывших союзных республик еще не преодолены. Во всех из них, за исключением Белоруссии, объем взаимной торговли намного ниже внешней торговли с третьими странами, от них же приходит основная часть прямых иностранных инвестиций. Каждое из государств ЕАЭС испытывает мощное влияние соседних центров силы — КНР, ЕС, Турции, а также США. Желаемый сценарий долгосрочного развития ЕАЭС до 2030 г., предусматривающий создание собственного центра силы, пока не реализуется. Фактически отечественная экономика все еще движется по инерционному сценарию, а роль ее в мировой и евразийской экономике продолжает снижаться.

Все более ощущается негативное влияние дезинтеграции образовательного и языкового пространства — мощная культурная и духовная интервенция внешних идеологических систем создает новые векторы напряжения в социуме. Установление неонацистского режима с русофобской идеологией на

¹ Из выступления В. В. Путина на Международном форуме «Один пояс — один путь». Пекин, 14 мая 2017 г. [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 01.02.2022).

Украине, приход к власти антиевразийских сил в Молдавии, военная агрессия Азербайджана против Армении, трагические события января 2022 г. в Казахстане свидетельствуют о продолжающемся распаде постсоветского пространства под влиянием внешних, враждебных евразийской идее сил. Евразийская дуга нестабильности захватила постсоветское пространство. США и их сателлиты продолжают следовать навязчивой идее максимального раздробления постсоветского пространства и всячески препятствуют евразийской интеграции, в которой им мерещится возрождение СССР. Очевидно, что одной только экономической рациональности для дальнейшего развития и углубления ЕАЭС недостаточно. Да и сам критерий экономической рациональности далеко не всегда определяет выбор инвесторов в пользу развития кооперации с партнерами по Союзу. Для этого они должны обладать передовыми технологиями и быстро растущими производительными силами. А это требует реализации стратегии опережающего развития экономики, для реализации которой пока не хватает идеологической ясности.

В отсутствие идеологии центром формирования экономической политики становится Международный валютный фонд (МВФ), исповедующий идеологию либеральной глобализации. Под влиянием политики рыночного фундаментализма (Вашингтонского консенсуса) эволюция наших экономик направляется внешними центрами силы, которые предоставляют дешевые долгосрочные кредиты, осуществляют стратегическое планирование и реализуют целенаправленную стратегию развития своих экономик. В том числе за счет освоения наших природных ресурсов, использования наших умов и подчинения нашей макроэкономической политики своим интересам.

Сильное государство не может быть без государственной идеологии. Круг замыкается: отсутствие идеологии не позволяет реализовать разработанную Российской академией наук стратегию опережающего развития, а без нее эволюция экономики наших государств подчиняется влиянию внешних центров силы, становясь их ресурсной периферией. В рамках геополитических и экономических Игр с нулевой суммой с внешними партнерами ЕАЭС по-прежнему будет разрываться внешними центрами силы. Чтобы им противостоять, нужно усиливать целостность и внутреннюю связность нашей экономики. Чтобы реализовать сопряжение с ОПОП не в качестве сырьевой периферии, а составной частью ядра нового технологического и мирохозяйственного укладов, нужно становиться самостоятельным центром силы со своей стратегией опережающего развития. А для этого нужна идеологическая ясность и определенность.

Евразийская идеология: вызов истории и современности

Лозунг Сообщества единой судьбы человечества, по сути, подтверждает высказанное почти сто лет назад пророчество одного из основателей идеологии евразийства Н. С. Трубецкого. Обратим внимание на указанную им неумолимую логику истории, согласно которой в ходе революционных событий 1917 г. «русский народ оказался не единственным господствующим, а одним из равноправных народов, населяющих государственную территорию... первый между равными» [12, с. 25]. Более того, предупреждает автор, отдельные самоопределившиеся народы прежней Российской империи и нынешнего СССР рано или поздно будут искать себе поддержку и союзников среди иностранных держав. Но какой же фактор способен объединить народы в единое социально-политическое целое? Ответ Трубецкого: «СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т. е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно эта общность идеала объединяет все эти республики в одно целое» [Там же, с. 26]. Заявляя о том, что прочное и постоянное объединение возможно лишь при наличии этнического (национального) субстрата, он приходит к тому выводу, что «национальным субстратом того государства, которое прежде называлось Российской империей, а теперь называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом. Эту нацию мы называем *евразийской*, ее территорию — *Евразией*, ее национализм — *евразийством*» [Там же, с. 28]. Братство народов Евразии становится существенным фактом сознания, чего нельзя сказать о тех группах народов, которые лежат в основе понятий панславизма, пантуранизма или панисламизма: «Ни одна из этих групп не объединена в такой степени единством исторической судьбы входящих в нее

народов. И потому ни один из этих “пан-измов” не является прагматически ценным в той мере, как общевосточный национализм» [12, с. 29–30].

Сегодня возникает практический вопрос: как признак общности исторических судеб или единой судьбы человечества может быть использован в практической работе по развитию евразийской интеграции? На основе понятия единой судьбы человечества строятся основные принципы становления нового мирохозяйственного уклада, который приходит на смену имперскому, в котором интеграция осуществлялась с системным применением идеологически оправданного насилия. Мир был разделен между двумя схожими по системам управления, но идеологически противоположными имперскими образованиями — мировой системой социализма, спянной КПСС, и развитыми капиталистическими странами, объединенными транснациональными корпорациями, опирающимися на ФРС США. Обе эти системы строились по фрактальному принципу, дублируя одинаковые системы управления в каждом государстве. В новом, интегральном мирохозяйственном укладе признается разнообразие стран, уважается духовная культура и политическая традиция каждой из них, применение насилия строго ограничивается международным правом так же, как эмиссия мировых валют и использование любых инструментов мировой экономики и политики.

Из вышесказанного следует, что интеграция в рамках нового мирохозяйственного уклада может строиться исключительно на добровольной основе с взаимным соблюдением национальных суверенитетов и признанием национальных интересов. Тогда выходит, что каждый народ сам оценивает общность исторической судьбы с другим народом и выносит собственное суждение насчет участия в Сообществе единой судьбы человечества. И здесь возникает несколько фундаментальных противоречий.

Во-первых, несовместимость идеи Сообщества единой судьбы человечества с характерным для властвующей элиты США и их союзников подходом к международным отношениям как Игре с нулевой суммой. Если один из партнеров предлагает сотрудничество ради процветания другому, а этот другой относится к партнеру как к источнику наживы, то первый в таких отношениях становится жертвой второго. Классическим примером является история взаимоотношений США с поддержавшими их независимость странами. Как было показано выше, они много раз захватывали и отбирали обширные территории у Мексики, которая помогла им профинансировать войну за независимость, подарив несколько груженных серебром судов. Подобным же образом они оплатили Франции, принудив ее к уступке нескольких колоний за символическую компенсацию. Они внесли весомый вклад в финансирование свержения правившей в России династии, которая также немало способствовала защите новоиспеченных США от британского флота. Из этого следует, что в Сообществе единой судьбы человечества нет места, по меньшей мере, США и Великобритании, властвующая элита которых три последних столетия пытается закабалить человечество, стравливая между собой государства и истребляя их народы. Еще в 1912 г. Алексей Ефимович Вандам (Едрихин) в работе «Наше положение», определяя «высшую стратегию или политику» как особое искусство и представляя сей труд как «легкую царяпину на девственной и безотлагательно требующей разработки почве русской политической мысли», указал на ход событий, следующих за Русско-японской войной 1904–1905 гг. и выразившихся в стремлении англосаксов к мировому господству. В этой череде событий, как пишет Вандам, «наступает очередь и Китая, который после своих разнообразных опытов с англичанами и американцами смело мог бы сказать теперь — “плохо иметь англосакса врагом, но не дай Бог иметь его другом!”» [1, с. 29, 103–104]. Сравнивая эти весьма примечательные слова военного разведчика, царского генерала с событиями сегодняшнего дня, невольно приходишь к мысли, что история «пронизывает» геополитику, поэтому последняя заключает в себе, пожалуй, не менее значимую идеологическую функцию, нежели сама история, подверженная «страстям человеческим».

Во-вторых, общность исторической судьбы у разных народов может быть разной. Например, у русского и германского народов общность исторической судьбы проявилась в двух взаимоистребительных мировых войнах, унесших десятки миллионов жизней. Хотя в периоды мирного сотрудничества Россия и Германия налаживали глубокую кооперацию производства и успешно развивали взаимную торговлю, усиливая друг друга, англичанам удавалось их втягивать в антагонистическую военную игру. То же касается взаимоотношений Германии и Франции, Китая и Японии.

В-третьих, общность исторической судьбы может по-разному пониматься. Например, русский народ пролил много крови, защищая Грузию от враждебно настроенных к ней нехристианских народов, и вложил много сил в развитие ее экономики. Это не помешало прийти к власти в Грузии клиническим русофобам, которые организовали военный конфликт и разорвали отношения с Россией. Еще более впечатляющей является русофобия властвующей элиты прибалтийских государств, которых Россия спасла от перспективы полной ассимиляции агрессивными германскими племенами. Во властвующих элитах всех постсоветских государств можно видеть немало общественных и политических деятелей, обвиняющих Россию во всех мыслимых бедах и игнорирующих очевидный исторический факт: самым эксплуатируемым в Российской империи и СССР был именно русский народ, значительная часть жизненных сил которого была брошена на защиту, обустройство и обеспечение развития других народов, объединенных этими государствами.

Наконец, внутри каждого народа есть разные точки зрения по обсуждаемым вопросам. Эта проблема коренится в расхождении интересов народа и его властвующей элиты. Властвующая элита новообразовавшихся государств остро нуждается в легитимизации своего господствующего положения в общественном сознании. Почти всегда эта задача решается путем раздувания ненависти к бывшему государственному центру, которая оправдывает немалые издержки борьбы за независимость и последующего восстановления разрушенной из-за разрыва производственной кооперации экономики. За примерами далеко ходить не надо: народы всех республик бывшего СССР стали жить существенно хуже после его развала. А властвующая элита новых независимых государств, наоборот, существенно лучше. Тем не менее возникшее после скоропалительного отказа от социализма социальное неравенство и раскол общества на антагонистические классы до сих пор удается купировать в общественном сознании русофобской пропагандой, сваливая ответственность за все обрушенные на народ беды и страдания на Россию. Как-то Президент России В. В. Путин тонко сравнил положение России в процессах евразийской интеграции с ролью «терпилы» — человека, который больше всех делает для сообщества и одновременно больше всех терпит всяческие претензии и обвинения от партнеров.

Окажутся ли евразийская идеология и идея Сообщества единой судьбы человечества комплиментарными?

Для преодоления указанных выше противоречий нужен новый взгляд на общность исторических судеб наших народов. Начать нужно с очищения исторической памяти от раскалывающих общественное сознание исторических мифов. Первая их группа связана с демонизацией Российской империи и СССР. На Украине, например, под руководством американских агентов влияния в учебники по истории внедрили множество русофобских мифов, не имеющих ничего общего с реальным положением русского народа, сформировавшегося в украинской ныне Малороссии. Чего стоит одно только обвинение в голодоморе, среди организаторов которого на Украине нет ни одной русской фамилии! Не говоря уже о героизации Руины — периода автономного от России существования Украины [7, с. 29–45]¹.

Вторая группа исторических мифов, наоборот, связана с унижением русского народа, которому русофобствующие историки приписывают рабскую покорность, дикость, культурную неразвитость. Самыми устойчивыми из них являлись сочиненная немецкими историками в XVIII в. норманнская (варяжская) теория происхождения русской государственности, а также миф о татаро-монгольском иге, возникший в воображении польских иезуитов и раскрученный французскими историками после поражения Наполеона. Комплекс неполноценности общественного сознания поляков, переживших раздел Польши, а также французов, нарвавшихся на русские штыки и потерявших европейскую гегемонию, понятен. Также понятен смысл большевистской историографии, стремившейся всячески принизить историческую роль России и русского народа ради возвеличивания советского передового строя [2].

¹ В. А. Дергачев выделяет в истории Украины три периода «руин»: первая — после смерти Б. Хмельницкого (1657 г.), вторая — в период после Февральской революции 1917 г. деятельность Центральной Рады и Директории (1917–1920 гг.), третья — потеря Украиной после распада Советского Союза своего культурно-генетического цивилизационного кода и переход ее на позиции новой мировой периферии.

Вопреки официальной историографии, теоретики евразийства придавали большое значение ордынскому периоду нашей истории. В их воображении она представлялась гармоничным государством, объединившим разные народы в союз леса и степи (Г. В. Вернадский). Упорядочивание управления гигантской евразийской территорией в рамках одного государства создавало условия для мирного сотрудничества множества этнических и социальных групп, предотвращения взаимоистребительных войн. В понимании евразийцев Российская империя во многом унаследовала дух евразийской общности, предоставив многим народам возможность укрыться под скипетром русского царя от грозивших им уничтожением агрессивных внешних сил [11].

Разработанная Н. С. Трубецким, П. Н. Савицким, Г. В. Вернадским и их единомышленниками идеология евразийства интуитивно основывалась на историческом преемстве Русско-ордынской, Российской и Советской империй. Развал СССР произошел, как и предвидел Трубецкой, по национальным границам. Новые независимые государства стали выстраивать свои национальные идеологии на отрицании своего имперского прошлого, рисуя его в черных красках.

Первым идеологам евразийства не удалось создать научно обоснованной теории. Опираясь на свое понимание истории с географией, они создали романтический образ дружбы евразийских народов, сильно отличающийся от официальной историографии. Для формирования современной идеологии евразийской интеграции предстоит большая, длительная и кропотливая работа по восстановлению исторических фактов, занесенных грязью официальных исторических фальсификаций, столетиями создаваемых в интересах постимперских национальных элит.

Следует специально оговорить, что современная евразийская интеграция не предполагает ни реставрацию старых, ни создание новой империи в традиционном понимании этого слова. Привлекает внимание концепция К. Малофеева, раскрывшего диалектику всемирной истории в противостоянии империи как цивилизации доблести и чести цивилизации денег. В только что опубликованном его фундаментальном труде «Империя», написанном в жанре исторических приключений, вся история человечества предстает как драматическая борьба имперской государственности, удерживающей силы зла и оберегающей народ от разложения, с разъедающим ее культом денег и вседозволенности, отражающим интересы транснационального частного капитала. Может быть, в скором времени выдвинутая К. Малофеевым теория и интерпретация истории, представленная исключительно в славянофильском духе, будет востребована в практике евразийской интеграции, участники которой пока находятся под властью Ханаана — цивилизации денег со всеми негативными последствиями для подавляющего большинства населения и общенациональных интересов. «Отсутствие идеи о духовных основах государства, о его роли в мире и его миссии, как можно убедиться на примере XIX века в России, привело к печальным последствиям. Поэтому, — смело заявляет автор, — нам, современным русским, вновь обретающим сего дня статус великой державы, необходимо вернуть саму идею о России. Идею о Третьем Риме...» [9, с. 15]. Правда, обращение к истории Древнего мира и иррациональному спору славянофилов и западников вряд ли может оказаться конструктивной подсказкой в поисках идеологии евразийства. Во всяком случае без восстановления охарактеризованных в указанной книге имперских принципов евразийская интеграция будет ограничена поддержанием единого экономического пространства в интересах корпораций. Для того чтобы корпорации работали на нашем общем рынке в интересах повышения благосостояния народов ЕАЭС, необходимо его регулирование в этих целях.

В настоящее время ЕАЭС представляет исключительно экономическое объединение государств, каждое из которых сохраняет свой национальный суверенитет, независимую политическую систему и полную самостоятельность функционирования государственных институтов. Никаких планов по реставрации СССР, которые мерещатся западным политикам, у руководства России нет. Как следует из закономерностей формирования нового мирохозяйственного уклада, современная интеграция государств не предполагает их слияния в одно государственное образование. Из этого же исходит выдвинутая Президентом России концепция Большого Евразийского партнерства.

Для устойчивой взаимовыгодной и перспективной интеграции одной идеи общего рынка явно недостаточно. Если на этом рынке появляются агрессивные игроки, относящиеся к конкуренции как к Игре

с нулевой суммой, то вместо совместной выгоды мы получим обогащение одних за счет разорения других. Примером может служить Европейский союз, в котором успешное развитие Германии сопровождается разорением Греции, Испании и Италии, конкурентоспособность которых в привлечении транснациональных корпораций существенно уступает северным соседям.

Европейский союз мы определяем как бюрократическую империю, наднациональные органы которой обслуживают интересы транснациональных американско-европейских корпораций в ущерб национальным интересам стран-членов. Общий рынок ЕС регулируется Еврокомиссией в интересах крупного капитала, под требования которого выстраивается наднациональное законодательство, довлеющее над законодательствами членов ЕС. По-другому устроена деятельность ЕАЭС: все решения принимаются консенсусом с учетом национальных интересов каждого из государств-членов. Но, оставаясь в рамках концепции общего рынка и даже единого экономического пространства, ЕАЭС не может гарантировать, что это пространство будет работать на благосостояние всех проживающих в Союзе народов. Для этого нужна общая цель и высокая идея, а также согласованные шаги по их достижению.

Согласно Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., его целью является «стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов...», а также «всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик в условиях глобальной экономики». Эти цели сугубо инструментально-формальные, не имеющие идеологического содержания. А отсутствие официальной идеологии Союза в современных условиях всегда означает идеологию либертарианскую, автоматически отражающую идеал денежного мешка. Идеология ЕАЭС должна быть, следуя завету Трубецкого, наднациональна, привлекающая и объединяющая интересы многоликого народа Союза.

Евразийская идеология предполагает объединение народов общей исторической судьбы. Объединение судеб строится на любви, дружбе, взаимопомощи, оно должно быть также взаимовыгодным. Выше мы рассмотрели предпосылки такого объединения в прошлом. Народы ЕАЭС действительно объединяет исторический опыт совместного строительства, развития и защиты самых крупных и влиятельных в мире государств. Положительного в этом опыте, если смотреть в реальной системе координат, намного больше, чем отрицательного. Более того, без этого совместного исторического опыта не было бы самих нынешних государств ЕАЭС. Вместе с тем создаваемое ими объединение должно не только иметь прочную историческую основу совместной созидательной деятельности в прошлом, но и быть обращено в будущее. Очевидно, что целью этого объединения не может быть только формирование общего рынка. Если только этим и ограничиться, то вскоре антагонистические интересы конкурирующих между собой корпораций повлекут удовлетворение одних национальных интересов за счет других. Иначе говоря, кооперационная игра международных игроков (даже объединенных договорными обязательствами) рано или поздно перейдет в Игру с ненулевой суммой, а далее... все может быть. Из этого следует, что цель ЕАЭС нужно дополнить критерием повышения благосостояния народов государств — членов ЕАЭС, а также обеспечения поступательного опережающего другие страны социально-экономического развития государств-членов. Тогда у наднационального органа будет четкое понимание, как регулировать единое экономическое пространство. Обеспечение свободного движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы не должно быть самоцелью — оно должно работать на повышение благосостояния народа и конкурентоспособности экономики каждого из государств — членов ЕАЭС, что соответствует закономерностям становления нового мирохозяйственного уклада [6].

Идеология евразийцев позволяет конкретизировать и путь формирования Сообщества единой судьбы человечества. Это создание коалиции стран, заинтересованных в формировании нового мирохозяйственного уклада, исключающего конфронтацию и применение военной силы в международных отношениях, которые должны основываться на уважении национальных интересов и особенностей всех стран, на взаимовыгодном добровольном сотрудничестве и строгом соблюдении международного права. При этом важно добавить, что новый мирохозяйственный уклад мы назвали интегральным, поскольку главной функцией государства становится гармонизация интересов всех социальных групп на основе достижения общей цели — повышения народного благосостояния. В характерной для него

системе производственных отношений стратегическое планирование сочетается с рыночной конкуренцией, а государственный контроль за денежной системой и инфраструктурными отраслями — с частным предпринимательством, свобода которого ограничивается государством только теми видами деятельности, которые способствуют достижению указанной общей цели. Интегральный мирохозяйственный уклад предусматривает синтез социалистической идеологии, рыночной экономики и национальных интересов.

Альтернативой формированию Сообщества единой судьбы человечества является путь расчеловечивания, по которому движется властвующая элита США и Западной Европы, продвигающая ценности ЛГБТ, ориентирующаяся на создание киборгов и ликвидирующая все традиционные идентификационные признаки человека в обществе. В прошлом веке властвующая элита этих стран, следуя принципу Игры с нулевой суммой, развязала две мировых горячих и одну холодную войну с целью установления господства в Евразии. В позапрошлом веке она закабалила евразийские народы в своих колониях, обращая в рабов их население. Очевидно, что претендующая на мировое господство властно-финансовая элита США, развязавшая с этой целью современную гибридную войну против России и Китая, ни в Сообщество единой судьбы человечества, ни в Большое Евразийское партнерство вступать не собирается. Хуже того, она изо всех сил пытается сорвать интеграционные процессы в Евразии.

При всем миролюбии идеологии евразийцев, которые склонны романтизировать отношения между народами Евразии, следует признать, что евразийская интеграция нуждается в защите от американской агрессии. Ставки в борьбе между желающей удержать мировое господство западной властно-финансовой олигархией и Сообществом единой судьбы человечества как никогда велики. Речь идет о самом существовании человечества, которому современные последователи либертарианства готовят трансформацию в постчеловеческий вид, в котором люди-киборги лишаются какой-либо групповой идентичности (национальной, половой и даже видовой) и манипулируются возможностями искусственного интеллекта.

В основу объединяющей гуманистической идеологии может быть положена концепция социально-консервативного синтеза, объединяющая социалистическую идею с духовными ценностями традиционных религий. Именно по этому пути формирования идеологии социализма с китайской спецификой пошла Коммунистическая партия Китая, взяв на вооружение традиции конфуцианства, даосизма и буддизма. Концепция социально-консервативного синтеза имеет множество идеологических, культурных, политических и административных разновидностей в разных странах Евразии. Новый мирохозяйственный уклад допускает их любое разнообразие, выстраивая международное сотрудничество на основе взаимного уважения и выгоды при строгом соблюдении норм международного права. Однако эта концепция осталась не понятой в Парламентской Ассамблее ОБСЕ, делегатов которой от левых партий европейских стран я пытался убедить в необходимости ее реализации [5]. Для формирования Сообщества единой судьбы человечества нужна коалиция стран, способная победить в гибридной войне, развернутой властно-финансовой олигархией США с целью удержания мирового господства. О путях ее формирования подробно написано в книге «Последняя мировая война: США начинают и проигрывают» [4].

Заключение

Вследствие отсутствия официально согласованных идеологических позиций в государствах ЕАЭС, по сути, реализуется либертарианская идеология, обслуживающая интересы международного капитала, а не народов с общей исторической судьбой. Из-за этого наша евразийская интеграция не обеспечивает пока опережающего социально-экономического развития государств-членов. Единое экономическое пространство не направляется глобальной стратегией развития в целях роста общественного благосостояния, ощущаемого народами стран — членами ЕАЭС. Необходим поиск своей разновидности социально-консервативного синтеза, сочетающей восстановление социалистической идеологии с культурными, нравственными и духовными традициями евразийских народов. Нужна широкая дискуссия в научной, религиозной и общественно-политической среде для формирования цементирующей евразийскую интеграцию идеологии. «Надо постоянно иметь в виду, — недавно предупреждал Д. Тренин, — что Азия

не заменит России Европу, а Китай не станет альтернативой США, и исходить из принципа комплиментарности». Видимо, Тренин прибегнул к образному толкованию предложенной Л. Н. Гумилевым положительной комплиментарности как безотчетной симпатии народов Древней Руси и Великой Степи. Однако ныне более суровые времена, когда необходимо однозначно заявлять о геополитическом статусе современной России. В связи с этим стоит обратить внимание на заявление Министра иностранных дел России Сергея Лаврова о нынешнем статусе нашего государства в его выступлении в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 1 декабря 2021 г.: «Россия — великая евразийская, евро-тихоокеанская держава». Хорошо известно, что истинным дипломатам присуще в случае неустойчивой международной обстановки однозначное заявление, как это было сделано канцлером А. М. Горчаковым в депеше правительствам европейских государств в связи с поражением России в Крымской войне: «Россия не сердится — она сосредоточивается» (“La Russie ne boude pas — elle se recueille”). Соответственно этому, идеология Евразийского экономического союза должна, очевидно, иметь общие основания для всех государств, в него входящих.

Литература

1. *Вандам (Едрихин) А. Е.* Геополитика и геостратегия. М. : Кучково поле, 2002. 272 с.
2. *Глазьев С. Ю.* За горизонтом конца истории. М. : Проспект, 2021. 416 с.
3. *Глазьев С. Ю.* Концептуальные предложения по практической реализации идеи Большого Евразийского партнерства // Экономические стратегии. 2019. Т. 21. № 1 (159).
4. *Глазьев С. Ю.* Последняя мировая война. США начинают и проигрывают. М. : Книжный мир, 2016. 530 с.
5. *Глазьев С. Ю.* Социалистический ответ либеральной глобализации. М. : АПН. 2006.
6. *Глазьев С. Ю.* Управление развитием экономики : курс лекций. М. : Издательство Московского университета, 2019. 759 с.
7. *Дергачев В. А.* Анатомия растраниженной независимости // Мир перемен. 2014. № 4.
8. *Кефели И. Ф., Малафеев О. А.* Математические начала глобальной геополитики. СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2013. 204 с.
9. *Малафеев К. В.* Империя. Книга первая. М. : АСТ, 2022. 464 с.
10. *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч. в 10 т. Т. 9. М. : Изд-во АН СССР, 1958. 652 с.
11. Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100-летию образования СССР и становления евразийства) : коллект. монография / под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : Петрополис, 2022. 532 с.
12. *Трубецкой Н. С.* Общеевразийский национализм // Евразийская хроника. Выпуск IX / под ред. П. Н. Савицкого. Париж, 1927. 102 с. С. 24–31.
13. *Шеллинг Томас.* Стратегия конфликта. М. : ИРИСЭН, 2007. 366 с.

Об авторах:

Глазьев Сергей Юрьевич, Член коллегии (Министр) по интеграции и макроэкономике ЕЭК (Москва, Российская Федерация), Председатель Научного Совета РАН по комплексным проблемам евразийской экономической интеграции, модернизации, конкурентоспособности и устойчивому развитию, главный редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», академик РАН, доктор экономических наук, профессор; Sergproject1784@gmail.com

Кефели Игорь Федорович, директор Центра геополитической экспертизы Северо-Западного института управления РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, эксперт Российской академии наук и Парламентской Ассамблеи ОДКБ, шеф-редактор журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика», доктор философских наук, профессор; geokefeli@mail.ru

References

1. Vandam (Edrikhin) A. E. Geopolitics and geostrategy. Moscow : Kuchkovo field, 2002. 272 p. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu. Beyond the horizon of the end of history. Moscow : Prospekt, 2021. 416 p. (In Rus.)
3. Glazyev S. Yu. Conceptual proposals for the practical implementation of the idea of the Greater Eurasian Partnership // Economic Strategies [Ekonomicheskie strategii]. 2019. V. 21. No. 1 (159). (In Rus.)
4. Glazyev S. Yu. Last World War. The US starts and loses. Moscow : Knizhny Mir, 2016. 530 p. (In Rus.)
5. Glazyev S. Yu. Socialist response to liberal globalization. Moscow : APN. 2006. (In Rus.)
6. Glazyev S. Yu. Management of economic development: a course of lectures. Moscow : Moscow University Press, 2019. 759 p. (In Rus.)
7. Dergachev V. A. Anatomy of squandered independence // World of Changes [Mir peremen]. 2014. No. 4. (In Rus.)
8. Kefeli I. F., Malafeev O. A. Mathematical principles of global geopolitics. Saint Petersburg : Polytechnic University Press, 2013. 204 p. (In Rus.)
9. Malofeev K. V. Empire. Book one. Moscow : AST, 2022. 464 p. (In Rus.)
10. Pushkin A. S. Full. coll. op. in 10 vols. V. 9. Moscow : Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 652 p. (In Rus.)
11. Soviet civilization and the Eurasian idea: two century-long stories (to the 100th anniversary of the formation of the USSR and the formation of Eurasianism) : monograph / ed. by I. F. Kefeli. Saint Petersburg : Petropolis, 2022. 532 p. (In Rus.)
12. Trubetskoy N. S. Pan-Eurasian nationalism // Eurasian chronicle [Evraziiskaya khronika]. Issue IX / ed. by P. N. Savitsky. Paris, 1927. 102 p. P. 24–31. (In Rus.)
13. Schelling Thomas. Conflict strategy. Moscow : IRISEN, 2007. 366 p. (In Rus.)

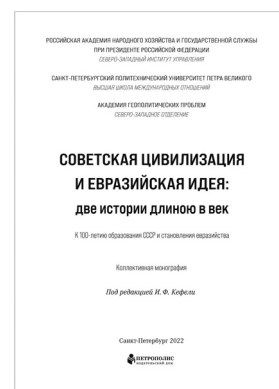
About the authors:

Sergey Yu. Glazyev, Member of the Board — Minister in Charge of Integration and Macroeconomics of the EEC (Moscow, Russian Federation), Academician, Scientific Council on Complex Problems of Eurasian Economic Integration, Modernization, Competitiveness and Sustainable Development, Editor in Chief of the Magazine “Eurasian Integration: Economics, Law, Politics”, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of Economics, Professor; Sergproject1784@gmail.com

Igor F. Kefeli, Director of the Center for Geopolitical Expertise of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Honoured Worker of Higher School of the Russian Federation, an Expert RAS and an expert of the Parliamentary Assembly of the Collective Security Treaty Organization, chief editor of the Magazine “Eurasian Integration: Economics, Law, Politics”, Doctor of Science (Philosophy), Professor; geokefeli@mail.ru

Советская цивилизация и евразийская идея: две истории длиною в век (к 100- летию образования СССР и становления евразийства) : коллективная монография / под ред. доктора филос. наук, проф. И. Ф. Кефели; предисловие академика РАН С. Ю. Глазьева. СПб. : ИД «ПЕТРОПОЛИС», 2022. 532 с.

Выход коллективной монографии приурочен к 100-летию двух великих исторических событий — образования СССР и зарождения евразийства в эмигрантской среде русской научной и художественной интеллигенции, объединившей свои усилия в поисках путей развития Русского мира в послереволюционное время. Сложилась уникальная ситуация (строительство Советского Союза на просторах Евразии и идейные искания евразийцев), которая, как показала российская история XX — первых десятилетий XXI вв., проявилась в синтезе идей реального социализма и, в неявной форме, идей евразийства, который обретает конкретные черты в ныне разрабатываемых глобальных евразийских проектах. Книга предназначена для научных работников, преподавателей и студентов, государственных служащих, экспертов и для широкого круга читателей, всех, кто интересуется отечественной культурой, историей и геополитикой.

Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов

Случевский В. В., Торопыгин А. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * toropyginav@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются российско-китайские отношения в контексте сопряжения проектов Евразийского экономического союза и проекта «Один пояс — один путь». Сравнительно долго среди экспертов существовало мнение о сложности сопряжения этих проектов. ЕАЭС — интеграционное объединение некоторых стран постсоветского пространства. Относительно экономического пояса Шелкового пути долгое время шла дискуссия о его сути и механизмах.

Сложность сопряжения выделась в явном различии сути проектов, а отсюда и самих механизмов сопряжения. Понятие «Один пояс — один путь» используется нами в качестве обобщающего для всех отдельных проектов, выдвинутых Китайской Народной Республикой. По сути, это не меняет проблемы сопряжения.

В последнее время с появлением новых взглядов на вопросы интеграции и формирование теории евразийской интеграции ее стало возможным рассматривать как определенный механизм достижения других более значительных целей.

Цель. Целью исследования является анализ российско-китайских отношений в контексте влияния развития интеграционных проектов ЕАЭС и инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП).

Задачи. Таким образом, задачами исследования стали: показать возможность исследования взаимодействия проектов в рамках интеграционного взаимодействия; показать, что взаимодействие является механизмом влияния на российско-китайские отношения.

Методология. Методология исследования основана на современных взглядах на процесс евразийской интеграции, точнее, на таких концептах, как «прагматическое евразийство», «скрепляющая интеграция», «географические полюса недоступности», «транспортный союз». При этом основной является идея интеграции как механизма достижения других целей, в том числе и возможности влияния на международные отношения.

В современных условиях на международные отношения, и в особенности на международные экономические отношения, непосредственное воздействие оказывает пандемия COVID-19.

Поскольку современное развитие, в первую очередь экономических отношений, во многом определяется влиянием пандемии, второстепенной задачей являлась задача показать устойчивость интеграционных объединений к условиям пандемии.

Результаты. В результате показана возможность использования положений современной теории евразийской интеграции для решения задач взаимодействия ЕАЭС и ОПОП. Показано, что идеологические противоречия проектов ЕАЭС (защита преференций общей таможенной территории) и ОПОП (создание обширных зон свободной торговли) отчасти снимается подписанными соглашениями в рамках сопряжения. Также показана устойчивость интеграционных структур к пандемии.

Выводы. Новые подходы к определению процесса интеграции, в частности, теория евразийской интеграции — «прагматическое евразийство» ориентированы на возможность достижения целей проекта «Один пояс — один путь» и концепции Большого Евразийского партнерства и дает возможность показать динамику развития в том числе и в российско-китайских отношениях.

Ключевые слова: теории интеграции, сопряжение интеграционных процессов, ЕАЭС, ОПОП, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, нормативно-правовая база сопряжения

Для цитирования: *Случевский В. В., Торопыгин А. В.* Российско-китайские отношения в контексте взаимовлияния интеграционных процессов // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2022. Т. 16. № 1. С. 22–30.

Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes

Viacheslav V. Sluchevskiy, Andrey V. Toropygin*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; * toropyginav@mail.ru

ABSTRACT

The article examines Russian-Chinese relations in the context of the interface between the projects of the Eurasian Economic Union and the project “One Belt — One Road.” For a relatively long time, experts considered the difficulty of connecting these projects. The EAEU is an integration association of some countries of the post-Soviet space. Regarding the economic belt of the Silk Road, there has long been a discussion about its essence and mechanisms.

The complexity of the interface was seen in the obvious difference in the essence of the projects, and hence the interface mechanisms themselves. The concept of “One Belt — One Road” is used by us as a generalization for all individual projects put forward by the People’s Republic of China. In fact, this does not change the interface problem.

Recently, with the emergence of new views on integration issues and the formation of the theory of Eurasian integration, it became possible to consider it as a certain mechanism for achieving other more significant goals.

Aim. The purpose of the study is to analyze Russian-Chinese relations in the context of the impact of the development of integration projects of EAEU and OBOR.

Tasks. Thus, the tasks of the study were: to show the possibility of studying the interaction of projects within the framework of integration interaction; show that interaction is a mechanism for influencing Russian-Chinese relations.

Methods. The research methodology is based on modern views on the process of Eurasian integration, more precisely on such concepts as “pragmatic Eurasianism,” “securing integration,” “geographical poles of inaccessibility,” “transport union.” At the same time, the main idea is integration as a mechanism for achieving other goals, including the possibility of influencing international relations.

Under current circumstances, the COVID-19 pandemic has a direct impact on international relations and in particular on international economic relations.

Since the modern development, primarily economic relations, is largely determined by the influence of the pandemic, the secondary task was to show the stability of integration associations to the conditions of the pandemic.

Results. The results were: the possibility of using the provisions of the modern theory of Eurasian integration to solve the problems of interaction between the EAEU and the OBOR was shown; it is shown that the ideological contradictions of the projects of the EAEU (protection of preferences of the common customs territory) and the OBOR (creation of extensive FTAs) are partially removed by the signed agreements within the framework of the interface; resistance of integration structures to pandemic is shown.

Conclusions. New approaches to defining the integration process, in particular, the theory of Eurasian integration — “pragmatic Eurasianism” is focused on the possibility of achieving the goals of the “One Belt — One Road” project and the concept of the Great Eurasian Partnership and provides an opportunity to show the dynamics of development, including in Russian-Chinese relations.

Keywords: Integration theories, conjugation of integration processes, the EAEU, OBOR, the Treaty on Good Neighborliness, Friendship and Cooperation, the regulatory framework for conjugation

For citing: Sluchevskiy V. V., Toropygin A. V. Russian-Chinese Relations in the Context of Mutual Influence of Integration Processes // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 22–30.

Введение

Наметившийся спад мировой экономики, а это произошло в 2017–2018 гг., многократно усилился в результате последствий пандемии коронавируса. Но основной причиной нестабильности являются многочисленные санкции и недружественные акты, предпринимаемые Западом: это и ограничения в сфере торговли, и противодействие строительству «Северного потока — 2», и сокращение числа дипломатов, и многое другое. При этом отчетливо видится их основная цель — противодействие Китаю и России. В этот процесс включились не только США, что было бы понятно, ведь Америка старается сохранить свои лидирующие позиции в мире, но и Европа, с которой еще сравнительно недавно были хорошие отношения и у Китая, и у России. Запад продолжает угрожать России и Китаю санкциями. На этом фоне недавний визит главы МИД РФ в Китай по случаю 20-летия со дня подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Москвой и Пекином — знаковое событие. Две страны подтвердили свои намерения противостоять давлению Запада и подтвердили курс на сближение, на развитие стратегического партнерства¹.

По нашему мнению, реальным наполнением стратегического партнерства является процесс сопряжения двух крупных интеграционных проектов: инициативы Китая «Один пояс — один путь» (ОПОП) и интеграционного объединения Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Многовекторный характер интеграционного взаимодействия

Как известно, в основе ЕАЭС лежат сразу два принципа построения экономических интеграционных структур: принцип межгосударственного сотрудничества и наднациональности. Развитие интеграционных процессов на постсоветском пространстве прошло большой путь. Первой интеграционной структурой постсоветского пространства можно считать «Экономический союз СНГ» (1993 г.), в рамках которого было сформировано несколько таможенных союзов, к сожалению, весьма недолгосрочных. С помощью международной экономической организации «Евразийского экономического сообщества» (2000 г.), используя принцип наднациональности, был сформирован Таможенный союз трех стран: России, Казахстана, Белоруссии, который стал основой ЕАЭС (2015 г.). К трем указанным странам присоединились Армения и Киргизия.

За время, прошедшее после распада СССР, страны постсоветского пространства укрепили свою государственность и артикулировали основные направления внешней политики. Внешняя политика новых независимых государств характеризуется многовекторностью. Они настроены на взаимодействие со многими центрами экономической и политической силы. В этих условиях стала быстро развиваться региональная теория интеграции, появились направления, которые показали теоретические основы евразийской интеграции. Основным направлением стала «скрепляющая интеграция», показывающая важность влияния имеющейся (построенной ранее) инфраструктуры дорог, нефтепроводов и т. д. Огромные размеры территории, наличие «полюсов недоступности» и отсутствие выходов к морю предопределили важность географического детерминизма и противодействия ему в виде Транспортного союза. Транспортный союз был создан в рамках Евразийского экономического сообщества, организации, предшествующей ЕАЭС. А сама «интеграция» стала пониматься не как самоцель, а лишь как механизм достижения более важных целей: развития экономики, культу-

¹ Итоги визита министра иностранных дел Сергея Лаврова в КНР и Республику Корея [Электронный ресурс] // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/29520> (дата обращения: 15.09.2021).

ры, безопасности¹. Большой вклад в развитие этих взглядов внес первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. Указанная модель интеграции — «прагматическое евразийство» — в настоящее время развивается путем создания зон свободной торговли между интеграционной системой и отдельными экономиками стран. Это важные теоретические изменения; они еще более зримо показывают, с одной стороны, важность, а с другой — возможность взаимодействия двух интеграционных процессов.

Однако в настоящее время важен вопрос, насколько интеграционные процессы устойчивы к COVID-19. В основе интеграционных процессов всегда лежит объединение, создание некоторого нового целого. В основе борьбы с COVID-19, наоборот, — сегментация, разъединение, появление границ. Имеющиеся данные показали высокую степень надежности интеграционных процессов против последствий новой коронавирусной инфекции. Так, в ноябре 2020 г. страны Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и их торговые партнеры заключили соглашение о всеобъемлющем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП). Предполагается, что вступление его в силу создаст крупнейшую в мире зону свободной торговли с примерно 2,2 млрд потребителей и объемом ВВП до \$28 трлн, что составляет более 32% от общего мирового объема ВВП².

С 1 января 2021 г. вступило в силу панафриканское соглашение о создании зоны свободной торговли — Африканская континентальная зона свободной торговли (АФКЗСТ, Af CFTA). В АФКЗСТ участвуют 52 страны Африки из 55 государств — членов Африканского Союза. ЗСТ объединит государства — члены Африканского Союза, охватывающие рынок с населением более 1,2 млрд чел., включая растущий средний класс и совокупный валовой внутренний продукт (ВВП) ценой более \$3,4 трлн³. В этой связи некоторые эксперты стали даже утверждать, что Африка будет в XXI в. развиваться столь же стремительно, как и Китай в конце XX в. Конечно, это фантастическое предположение. Однако важность интеграционных процессов как раз в том и заключается, что интеграционные объединения смогут предложить государствам определенные преимущества, такие как создание стабильных отношений и, как следствие, создание конкурентной среды.

Взаимодействия КНР со странами Юго-Восточной Азии и Африки, особенно в сфере торговли, хорошо известны в мире. Но эти отношения не заканчиваются только торговлей. Это также инвестиционное и банковское сотрудничество, а также помощь развитию, особенно в африканском регионе, — Китай активно списывает долги бедных стран.

Как известно, дальнейшее развитие интеграции ведет к формированию транспортных, финансовых и деловых сообществ. Интеграция идет особенно интенсивно, если страны обладают различными взаимодополняемыми средствами производства: финансами, рабочей силой, полезными ископаемыми и т. д. Интеграционные структуры имеют возможность сосредоточивать и контролировать огромные ресурсы. Даже если не конструируются и не появляются специальные институты, договоры и соглашения между странами, образующие подсистему международного права, характерную для определенного проекта и создающую его целостность. Таким образом, интеграционные структуры являются акторами (субъектами) мировой политической системы нынешнего века. И, следовательно, они, преследуя собственные политические или экономические цели, способны изменить расклад сил на мировой политической арене, создавая сначала элементы, а затем новый мировой порядок.

¹ «...теорию современной евразийской интеграции можно также назвать “прагматическим евразийством”, поскольку оно следует чисто прагматическому подходу к построению интеграции... постановке экономических целей, а не идеологическое содержание...» (Кофнер Ю. Большая Евразия. Теория евразийской интеграции [Электронный ресурс] // Материалы РСМД 2019. URL <https://russiancouncil.ru/blogs/GreaterEurasia/teoriya-evraziyskoj-integratsii-ii/> (дата обращения: 15.09.2021)).

² АСЕАН и партнеры подписали соглашение о создании крупнейшей в мире зоны свободной торговли [Электронный ресурс] // Известия. 15.11.2020. URL: <https://iz.ru/1087349/2020-11-15/asean-i-partnery-zakliuchili-soglasenie-o-sozdanii-krupneishei-v-mire-zst> (дата обращения: 15.09.2021).

³ Африканская континентальная зона свободной торговли [Электронный ресурс] // WIPO. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2020/04/article_0005.html (дата обращения: 15.09.2021).

Содружество, направленное на установление нового мирового порядка

Вместе с тем государства, являющиеся формально частью такой структуры, имеют собственный экономический курс и самостоятельно решают внешнеполитические вопросы, что порождает определенные противоречия, затрудняющие процесс интеграции. Тем не менее это наиболее практичный вариант взаимодействия в современных условиях, дающий возможность включиться в региональное и глобальное политическое управление.

«Один пояс — один путь», как отмечает подавляющее число экспертов, — проект, направленный на формирование нового мирового порядка. В первую очередь это вытекает из государственных документов, определяющих внешнеполитический курс КНР. При этом важно отметить, что отсутствие детализации проекта является своеобразным тактическим приемом, дающим возможность его развития сообразно текущей обстановке. Здесь можно вспомнить пример из практики Содружества Независимых Государств, когда в Уставе организации не было конкретно назван этот институт, что дало бы возможность избежать конфронтации различных сил, настаивающих на своей точке зрения по этому поводу.

Выше мы уже сказали, что в основе построения ЕАЭС лежат два принципа: межгосударственного сотрудничества и наднациональности. Другими словами, политико-нормативные решения могут приниматься в форме решения наднационального органа — Европейской экономической комиссии (ЕЭК) и в форме международных соглашений. Государства — члены ЕАЭС передали этой структуре суверенные полномочия только в сфере таможи. Евразийская комиссия решает вопрос о едином таможенном тарифе. Во всех остальных сферах действует принцип межправительственного сотрудничества; подписываются международные соглашения / договоры. Вместе с тем возможен вариант, когда ЕЭК передается право вести переговоры от имени ЕАЭС и его государств-членов. Формально ЕАЭС является исключительно экономическим объединением, однако ЕЭК не обладает компетенций для ведения диалога по более широкому кругу вопросов от лица Союза. По сути, ЕЭК переданы полномочия в сфере управления таможенной при помощи международного договора Таможенного кодекса Таможенного союза. В данном случае ЕАЭС является примером того, как интеграционная система, с одной стороны, является нечто целым, с другой — у государств-членов есть возможность проводить собственный политический курс.

Если говорить о ЕАЭС, основной параметр внешнеполитического курса стран его членов — многовекторность, ориентация на многие центры силы. При этом решения, которые принимаются отдельными государствами в рамках сопряжения, известны всем участникам ЕАЭС. Совет глав государств, главный орган интеграционного объединения, во-первых, может рассматривать любые вопросы, носящие определяющее значение для его существования, во-вторых, принимает решения консенсусом, что в данном случае аналогично праву вето. Иначе говоря, соглашения государств в рамках сопряжения других проектов не вызывают возражений у всех стран ЕАЭС. Но это вызывает ряд новых вопросов. Например, существует широко распространенное мнение о том, что ЕАЭС в основном и есть Россия, которая, как наиболее экономически сильное государство и политически самое авторитетное, член Совета безопасности ООН, в определенном смысле выступает от имени всего ЕАЭС. Кроме того, в самой политической элите Китая ЕАЭС воспринимается сегодня, скорее, не как единая институция суверенных государств, а как проект, развиваемый в первую очередь по инициативе России, что очевидным образом переносится и на проблемы сопряжения. Подтверждением этому может считаться Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Другими словами, именно Российская Федерация выступила от лица Союза с данной инициативой. Таким образом, во многих случаях на практике именно Китай и Россия становятся сторонами переговоров.

Более сложной проблемой являются серьезные противоречия на уровне идеологии проектов ЕАЭС и ОПОП. Китайские руководители предполагают создание обширных зон свободной торговли, руководители Союза хотят защитить преференции (общую таможенную территорию) для внутренних рынков от внешних игроков и бестарифную зону только для его участников. Гармонизировать эти разнонаправленные идеи достаточно сложно, но возможно, создав соответствующую нормативно-правовую базу.

Она хорошо известна, поэтому назовем только некоторые соглашения. В основе нормативно-правового регулирования российско-китайских отношений лежит «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой» (2001 г.). Старт переговорам о сопряжении ЕАЭС и ЭШП дали совместные заявления России и Китая. В целях реализации договоренностей, зафиксированных в совместных заявлениях РФ и КНР о сотрудничестве по сопряжению 2015 и 2018 гг., по итогам российско-китайских переговоров был подписан ряд нормативно-правовых документов. Первый пакет двусторонних договоров между РФ и КНР насчитывает 29 нормативно-правовых документов (2015 г.). Второй пакет соглашений — 28 нормативно-правовых документов (2017 г.). Стратегическое направление сотрудничества по сопряжению ЕАЭС и ЭШП отражено в «Соглашении о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами и Китайской Народной Республикой» (2018 г.). В рамках сопряжения ЕАЭС и ЭШП было принято 39 приоритетных проектов в сфере транспорта и инфраструктуры. Армения предложила два проекта, Беларусь — три, по двенадцать — Кыргызстан и Россия, еще десять — Казахстан. Двадцать проектов из списка относятся к сфере железнодорожного транспорта, которые направлены на реализацию крупных инфраструктурных проектов, дополняющих основные транснациональные транспортные коридоры на территории Евразии, которые в целом направлены на налаживание сквозной логистики Китай — ЕАЭС — ЕС и сопутствующих маршрутов. В целях углубления сотрудничества и дальнейшей реализации механизма сопряжения ЕАЭС и ЭШП были подписаны пятнадцать нормативно-правовых документов (2018 г.). Это соглашения о международном автомобильном сообщении, сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, рамочные контракты по строительству ядерных энергоблоков и многое другое.

Положения этих соглашений позволяют в определенной мере нивелировать противоречия основных идей и запускать развитие взаимоотношений в других сферах, которое и идет по нарастающей. Окончательное примирение этих идей происходит в предложенном президентом В. В. Путиным проекте Большого Евразийского партнерства. Президент России пишет: «Россия видит будущее евразийского партнерства не просто как налаживание новых связей между государствами и экономиками. Оно должно изменить политический и экономический ландшафт континента, принести Евразии мир, стабильность, процветание, принципиально новое качество жизни... И в этом отношении большая Евразия — это не абстрактная геополитическая схема, а, без всякого преувеличения, действительно цивилизационный проект, устремленный в будущее»¹.

Торгово-инвестиционные направления ЕАЭС и ОПОП

Торгово-инвестиционное направление ОПОП является стержнем всей стратегии и представляет собой комплекс мер по активизации и поддержке самостоятельных торговых, инвестиционных и производственных проектов китайских компаний за рубежом. При этом, помимо многосторонних финансовых институтов, Китай создает совместные инвестиционные фонды для работы с отдельными странами. Так, Российско-китайский инвестиционный фонд распоряжается капиталом в \$2 млрд в равных долях от РФ и КНР [3].

Несмотря на распространенное мнение западных и российских экспертов, главное содержание китайского мегапроекта «Один пояс — один путь» значительно шире развития трансконтинентальных логистических маршрутов и фактически включает в себя комплексное содействие коммерческой деятельности китайских компаний на зарубежных рынках, транспортная составляющая имеет огромное значение.

Такой проект, как Высокоскоростные железнодорожные системы Европы и Азии, проходящие через Россию, — проект Высокоскоростной железнодорожной магистрали «Евразия» (ВСМ), новое слово в этой технике. По словам специалистов, это принципиально новый подход к проектированию высокоскоростных магистралей, рассчитанных на перевозку не только пассажиров, но и грузов². Этот проект рассматривается

¹ Международный форум «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54491> (дата обращения: 15.09.2021).

² Стоимость ВСМ «Евразия» составит 1 трлн юаней [Электронный ресурс] // Gudok.ru. URL: <https://gudok.ru/content/infrastructure/1423334/> (дата обращения: 15.09.2021).

как первый этап масштабного высокоскоростного коридора Китай — Россия — Европа, часть инициативы ОПОП, которая свяжет воедино транспортные системы континента. Есть мнение, что грузопассажирская ВСМ «Евразия» станет крупнейшим в мире проектом в сфере железнодорожного транспорта. В проекте участвуют РАО РЖД и Китайская железнодорожная инженерная корпорация.

Выше уже было сказано о гигантском географическом охвате проекта ОПОП. Кроме стран Европы и Азии, это государства Латинской Америки и Африки. Очевидно, что развивающиеся страны демонстрируют сегодня очень разное социально-экономическое развитие. Ограниченность ресурсов диктует им зачастую свой путь во благо своего населения. Таким образом, приоритеты могут не совпадать. Так, ЕАЭС в первую очередь направлен на собственное развитие в рамках Таможенного союза, но в то же время имеет планы построения экономического центра силы в евразийском регионе, что требует вдумчивого отношения к сопряжению. Думается, что руководители КНР понимают эту проблему и в ближайшем будущем попытаются если не решить, то хотя бы уменьшить ее. Косвенным подтверждением этому является принятая стратегия «двойной циркуляции» и включение ее в план развития страны. В принципе, речь идет о развитии Китая, озвученном на заседании Политбюро ЦК КПК в мае 2020 г. Суть стратегии, по словам Си Цзиньпина, в установлении новых форматов развития — внутренней и международной двойной циркуляции, которые дополняли бы друг друга¹. Китай переориентируется с инвестиций в сухопутную и морскую инфраструктуру на достижение внутренней технологической самодостаточности². Неравномерное социально-экономическое развитие государств — очень серьезная проблема. Развивающиеся государства хотят получить побольше инвестиций, что может вызвать, мягко говоря, большие сложности. Считается, что на строительство Шелкового пути может пойти около \$1 трлн (по подсчетам ЕЭК). Это колоссальная сумма дешевых денег / кредитов, которые с большой вероятностью некоторые страны вернуть вовремя не смогут. Ряд экспертов окрестили это термином «колонизация». Достаточно четко и объективно на этот счет высказался Т. Саркисян³. Риски есть в случае любого мега-проекта; задача состоит в том, чтобы согласовать все интересы и правильно оценивать риски⁴.

При реализации интеграционных проектов важным параметром является международное признание проекта, его легитимация. Обычно для международных структур это соответствующее одобрение парламентской / межпарламентской ассамблеи. В ее отсутствии это возможно, что называется, по умолчанию. Если интеграционная структура принимает участие в глобальном управлении, берет на себя некоторые функции, выполняемые международным правом, например, способствует достижению целей устойчивого развития ООН, она получает международное признание. Поэтому очень важны формулировки, данные министром Ван И, касающиеся моделей российско-китайских отношений:

- во-первых, Китай и Россия должны служить для всего мира примером стратегического взаимного доверия, защищать коренные интересы, противостоять цветным революциям, вместе бороться с распространением ложной информации, защищать суверенитет и политическую безопасность;
- во-вторых, быть примером взаимовыгодного сотрудничества в сопряжении двух проектов ОПОП и ЕАЭС, инвестиционного сотрудничества, совместных научно-технических инновациях, цифровой экономике, других инновационных сферах;
- в-третьих, должны продолжать традиции российско-китайской дружбы, передав их будущим поколениям;
- в-четвертых, отстаивать авторитет Организации Объединенных Наций, вместе защищать международное право и базовые принципы международных отношений, глобальную стратегическую стабильность⁵.

¹ Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXVI: ежегодное издание [Электронный ресурс] / сост., отв. ред. Е. И. Сафронова. URL: https://www.ifes-ras.ru/images/abook_file/kitmir-2021.pdf (дата обращения: 10.10.2021).

² Кулинцев Ю. Что означает и куда ведет «двойная циркуляция» Китая? [Электронный ресурс] // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-oznachaet-i-kuda-vedet-dvoynaya-tsirkulyatsiya-kitaya/> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Председатель Коллегии Евразийской комиссии в 2019 г.

⁴ Я бы избегал термина «колонизация»: глава коллегии ЕЭК о новом Шелковом пути [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-03-2019-1V.aspx> (дата обращения: 10.10.2021).

⁵ Четыре новые модели российско-китайских отношений [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/757541> (дата обращения: 10.10.2021).

Безусловно, задачи значительно масштабнее, чем просто торговля. Да и равноценный торговый баланс между ЕАЭС и Китаем если и возможен, то это далекая перспектива. В своей статье В. А. Шамахов совместно с В. В. Случевским в журнале «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» заостряют внимание на том, что «сам же ЕАЭС основан исключительно на потоке товаров, а у организации нет идеологии. По словам В. И. Ленина, “идея должна овладеть массами”, только тогда возможен успех» [2]. Полагаем, что у Евразийского экономического союза и инициативы «Пояса и Пути» возможно светлое будущее, когда появится идеологическая и культурно-гуманитарная составляющая. Поэтому очевидно, что более активную позицию должны занять парламентарии стран всех уровней. С этим трудно не согласиться, учитывая и необходимость международного признания. Возможно, это будет реализовано при формировании Большого Евразийского партнерства [Там же]. К этому можно только добавить, что в основе сопряжения проектов лежит выверенная прагматика. А. А. Акаевым и В. А. Садовничим, наиболее известными математиками Киргизии и России, было проведено моделирование и долгосрочное прогнозирование экономического развития и взаимной торговли Китая, России и ЕС при отсутствии и наличии высокоскоростных транспортных коридоров. Для развития торговли Китая и ЕС существуют два сценария: инерционный и ускоренный. Инерционный дает увеличение товарооборота в три раза к 2050 г. Ускоренный, введение в действие скоростной магистрали Китай — РФ — Европа, — увеличение товарооборота в пять раз. Для РФ — такие же сценарии: в инерционном сценарии годовой прирост ВВП в 2020–2030 гг. до 3% годовых при нормализации отношений с Западом. В ускоренном, с магистралями, — до 6% в год.

Еще раз уточним, что это при нормальных отношениях с Западом, то есть в отсутствии санкций [1]. Очевидно, что это показывает связь и взаимозависимость в мире. Однако последние события пока не дают повода для оптимизма. Об этом говорит решение Европейского парламента приостановить ратификацию инвестиционного пакта, предоставляющего европейским компаниям расширенный доступ на китайский рынок, ставя определенные условия для ратификации. Сопряжение двух интеграционных проектов идет достаточно интенсивно. Реализуются заявленные совместные и многосторонние проекты, выполняются принятые на себя обязательства в рамках подписанных соглашений и договоров.

Заключение

В своем интервью перед встречей с президентом Соединенных Штатов Америки Дж. Байденом, президент Путин сказал: «...хочу сказать, — у нас с Китаем за последние годы, за последние десятилетия сложились отношения стратегического партнерства, которых в истории наших государств мы ранее не достигали. Большой уровень доверительности и сотрудничества, причем по всем направлениям: в политике, в экономике, в сфере технологий, в военно-техническом сотрудничестве. Мы не считаем, что Китай представляет для нас угрозу. Эта дружественная страна. Она же не объявляет нас врагом, как это сделали в Соединенных Штатах... Но самое главное — это характер и уровень отношений с Китаем»¹.

В России хорошо знают позицию председателя КНР Си Цзиньпина в вопросе сотрудничества. В его докладе на XIX съезде КПК (2017 г.) уже во многом прозвучали эти мысли, которые в дальнейшем стали неотъемлемой частью «Плана развития КНР», что еще раз было подтверждено в речи председателя Китая на площади Тяньаньмэнь 1 июля 2021 г.²: «В новом походе мы должны, высоко неся знамя мира, развития, сотрудничества и всеобщего выигрыша, проводить самостоятельную и независимую мирную внешнюю политику, неизменно следовать по пути мирного развития, способствовать построению нового типа международных отношений, продвигать создание сообщества единой судьбы человечества, содействовать высококачественному развитию в рамках инициативы “Один пояс — один путь”, предоставлять миру новые возможности за счет новых достижений развития Китая»³.

¹ Интервью В. В. Путина BBC (журналист Эн-би-си Кир Симмонс) [Электронный ресурс] // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57472114> (дата обращения: 10.10.2021).

² Власти Китая организовали в Пекине масштабное празднование по случаю столетия компартии [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11793883> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Речь Генерального секретаря ЦК КПК тов. Си Цзиньпина на торжественном собрании по случаю столетнего юбилея со дня основания Коммунистической партии Китая. 1 июля 2021 года [Электронный ресурс] // Красная линия. URL: <https://www.rline.tv/news/2021-07-06-polnyy-tekst-rechi-si-tszinpinga-na-torzhestvennom-sobranii-po-sluchayu-100-letiya-so-dnya-osnovaniya/> (дата обращения: 10.10.2021).

Именно это и является залогом успешного взаимодействия и взаимовлияния интеграционных процессов ЕАЭС и проекта «Один пояс — один путь» на благо наших народов.

Результатами стали: показана возможность использования положений современной теории евразийской интеграции для решения задач взаимодействия ЕАЭС и ОПОП; показано, что идеологические противоречия проектов ЕАЭС (защита преференций общей таможенной территории) и ОПОП (создание обширных ЗСТ) отчасти снимается подписанными соглашениями в рамках сопряжения; показана устойчивость интеграционных структур к пандемии.

Новые подходы к определению процесса интеграции, в частности, теория евразийской интеграции — «прагматическое евразийство» ориентирована на возможность достижения целей проекта «Один пояс — один путь» и концепции Большого Евразийского партнерства и дает возможность показать динамику развития, в том числе и в российско-китайских отношениях.

Литература

1. *Акаев А. А., Садовничий В. А.* Моделирование и долгосрочное прогнозирование экономического развития и взаимной торговли Китая, России и ЕС. Концепция и стратегические приоритеты Большого Евразийского партнерства. Москва — Санкт-Петербург, 2019.
2. *Шамахов В. А., Случевский В. В.* Некоторые аспекты сопряжения проектов ЕАЭС — «Один пояс — один путь» // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 1.
3. *Чубаров И. Г.* Пять составляющих внешнеэкономического курса Китая «Один пояс — один путь» // Международная аналитика. 2018. № 3.

Об авторах:

Случевский Вячеслав Владимирович, советник научного руководителя СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат исторических наук; sluchevskiy-vv@ranepa.ru

Торопыгин Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; toropyginav@mail.ru

References

1. Akaev A. A., Sadovnichy V. A. Modeling and long-term forecasting of economic development and mutual trade of China, Russia and the EU. Concept and strategic priorities of the Great Eurasian Partnership. Moscow — Saint Petersburg, 2019. (In Rus.)
2. Shamakhov V. A., Sluchevsky V. V. Some aspects of the interface of EAEU projects — “One Belt — One Way” // Eurasian integration: economy, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 1. (In Rus.)
3. Chubarov I. G. Five components of China’s foreign economic course “One Belt — One Way” // International Analytics [Mezhdunarodnaya analitika]. 2018. No. 3. (In Rus.)

About the authors:

Viacheslav V. Sluchevskiy, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in History; sluchevskiy-vv@ranepa.ru

Andrey V. Toropygin, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; toropyginav@mail.ru

Совершенствование сферы таможенного администрирования в России на основе китайского опыта

Ворона А. А.^{1,*}, Калмыков С. П.², Ляшенко М. В.²

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; * anastasiya_o@mail.ru

² Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Повсеместное использование новых технологий, основанных на цифровизации, в последнее время усилилось за счет процессов, связанных с изменениями в организации бизнеса. Серьезное внимание данному направлению развития уделяется представителями бизнеса, осуществляющими экономическую деятельность в международной торговле, и правительствами ведущих экономик мира, в том числе Китая и России. Внедрение новых технологий и цифровизации в различные отрасли экономики стало осознанной необходимостью. В целях теоретического обоснования и последующего достижения необходимого уровня развития информационных технологий и коммуникаций во многих странах ведутся аналитические исследования и апробации изменений в рассматриваемой сфере. Экономика, основанная на внедрении цифровых технологий, определяет вектор развития экономики стран на долгосрочную перспективу.

Цель. Повести анализ цифровой трансформации экономики Китая. Выявить положительный опыт по применению современного оборудования и цифровых решений в таможенном деле и рекомендовать для внедрения положительных результатов в России.

Задачи. Рассмотреть технологические тренды в цифровой трансформации; изучить результаты проводимой политики в проведении цифровизации экономики Китая и России; проанализировать влияние нового оборудования; рассмотреть возможные перспективные направления развития сотрудничества между Китаем и Россией в сфере цифровых технологий и совершенствования таможенного администрирования.

Методология. Провести статистический анализ данных и обобщить полученные результаты для целей сравнения.

Результаты. В результате проведенного исследования проведен сравнительный анализ изменения значений показателей по индексу Global Connectivity Index (GCI) Китая и России в 2020 г. по сравнению с 2015 г., обоснованы причины произошедших изменений; представлена динамика экспорта и импорта Китая, а также данные по товарообороту между Китаем и Россией за период с 1991 г. по октябрь 2021 г.; рассмотрен опыт таможенного администрирования в Китае и определены возможные направления его применения в России.

Выводы. Положительный опыт таможенного администрирования Китая в свете цифровизации экономических процессов может быть использован и в России, что, безусловно, может улучшить текущую ситуацию в сфере таможенного администрирования в нашей стране.

Ключевые слова: цифровая экономика, внешнеторговая деятельность, таможенное дело, информационные технологии, «зеленый коридор», центр электронного декларирования, таможенное администрирование

Для цитирования: Ворона А. А., Калмыков С. П., Ляшенко М. В. Совершенствование сферы таможенного администрирования в России на основе китайского опыта // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 31–42.

Improving the Sphere of Customs Administration in Russia Based on the Chinese Experience

Anastasia A. Vorona^{a,*}, Sergey P. Kalmykov^b, Maksim V. Lyashenko^b

^aNorth-Western Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; * anastasiya_o@mail.ru

^bSiberian Transport University, Novosibirsk, Russian Federation

ABSTRACT

The widespread use of new technologies based on digitalization has recently intensified, due to the processes associated with changes in business organization. Serious attention is paid to this direction of development by business representatives engaged in economic activities in international trade and governments of the leading economies of the world, including China and Russia. The introduction of digitalization processes in various sectors of the economy has become a conscious necessity. In order to theoretically substantiate and subsequently achieve the necessary level of development of information technologies and communications, analytical studies and testing of changes in this area are being conducted in many countries. The economy based on the introduction of digital technologies determines the vector of development of the economies of countries for the long term.

Aim. Analyze the digital transformation of the Chinese economy, identify positive experience in the application of digital solutions and their impact on the simplification of customs procedures and correlate the results with Russia.

Tasks. Consider technological trends in digital transformation; to study the results of the policy in carrying out the digitalization of the economy of China and Russia; to consider possible promising areas for the development of cooperation between China and Russia in the field of digital.

Methods. Statistical analysis of data and synthesis of the results obtained for comparison purposes.

Results. As a result of the study, the following results were obtained: a) a comparative analysis of the changes in the values of indicators on the Global Connectivity Index (GCI) of China and Russia in 2020 compared to 2015 was carried out, the reasons for the changes that occurred were substantiated; b) the dynamics of exports and imports of China, as well as data on trade turnover between China and Russia for the period from 1991 to October 2021; c) the experience of customs administration in China is considered and possible directions of its application in Russia are determined.

Conclusion. The positive experience of China's customs administration in the light of the digitalization of economic processes can be used in Russia, which can certainly improve the current situation in the field of customs administration in our country.

Keywords: digital economy, foreign trade activity, customs, information technologies, "green corridor", Center for electronic declaration, customs administration

For citing: Vorona A. A., Kalmykov S. P., Lyashenko M. V. Improving the Sphere of Customs Administration in Russia Based on the Chinese Experience // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 31–42.

Введение

Изменения коммуникаций и применение цифровых продуктов все больше входят в жизнь. Проводимые проекты цифровизации необходимы для повышения конкурентоспособности современных компаний. Общими усилиями достигается повышение уровня жизни граждан в отдельных регионах и странах в целом. Происходит процесс усиления роли сферы услуг в экономике, получивший название «сервисизации». Развитие социально-экономических систем в условиях широкого использования возможностей и технологий цифровизации во многом основывается и реализуется на ее основе. Причем эта взаимосвязь и механизм ее осуществления требуют постоянного мониторинга и изучения. Стоит отметить, что рассматриваемая тема является актуальной, это обуславливает интерес к ней со стороны ученых-

теоретиков и практиков. Например, вопросам цифровизации экономики Китая посвящены работы Ма Хуатэн [7], А. Прохорова и Л. Коники [3], И. Ю. Жилиной [2], Л. В. Томайчук [6]. Развитию внешнеторгового оборота посвящены труды Fung K. C., Hwang H. Ch., Ng F., Seade J. [9], Warner M. [11] и др. Большое внимание в работах уделяется развитию именно цифровых технологий и использованию в экономике, а также скорости передачи данных и использованию «облачных» технологий для хранения данных. Также в работах рассмотрены достижения стран и перспективы дальнейшей трансформации цифровых технологий.

Авторами предпринята попытка обосновать необходимость изучения с последующим внедрением в России положительного опыта цифровизации экономики в целом и влияние данных процессов на развитие таможенного администрирования. Рассматриваются изменения, происходившие в Китае, и изменения в таможенном деле, причины эффективной работы таможенной службы в оформлении грузов.

Результаты

Процесс социально-экономического обновления Китая начался с конца декабря 1978 г., реформы были направлены на модернизацию китайской экономики.

Курс реформ и открытости Китая привел к появлению и развитию частного бизнеса и внедрения рыночных стимулов. Реформы позволили одновременно развиваться и сотрудничать частному бизнесу, ориентированному на изменение рынка, и государственному управлению, ориентированному на плановое решение социальных задач. Реформы дали возможность расти бизнесу за счет внешнего рынка, а это повлекло за собой увеличение количества сделок и оформляемых документов. Таможенные службы Китая представили крупномасштабное оборудование с технологиями неинтрузивного контроля (NII) для досмотра грузов и транспортных средств в 1991 г.¹

Интернет в Китае появился в 1994 г. Однако только в 1995 г. компания China Telecom начала строить государственную сеть (backbone) Chinanet.

Нормативно-правовая база КНР в области внедрения и применения цифровых технологий находится под жестким государственным контролем. Это обстоятельство приводит к тому, что ведомства, ответственные за свои направления, уделяют пристальное внимание кибербезопасности и информатизации процессов.

Потребности китайского рынка, обеспечивающего почти 1/6 часть населения Земли, огромны, а бурное развитие экономики в целом и промышленности в частности благоприятствует тому, что большая часть китайских производителей ориентируется на зарубежные товары [5]. Политика открытости экономики позволили Китаю присоединиться к Всемирной торговой организации в декабре 2001 г. На рисунке 1 показано, как изменяется экспорт товаров из Китая.

Можно обратить внимание, что экспорт в 2001 г. составлял 266,098 млрд долл. США, в 2002 г. 325,596 млрд долл. США, а в 2003 г. уже 438,228 млрд долл. США. Членство Китая в ВТО принесло свои результаты в снижении пошлин и разрешении торговых споров. Экспорт в первый год увеличивается на 22,3%, во второй — на 34,6%. Доля экспорта в ВВП росла до 2006 г., достигнув 36%. В дальнейшем происходило снижение зависимости от экспорта (его доля в 2020 г. составила 18,5%). В денежном выражении участие в экспорте одного гражданина Китая максимально за исследуемый период и составило 1894 долл. США.

На рисунке 2 видно, что импорт товаров в Китай также менялся одновременно с изменением экспорта. В 2001 г. он составил 243,553 млрд долл. США, в 2002 г. — 295,170 млрд долл. США, в 2003 г. — 354,608 млрд долл. США. Импорт в первый год увеличивался на 21,2%, во второй — на 20,1%. Отметим, что доля импорта в ВВП росла до 2004 г., достигнув 28,4%. Такое значение оставалось на протяжении трех лет до 2006 г., после чего стало снижаться. Отметим, что в денежном выражении потребление импортных товаров в пересчете на одного гражданина Китая достигло максимума в 2018 г. — 1785 долл. США, а в 2020 г. сократилось до 1628 долл. США.

¹ Альта-Софт. Правительство РФ увеличивает предельную численность сотрудников ФТС России [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/press/prensa-o-nas/document/234345> (дата обращения: 10.11.2021).

С одной стороны, экспортная направленность экономики позволила Китаю выйти на новый экономический уровень, с другой — увеличивала количество обрабатываемых грузов и нагрузку на таможенные органы КНР.

Отдельно стоит рассмотреть товарооборот между Россией и Китаем. Россия и Китай налаживают взаимодействие, и это положительно отражается на товарообороте, наблюдается устойчивая тенденция к росту, о чем свидетельствует рисунок 3.

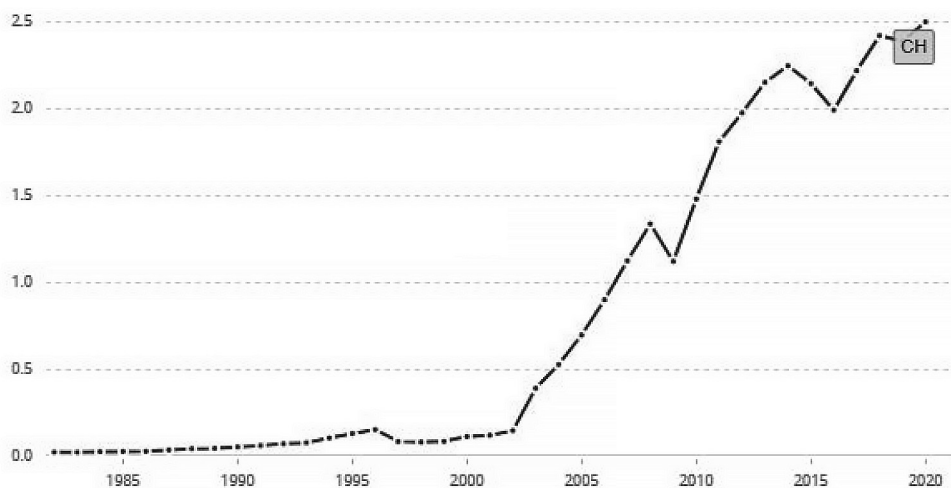

Рис. 1. Экспорт товаров из Китая с 1982 по 2020 гг., трлн долл. США¹

Fig 1. Exports of goods from China from 1982 to 2020, trillion dollars US

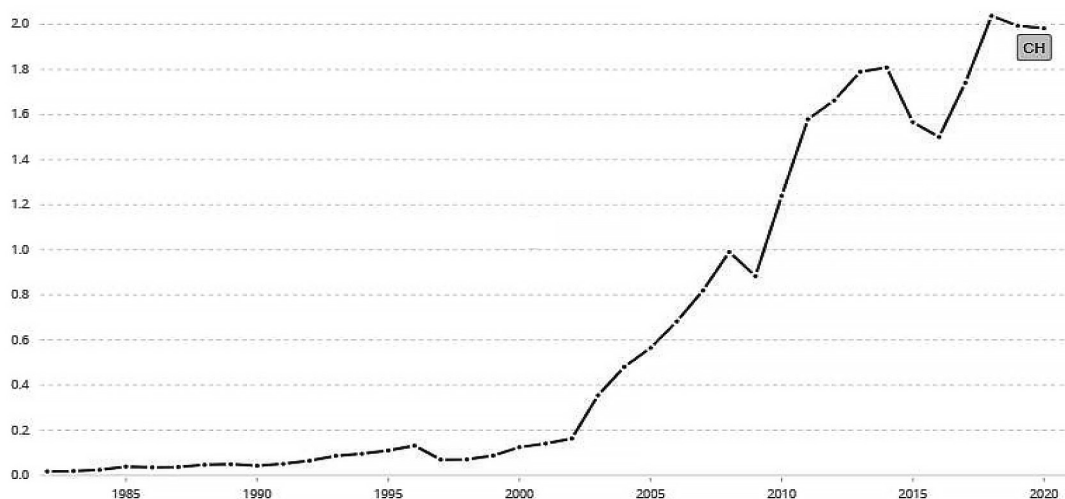

Рис. 2. Импорт товаров в Китай с 1982 по 2020 гг., трлн долл. США²

Fig 2. Imports of goods to China from 1982 to 2020, trillion dollars US

¹ Экспорт товаров (текущий дол. США) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.MRCH.CD?end=2020&locations=CN&start=1982&view=chart> (дата обращения: 15.10.2021).

² Импорт товаров (текущий дол. США) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BM.GSR.MRCH.CD?locations=CN> (дата обращения: 10.10.2021).

Стоит отметить, что целью правительств РФ и КНР является достижение 200 млрд долл. по объему двустороннего товарооборота до 2024 г. И судя по представленному на рисунке 3 графику, это вполне достижимый результат, который может быть достигнут в том числе за счет применения цифровых технологий.

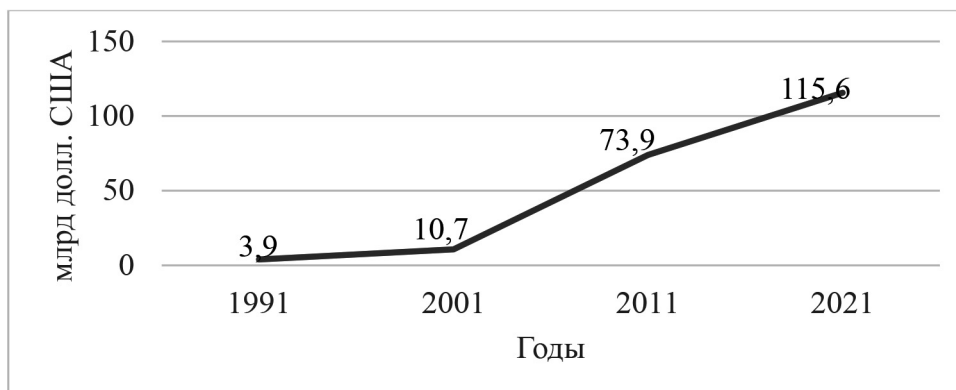

Рис. 3. Товарооборот между Россией и Китаем с 1991 по октябрь 2021 гг.¹

Fig 3. Trade turnover between Russia and China from 1991 to October 2021

Цифровые технологии стали для КНР лучшим решением проблемы коммуникаций — дешевым и быстрым. Созданные сервисы позволили достаточно легко решить проблему обучения пользователей и решить проблемы развития сектора услуг. Рост экономики увеличил платежеспособный спрос населения страны и увеличение потребностей в разнообразных товарах и услугах. В то же время малый и средний бизнес получил уникальную возможность рекламы, продаж, обмена информацией, коммуникаций с партнерами и осуществления платежей.

Прогресс в интернет-торговле можно проследить в развитии компании «Алибаба» (Alibaba Group). Первоначально в 1999 г. ее деятельность рассматривалась как работа на площадке для торгов мелких и средних предприятий. Изменение технологий передачи данных и платежная система Alipay позволили в 2003 г. освоить сегмент рынка торговли товарами и услугами между потребителями. Растет конкуренция с американскими компаниями на рынке электронной торговли. В 2008 г. происходит очередная трансформация в деятельности — создание специального сайта, где продавцом выступают мелкие и крупные компании. По настоящее время происходят изменения в работе Alibaba Group, что позволяет удовлетворять спрос потребителей не только в Китае, но и во всем мире.

При определении основных перспективных направлений социально-экономического развития КНР на 2016–2020 гг. была выделена задача «всестороннего построения среднезажиточного общества к 2020 г.». Среди других, не менее важных направлений продвижения к поставленным целям были обозначены «инновации, открытость, всеобщий доступ к плодам развития»². Для их реализации правительство Китая оформило свое решение в данной сфере развития принятием таких документов, как: «Национальная среднесрочная программа развития науки и технологий» (2006–2020 гг.), «Государственная стратегия по развитию информатизации» (2006–2020 гг.), программа «Цифровая экономика — 2020: план действия для китайских предприятий». План «Цифровой Китай» (2016–2021 гг.), при реализации которого планируются к исполнению две программы: «Сделано в Китае — 2025», основным замыслом которой является повышение производительности с использованием цифровых технологий

¹ Итоги внешней торговли с основными странами [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/folder/511> (дата обращения: 09.11.2021).

² “十三五”规划 (13-й пятилетний План развития) [Электронный ресурс] // Сайт Правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2018-02/11/content_5265853.htm (дата обращения: 10.10.2021).

и зеленых стандартов, и «Интернет плюс» — существенное изменение возможностей промышленности с использованием цифровых технологий, мобильного Интернета, осуществление к 2025 г. компьютеризации всех предприятий, расположенных на территории КНР [4, с. 161]. Правительство Китая определило амбициозные цели к 2030 г. по достижению 50%-ной доли цифровой экономики в структуре ВВП¹.

Компания «Хуавей» (Huawei Technologies Co. Ltd.) создала «Глобальный индекс сетевого взаимодействия» (Global Connectivity Index, GCI). Индекс позволяет сравнить 79 стран с помощью определенных показателей по 40 индикаторам, которые фиксируют текущее влияние информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) на экономику страны, цифровую конкурентоспособность и их будущий рост. Изменения некоторых показателей приведены в таблице 1.

Таблица 1

Изменения значений показателей Китая по индексу GCI²

Table 1. Changes in China's GCI Index

Показатель / индикатор	2015 г.	2020 г.	Максимальное число в выборке	Изменение за период
Ранг (место страны)	34	22	79	12 пунктов
Баллы (в рейтинге)	43	51	120	8 пунктов
Широкополосный Интернет (технология)	47	84	100	78%
Облачные технологии	42	66	100	57%
Искусственный интеллект	39	48	100	23%
Интернет вещей	33	42	100	27%
Волоконно-оптическая связь	4	10	10	150%
Соединение 4G и 5G	2	8	10	300%
Доступ к фиксированной широкополосной связи	5	9	10	80%
Доступ к мобильной широкополосной связи	5	6	10	20%
Услуги электронного правительства	6	7	10	16%

Данные подтверждают, что правительственные программы дают положительный эффект для развития цифровизации экономики Китая. Рост большинства индикаторов превышает 20%. Продемонстрирован стремительный прирост в 57% в сфере облачных технологий. Переход к использованию 4G и 5G — прирост на 300%. За этот период возросли услуги электронного правительства на 16%.

В 2017 г. во время Гамбургского саммита G-20 (ФРГ) Си Цзиньпин в речи под названием «Содействие открытости и инклюзивности для достижения взаимосвязанного роста» отметил, что «мировая экономика демонстрирует признаки движения в правильном направлении. Исследования показывают, что 95% мирового бизнеса в настоящее время тесно связано с Интернетом и мировая экономика переходит к цифровой экономике. Это означает, что мы должны активизировать сотрудничество в цифровой экономике и новой промышленной революции, совместно развивать новые технологии, новые отрасли, новые бизнес-модели и новые продукты»³.

С 2016 г. Всемирная таможенная организация (ВТамО) ввела термин «цифровая таможня». Таможенные органы многих стран начинают координировать свою деятельность и сверять данные по перемещению товаров и осуществлению необходимых платежей, используя информационные технологии. Цифровое взаимодействие позволяет оперативно обеспечивать безопасность трансграничной торговли и контроль перемещения людей. Подробно вопрос влияния цифровизации на повышение ско-

¹ China's Digital Economy: Opportunities and Risks [Электронный ресурс] // International Monetary Fund Working Paper. 2019. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/01/17/Chinas-Digital-Economy-Opportunities-and-Risks-46459> (дата обращения: 20.10.2021).

² Рейтинг стран. Китай [Электронный ресурс] // Global Connectivity Index. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/country-profile-cn.html#cn2015> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Полный текст выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на саммите G20 в Гамбурге 7 июля 2017 года [Электронный ресурс] // Агентство Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2017-07/08/c_136426730.htm (дата обращения: 01.10.2021).

рости и надежности цепей поставок рассмотрен авторами Vorona A. A., Getman A. G., Dianova V. Yu. в работе "The Impact of Digitalization at Customs on Increasing the Speed and Reliability of the Supply Chain" [10].

Привлекательным для изучения является опыт таможенного администрирования в Китае. Подробно вопрос таможенного администрирования в Китае рассмотрен в диссертационном исследовании А. А. Вороны [1]. Правительством КНР принимаются все необходимые меры к внедрению и широкому использованию в практической деятельности таможенной службы механизмов упрощения прохождения таможенных формальностей. Сегодня используются 49 упрощений, которые распределены по шести категориям, подробно описанным в диссертации [Там же].

Одним из основных достижений в упрощении стало то, что теперь предприятие может получить двойную квалификацию одновременно, сделав онлайн-заявку на платформе «Единое окно международной торговли», отправив необходимые для представления в таможенную службу документы, без необходимости посещать локальные таможенные органы и органы контроля и надзора. Платформа единого окна признана ООН «мерой по упрощению торговли» и была впервые реализована в зоне свободной торговли в Китае (г. Шанхай).

В России была разработана и принята в виде распоряжения Правительства РФ № 1632-р от 28 июля 2017 г. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. Опыт Китая показывает, что в новой реальности необходимо не просто модернизировать экономику, а провести инновации и внедрить цифровые технологии. В современных условиях развитие любого государства невозможно без интеграционных процессов².

Программа «Цифровая экономика РФ» вводит понятие «основных сквозных цифровых технологий», на базе которых должна создаваться новая экономика: «большие данные»; нейротехнологии и искусственный интеллект; системы распределенного реестра; квантовые технологии; новые производственные технологии; промышленный Интернет; компоненты робототехники и сенсорики; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей.

В Российской Федерации на момент проведения исследования также действуют иные нормативно-правовые акты стратегического планирования. К ним можно отнести «Стратегию развития информационного общества», «Стратегию научно-технологического развития Российской Федерации», с 2018 г. вступил в законную силу Федеральный закон РФ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

В мае 2018 г. Министерство связи и массовых коммуникаций РФ было преобразовано в Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, а новый руководитель этого органа исполнительной власти федерального уровня объявил, что к осени 2018 г. текст Программы «Цифровая экономика РФ» будет существенно изменен, при этом документ получит более высокий статус — национального проекта. Проведем анализ изменений на основе данных, собранных компанией Huawei в период с 2015 по 2020 гг. (таблица 2).

Приведенные данные показывают, что место, занимаемое Россией, снизилось, а баллы увеличились. Причина такого изменения связана с тем, что страны-лидеры уделяют большее внимание финансированию цифровых преобразований. Такие два взаимосвязанных показателя, как «доступ к фиксированной широкополосной связи» и «доступ к мобильной широкополосной связи», показывают разнонаправленную динамику. Рост мобильной связи — это хорошо, увеличение возможности выхода в быстрый Интернет с мобильных устройств. Однако государственные учреждения, крупный бизнес работают с фиксированных мест доступа, и необходимо развивать это направление для внедрения цифровых технологий для государственного управления. Китай имеет значение индикатора 9, а Россия — 8 в 2020 г. Это позволяет сказать, что КНР цифровизирует скорее государственные учреждения. Показатель «Услуги электронного правительства» в КНР растет, и индикатор показал значение 7, а в России остается стабильным и имеет

¹ Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»: распоряжение Правительства РФ от 28.07.2017 № 1632-р [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/ (дата обращения: 10.10.2021).

² Экспорт товаров (текущий дол. США) [Электронный ресурс] // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.GSR.MRCH.CD?end=2020&locations=CN&start=1982&view=chart> (дата обращения: 15.10.2021).

значение 8. Практика использования портала «Госуслуги» со стороны граждан и бизнеса имеет много нареканий и нуждается в дальнейшем развитии.

Таблица 2

Изменения значений показателей России по индексу GCI¹

Table 2. Changes in the values of Russia indicators on the GCI index

Показатель / индикатор	2015 г.	2020 г.	Максимальное число в выборке	Изменение за период
Ранг (место страны)	36	42	79	-6 пунктов
Баллы (в рейтинге)	42	50	120	8 пунктов
Широкополосный Интернет (технология)	50	72	100	44%
Облачные технологии	27	36	100	33%
Искусственный интеллект	24	27	100	17%
Интернет вещей	27	33	100	22%
Волоконно-оптическая связь	4	6	10	50%
Соединение 4G и 5G	2	6	10	200%
Доступ к фиксированной широкополосной связи	9	8	10	-12%
Доступ к мобильной широкополосной связи	6	7	10	16%
Услуги электронного правительства	8	8	10	0%

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 4741 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», были сформулированы цели развития и закреплено понятие цифровой трансформации, установлены целевые показатели, которые должны быть достигнуты к 2030 г.²

На протяжении ближайшего десятилетия цифровая трансформация (ЦТ) отраслей экономики и государственного управления будет в фокусе внимания Правительства РФ. Поэтому необходимо, чтобы на уровне отдельного органа власти, региона или организации цели ЦТ были четко сформулированы, увязаны с целями федеральных документов и детализированы с учетом отраслевой и региональной специфики. Необходимо провести и завершить переход в цифровой и автоматизированный формат таможенного администрирования.

Примером для изучения служит успешный опыт, накопленный в КНР. Сравнение показателей по эффективности работников приведены в таблице 3.

Таблица 3

Показатели внешней торговли и численности таможенных служб в Китае и России в 2020 г.³

Table 3. Indicators of foreign trade and the number of customs services in China and Russia in 2020

Страна	Внешнеторговый оборот, млрд дол. США	Численность сотрудников таможенных органов, тыс. чел.	Нагрузка на одного сотрудника таможенных органов в год, млрд долл. США / чел.
Китай	4647,438	50,000	92,94876
Россия	572,607	25,834	22,1648603

Как видно из приведенных данных, китайский специалист таможенного дела работает эффективнее русского коллеги в 4,2 раза, обрабатывая документацию. Причин такого успеха несколько, это

¹ Рейтинг стран. Россия [Электронный ресурс] // Global Connectivity Index. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/country-profile-cn.html#cn2015> (дата обращения: 10.10.2021).

² О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 10.10.2021).

³ About China Customs [Электронный ресурс] // GACC. URL: <http://english.customs.gov.cn/topic/customs17/info189290.htm> (дата обращения: 10.11.2021).

и применение НИИ-оборудования. В 2017 г. таможня Китая контролировала более 105 млн TEU морских контейнеров, а также 33,98 млн въезжающих и выезжающих транспортных средств. Огромная рабочая нагрузка налагает обременительную нагрузку на таможню Китая с точки зрения повышения эффективности таможенного оформления и усиления мер по предотвращению рисков¹.

Отметим, что с 2010 г. таможня Китая инициировала централизованную обработку изображений (CIP) для создания сети оборудования НИИ, используемого для досмотра грузов / транспортных средств. Работа, связанная с разработкой системы, модификацией оборудования, а также оптимизацией процедур эксплуатации, была проведена и привела к успешным результатам.

Применение «облачных» технологий для хранения и обработки данных позволило таможенной службе Китая не увеличивать штат с возросшим товаропотоком и, как следствие, документооборотом. Отметим, что затраты на цифровизацию отличаются по странам, в Китае этот показатель 5,97% от ВВП, а в России — 3,72% от ВВП.

Успешно проводимый в Китае Проект «Зеленый коридор» был благополучно изучен и трансформирован для применения в России. Работы по этому направлению начали проводиться еще в 2007 г. на основании «Протокола между ФТС России и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики об организации экспериментального обмена информацией по взаимной торговле».

Федеральная таможенная служба РФ с 2008 г. начала активно работать в области цифровизации. Для успешного проведения работ было необходимо произвести изменение нормативных документов. Первая декларация была подана по сети Интернет в сентябре 2008 г. Потребовалось десять лет согласований и принятия решений. С 2018 г. Таможенный кодекс ЕАЭС утвердил это требование уже на все страны — члены ЕАЭС, кроме Армении. Сегодня все таможни ЕАЭС, за исключением Армении, работают в электронном виде. Это, конечно, большое достижение.

Первый заместитель руководителя ФТС России Руслан Давыдов отметил: «Реализация мероприятий Комплексной программы — 2020 позволила автоматизировать таможенные бизнес-процессы, перевести взаимодействие таможни и бизнеса в электронный вид, сократить временные и финансовые издержки добросовестных участников ВЭД, повысить эффективность таможенного контроля»².

В результате трансформации таможенных органов из более шестисот мест, куда можно было подавать декларации в 2018 г., произошло преобразование, и в 2020 г. созданы 16 центров электронного декларирования (ЦЭД), которые обеспечили быстрый цифровой обмен данными внутри системы. Была внедрена автоматическая диспетчеризация между всеми ЦЭД.

С 23 мая 2020 г. Распоряжением Правительства РФ № 1388-р принята «Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года». Стратегическая цель: «Формирование к 2030 году качественно новой, насыщенной „искусственным интеллектом“, быстро перенастраиваемой, информационно связанной с внутренними и внешними партнерами, „умной“ таможенной службы, незаметной для законопослушного бизнеса и результативной для государства»³.

С основным торговым партнером — КНР, на которого приходилось 18% внешнеторгового оборота в 2020 г., был подписан «Меморандум о взаимопонимании между Федеральной таможенной службой (Российская Федерация) и Главным таможенным управлением Китайской Народной Республики по вопросу автоматизированного обмена сведениями о товарах, перемещаемых между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 23 ноября 2020 года»⁴.

¹ About China Customs [Электронный ресурс] // ГАСС. URL: <http://english.customs.gov.cn/topic/customs17/info189290.htm> (дата обращения: 10.11.2021).

² Об итогах реализации Комплексной программы развития ФТС России до 2020 года [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба. URL: <https://customs.gov.ru/press/federal/document/265437> (дата обращения: 10.10.2021).

³ Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года : распоряжение Правительства Российской Федерации от 23 мая 2020 г. № 1388-р [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/files/9/3/1376639/strategiya-razvitiya-tamozhennoy-služhby-rf.pdf> (дата обращения: 10.10.2021).

⁴ Доклад об исполнении в 2020 году межведомственного плана мероприятий по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года и основных результатах реализации Стратегии [Электронный ресурс] // URL: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategy> (дата обращения: 10.11.2021).

В 2020 г. реализована возможность подачи заявлений о предоставлении государственной услуги ведения реестра таможенных представителей непосредственно через «Личный кабинет участника ВЭД». Данная возможность позволила повысить уровень подачи указанных заявлений в электронной форме до 75% (в 2019 г. — 49,7%) и обеспечить быструю модификацию этой функциональности.

По итогам 2020 г. полностью в автоматическом режиме зарегистрировано более 3,8 млн электронных деклараций на товары, автоматически выпущено более 1,08 млн деклараций, что превышает значения аналогичных показателей за 2019 г. (в 2019 г. автоматически зарегистрировано более 2,8 млн электронных деклараций на товары, автоматически выпущено более 643 тыс. деклараций)¹.

Результаты проводимых мероприятий впечатляют: в 2021 г. более 40% всех экспортных деклараций оформляются полностью автоматически, без участия инспектора. Плановые показатели на 2021 г. — 50% всего экспорта выпустить в автоматическом режиме².

Заключение

Анализ китайского опыта цифровизации экономики показывает необходимость всестороннего изучения передового опыта, финансирования исследований и внедрения цифровых технологий, модернизации оборудования, обучения населения новым технологиям.

Проведение научных исследований и создание новой техники позволяет ускорить процесс досмотра грузов и обработки документов на таможенных переходах между странами. В Российской Федерации и странах ЕАЭС необходимо усилить работу по созданию как систем контроля, так и систем обработки и передачи данных, совместного использования данных различными государственными службами и банками.

Активное внедрение достижений возможно только при целенаправленных плановых действиях, как это проводится в Китае. Разработанная и принятая «Стратегия развития таможенной службы России до 2030 года» показывает, что есть глубокое понимание происходящих изменений.

Китайская система оценки таможенных услуг на сегодняшний день более дифференцированная, а ее услуги становятся все более мультиплексными, что связано с высокими темпами роста экспорта и импорта товаров, в том числе и высокотехнологичных, а также с ростом инвестиционного потока и передачи технологий. Применение положительного опыта Китая в России будет способствовать не только упрощению таможенных процедур, но и позволит найти новые рынки для торговли товарами двух стран.

Литература

1. *Ворона А. А.* Повышение качества таможенных услуг, предоставляемых центрами электронного декларирования : дис. ... канд. экон. наук. Российская таможенная академия, Люберцы, 2019. 193 с.
2. *Жилина И. Ю.* Перспективы цифровизации экономики Китая // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 136–144.
3. *Прохоров А., Коник Л.* Цифровая трансформация. Анализ, тренды, мировой опыт. Издание второе, исправленное и дополненное. М. : ООО «КомНьюс Груп», 2019. 368 с.
4. *Разумов Е. А.* Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. 2017. № 4. С. 156–170.
5. *Субота М. В., Ворона А. А.* Экспорт удобрений из России в Китай: тенденции и перспективы // Ученые записки Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2019. № 2 (70). С. 55–57.

¹ Доклад об исполнении в 2020 году межведомственного плана мероприятий по реализации Стратегии развития таможенной службы Российской Федерации до 2020 года и основных результатах реализации Стратегии [Электронный ресурс] // URL: <https://customs.gov.ru/activity/programmy-razvitiya/strategy> (дата обращения: 10.11.2021).

² Customs and Foreign trade: efficiency of transition to digital and automated format of customs administration. R. V. Davydov, First Deputy Head of the Federal Customs Service of Russia [Electronic resource] // Alta-Soft. URL: https://www.alta.ru/expert_opinion/81311 (accessed: 10.10.2021).

6. *Томайчук Л. В.* Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3 (29). С. 31–36.
7. *Хуатэн Ма, Чжаоли Мэн, Дели Ян* [и др.]. Цифровая трансформация Китая. Опыт преобразования инфраструктуры национальной экономики : монография. Пер. с кит. М. : Интеллектуальная литература, 2019. 250 с.
8. *Шадрин П. И.* Инвестиционное сотрудничество и товарооборот России и Китая // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. Collection of scientific articles LXIII International correspondence scientific and practical conference. 2019. С. 68–72.
9. *Fung K. C., Hwang H. Ch., Ng F.* [и др.] International trade and production networks: comparisons of China and greater china versus India and South Asia // BOFIT Online. 2013. No. 1. P. 1–18.
10. *Vorona A. A., Getman A. G., Dianova V. Yu.* (2022) The impact of digitalization at customs on increasing the speed and reliability of the supply chain / E. G. Popkova (ed.) Simulation modeling of the market in the digital economy: Approaches of game theory. ISC 2020. Lecture notes on Networks and Systems. V. 368. Springer : Chem.
11. *Warner M.* China and the global business revolution / China and the global economy / China in the global economy // Journal of General Management. 2002. V. 27. No. 3. P. 93.

Об авторах:

Ворона Анастасия Александровна, доцент кафедры таможенного администрирования Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат экономических наук; anastasiya_o@mail.ru

Калмыков Сергей Павлович, доцент кафедры «Таможенное дело» Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск, Российская Федерация), кандидат исторических наук, доцент; oberst2006@mail.ru

Ляшенко Максим Викторович, доцент кафедры «Мировая экономика и туризм» Сибирского государственного университета путей сообщения (Новосибирск, Российская Федерация), кандидат экономических наук; mvol@mail.ru

References

1. Vorona A. A. Improving the quality of customs services provided by electronic declaration centers: dis. ... PhD in Economics. Russian Customs Academy, Lyubertsy, 2019. 193 p. (In Rus.)
2. Zhilina I. Yu. Prospects of digitalization of the Chinese economy // Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature [Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literature]. Series 2: Economics. Abstract journal. 2019. No. 1. P. 136–144. (In Rus.)
3. Prokhorov A., Konik L. Digital transformation. Analysis, trends, world experience. The second edition, corrected and supplemented. Moscow : KomNews Group, 2019. 368 p. (In Rus.)
4. Razumov E. A. China's Cybersecurity Policy // Russia and the Asia-Pacific Region [Rossiya i ATR]. 2017. No. 4. P. 156–170. (In Rus.)
5. Subota M. V., Vorona A. A. Export of fertilizers from Russia to China: trends and prospects // Scientific notes of the St. Petersburg V. B. Bobkov branch of the Russian Customs Academy [Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo im. V. B. Bobkova filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii]. 2019. No. 2 (70). P. 55–57. (In Rus.)
6. Tomaichuk L. V. Digitalization of the Chinese economy: risks and opportunities for society // Eurasian integration: economics, law, politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 3 (29). P. 31–36. (In Rus.)

7. Huateng Ma, Zhao li Meng, Delhi Yang [et al.]. China’s digital transformation. The experience of transforming the infrastructure of the national economy : monograph. Trans. from Chin. Moscow : Intellectual literature, 2019. 250 p. (In Rus.)
8. Shadrina R. I. Investment cooperation and trade turnover between Russia and China // In the collection: International scientific review of the problems and prospects of modern science and education. Collection of scientific articles LXIII International correspondence scientific and practical conference. 2019. P. 68–72. (In Rus.)
9. Fung K. C., Hwang H. Ch., Ng F. [et al.]. International trade and production networks: comparisons of China and greater china versus India and South Asia // BOFIT Online. 2013. No. 1. P. 1–18.
10. Vorona A. A., Getman A. G., Dianova V. Yu. (2022) The impact of digitalization at customs on increasing the speed and reliability of the supply chain / E. G. Popkova (ed.). Simulation modeling of the market in the digital economy: Approaches of game theory. ISC 2020. Lecture notes on Networks and Systems. V. 368. Springer : Chem.
11. Warner M. China and the global business revolution / China and the global economy / China in the global economy // Journal of General Management. 2002. V. 27. No. 3. P. 93.

About the authors:

Anastasia A. Vorona, Associate Professor of the Department of Customs Administration of the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Economics; anastasiya_o@mail.ru

Sergey P. Kalmykov, Associate Professor of the Department “Customs” of the Siberian Transport University (Novosibirsk, Russian Federation), PhD in History; oberst2006@mail.ru

Maksim V. Lyashenko, Associate Professor of the Department “World Economy and Tourism” of the Siberian Transport University (Novosibirsk, Russian Federation), PhD in Economics; mvol@mail.ru

Быть на голову выше всех: Россия 30 лет спустя : доклад № 73/2021 / [Е. Г. Энтина, М. Л. Этин, Д. П. Новиков, Д. В. Разумовский и др.]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 88 с.

Доклад посвящен актуальным вопросам развития постпандемической реальности. Авторы показывают не только вызовы, связанные с системной трансформацией множества мировых процессов, но и предлагают обсудить место России в ней и императивов ее внешней политики. Центральным элементом внешнеполитической стратегии Москвы, по мнению авторов, должно стать новое идейное наполнение союзничества.

К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом союзе

Жиряева Е. В.*, **Наумов В. Н.**

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Исследуются макроэкономические показатели стран ЕАЭС, применяемые в количественных методах оценки финансовой интеграции, а также ряд документов, формирующих общий финансовый рынок (ОФР) ЕАЭС.

Цель. Выявить содержание понятия ОФР ЕАЭС, определив элементы регулирования движения финансовых услуг и капитала, оценить возможности его формирования с учетом достигнутой интеграции.

Задача. Обосновывается гипотеза о недостаточно высоком уровне финансовой интеграции в ЕАЭС, что является причиной, по которой механизмы ОФР ЕАЭС не могут быть проработаны в достаточной степени.

Методология. Корреляционный анализ, анализ и сопоставление текстов.

Результаты. Мобильность капитала высока в России и Кыргызстане. Сближение темпов роста потребления является признаком выравнивания финансовых рисков. Страны различаются режимами валютных курсов, в двух из них сохраняется двойной обменный курс, в трех существуют требования репатриации валютной выручки. Меры в отношении движения капитала разнонаправлены. ОФР предполагает сближение законодательства в сфере финансовых услуг. Обязательства по трансграничной поставке и потреблению за рубежом страны берут только в отношении четырех подсекторов, коммерческое присутствие регулируется национальным законодательством, а присутствие физических лиц — положениями о миграции. Обязательства по либерализации рынка услуг, взятые перед ВТО, не единообразны, а перечень изъятий из обязательств по Договору о ЕАЭС более ограничивающий, чем обязательства перед ВТО. Большая часть мер валютного регулирования реализуется по национальным законам. Инвесторы государств-членов не получают национального режима при учреждении.

Выводы. Гипотеза подтверждена. Значение работы для анализа финансовой интеграции состоит в том, что выявлены формы, в которых существует общий финансовый рынок ЕАЭС. Рекомендации предназначены для применения в работе Евразийской экономической комиссии.

Ключевые слова: региональная экономическая интеграция, общий рынок, финансовый рынок, Евразийский экономический союз, финансовые услуги, движение капитала

Для цитирования: Жиряева Е. В., Наумов В. Н. К вопросу о свободном движении финансовых услуг и капитала в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 43–56.

On the Issue of Free Movement of Financial Services and Capital in the Eurasian Economic Union

Elena V. Zhiryaeva*, **Vladimir N. Naumov**

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the macroeconomic indicators of the EAEU countries, used in quantitative methods for assessing financial integration, as well as a number of documents that form the common financial market (CFM) of the EAEU.

Aim. To identify the content of the concept of the EAEU CFM, having determined the elements of control of the movement of financial services and capital, to assess the possibilities of its formation, taking into account the achieved integration.

Task. To confirm the hypothesis that the insufficiently high existing level of financial integration in the EAEU is the reason why the mechanisms of the EAEU CFM cannot be sufficiently developed.

Methods. Correlation analysis, analysis and comparison of texts.

Results. Capital mobility is high in Russia and Kyrgyzstan. Converging consumption growth rates is a sign of equalizing financial risks. The countries differ in their exchange rate regimes, two of them maintain a double exchange rate, three have requirements for the repatriation of foreign exchange earnings. Capital flow measures are multidirectional. The CFM assumes the approximation of legislation in the field of financial services. Countries only commit to cross-border supply and consumption abroad for four subsectors, commercial presence is governed by national legislation, and the presence of natural persons is subject to migration regulations. The obligations to liberalize the services market taken to the WTO are not uniform, and the list of exemptions from obligations under the EAEU Treaty is more restrictive than obligations to the WTO. Most of the foreign exchange regulation measures are implemented in accordance with national laws. Investors from member states do not receive national treatment upon establishment.

Conclusion. The hypothesis is confirmed. The significance of the work for the theories of financial integration lies in the identification of the forms in which the CFM EAEU exists. The recommendations are intended for use in the work of the Eurasian Economic Commission.

Keywords: regional economic integration, common market, financial market, Eurasian Economic Union, financial services, capital movement

For citing: Zhiryayeva E. V., Naumov V. N. On the Issue of Free Movement of Financial Services and Capital in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 43–56.

Введение

Финансовая интеграция — это процесс, посредством которого финансовые рынки стран или регионов становятся более связанными друг с другом [7]. Процесс может включать трансграничные потоки капитала, присутствие иностранных банков на внутреннем рынке, совместное использование информации и практики финансовых учреждений, объединение рыночных инфраструктур [8]. К. Либшер и др. выделяют следующие аспекты финансовой интеграции: денежная интеграция через валютные союзы или долларизацию; либерализация счета операций с капиталом; субподряд финансовых услуг или инфраструктуры за рубежом; вход иностранного инвестора; нормативное сближение и гармонизация [12].

Рассмотрим подход теорий региональной экономической интеграции. Согласно Б. Балассе различается пять ее этапов: свободная торговля, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция [4]. Общий рынок предусматривает либерализацию движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы («четыре свободы»). Важной чертой интеграции является конвергенция — постепенное исчезновение различий между уровнями развития стран, что рассматривается частично как предварительное условие, а частично как желаемое следствие интеграции [14].

Экономический союз стран ЕАЭС содержит несколько финансовых аспектов сотрудничества, включая согласованную валютную политику (протокол № 15 к Договору о ЕАЭС), осуществление инвестиций (протокол № 16) и взаимные обязательства по финансовым услугам (протокол № 17). Какие из этих направлений должны сформироваться на теоретическом этапе общего рынка? В Договоре о ЕАЭС проводится

разделение между финансовыми услугами (протокол № 16) и движением капитала (протокол № 17), но структура пакета документов, формирующих ОФР, не основывается на таком разделении. Авторский подход состоит в том, что выделение элементов ОФР по тому принципу, касаются ли движения услуг или капитала, может оказаться полезной практикой для понимания феномена «общего финансового рынка».

Рассмотрим сложившиеся определения терминов «финансовые услуги» и «движение капитала».

ВТО определяет финансовую услугу как любую услугу финансового характера, предлагаемую поставщиком финансовых услуг страны-члена¹. Финансовые услуги являются седьмым из двенадцати секторов, по которым принимаются обязательства по Генеральному соглашению по торговле услугами (ГАТС), сектор включает подсекторы²: страхование и связанные услуги; банковские и другие финансовые услуги. Перечень Договора о ЕАЭС³ близко совпадает с ГАТС. Отличительной особенностью является выделение самостоятельного сектора «Услуг на рынке ценных бумаг». В этом секторе, очевидно, будут создаваться специальные механизмы сотрудничества.

Платежи в международных расчетах осуществляются в связи с текущими операциями и операциями, связанными с движением капитала, в первом случае либерализация платежей относится к свободе движения товаров, а не капитала. Термин «капитал» в рассматриваемом контексте подразумевает финансовые активы, их определение в методологии платежного баланса следует искать в описании финансового счета. Получаем определение движения капитала: «На финансовом счете регистрируются операции, связанные с финансовыми активами и обязательствами движения капитала, которые возникают между резидентами и нерезидентами». Позиции финансового счета включают прямые, портфельные инвестиции, финансовые производные, прочие инвестиции, резервные активы⁴.

В ст. XXX Статей соглашения МВФ определение дается в сопоставлении капитальных и текущих операций. Текущие платежи связаны с ведением внешней торговли, краткосрочными банковскими и кредитными механизмами, переводом процентов по ссудам или доходов от инвестиций, умеренными выплатами в счет погашения ссуд или амортизации прямых инвестиций, переводов семей⁵.

Из методологии платежного баланса следует, что большая часть позиций финансового счета представляет собой инвестиции. В Договоре о ЕАЭС, в протоколе № 16, инвестиции тракуются как материальные и нематериальные ценности, вкладываемые инвестором одного государства в объекты предпринимательской деятельности на территории другого государства. Поскольку в определении указано вложение в объекты предпринимательства, можно предположить, что оно относится к прямым инвестициям.

Обратимся к понятию инвестиций в проекте “Deep Integration project” Всемирного банка⁶. В 1960 г. впервые в инвестиционном договоре между Германией и Малайзией появилось понятие инвестиций «на основе активов». Это определение, применяемое в большинстве региональных торговых соглашений (РТС), включает как прямые иностранные, так и портфельные инвестиции. Однако нередко определение входило в противоречие с национальным законодательством стран об иностранных инвестициях. Оценивая регулирование движения капитала в странах ЕАЭС, мы будем подразумевать под «капиталом» различные типы инвестиций, выделяя прямые иностранные инвестиции, определение которых в ЕАЭС «основано на предприятии».

Протокол № 16 к Договору о ЕАЭС включает, помимо инвестиций, положения о платежах и переводах, которые также будут рассмотрены в связи с движением капитала.

¹ General agreement on trade in services. The Legal Texts. The Results of the Uruguay Round of Multilateral Trade Negotiations. World Trade Organization. 1999. New York : Cambridge University Press. P. 284–319.

² Там же.

³ Договор о Евразийском экономическом союзе. 2014 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Balance of payments and international investment position manual [Электронный ресурс]. 2009. Washington, D.C. : International Monetary Fund. 351 p. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/bop/2007/pdf/bpm6.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

⁵ Статьи соглашения. 2011. [Электронный ресурс] // МВФ. URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/aa/rus/index.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

⁶ Deep Trade Agreements. Data, Tools and Analysis [Электронный ресурс]. WorldBank. 2021. URL: <https://datatopics.worldbank.org/dta/table.html> (дата обращения: 23.09.2021).

Цель работы — выявить содержание понятия ОФР ЕАЭС, определив элементы регулирования движения финансовых услуг и капитала. Это позволило бы с учетом готовности стран к финансовой интеграции дать критическую оценку существующих соглашений и сделать ряд предложений по их совершенствованию. Мы полагаем, что недостаточно высокий уровень финансовой интеграции в ЕАЭС является причиной, по которой механизмы ОФР ЕАЭС не могут быть проработаны в достаточной степени. В этом состоит гипотеза работы.

Материалы и методы

Согласно подходу Л. Бейле и др., рассматриваются три категории мер финансовой интеграции: ценовые, основанные на новостях, количественные [3]. В основе количественных методов лежит предположение о корреляции сбережений и инвестиций и корреляции во времени роста потребления между странами. В интерпретации М. Фельдштейна и С. Хориоки [9] сбережения страны являются частью мирового пула, который может быть направлен куда угодно. Отклонение сбережений страны от инвестиций представляет собой степень мобильности капитала. Тест Фельдштейна — Хориоки базируется на оценке следующего уравнения (1):

$$\left(\frac{I}{Y}\right)_i = \alpha + \beta \left(\frac{S}{Y}\right)_i, (1)$$

где I — инвестиции, S — сбережения, Y — ВВП страны, i — страна, α и β — коэффициенты.

Значение β , близкое к единице, указывает на небольшую мобильность капитала. Этот вывод вызвал дискуссию. Из модели роста Р. Солоу известно, что предельная отдача от капитала ниже в странах с более высокой капиталовооруженностью, что стимулирует переток капитала из богатых стран в бедные. При отсутствии барьеров нет оснований ожидать, что страны с высокими сбережениями также будут иметь большие инвестиции [15]. Однако исследования М. Фельдштейна и С. Хориоки показали, что нормы сбережений и инвестиций сильно коррелированы. Для периода 1960–1974 гг. было получено следующее регрессионное уравнение (2):

$$I/Y=0,035+0,887 (S/Y), (2)$$

при значении квадрата среднего квадратического отклонения $R^2=0,91$ [9].

Одно из объяснений, предложенное самими авторами, состоит в наличии препятствий для мобильности капитала. Д. Хелливел обнаружил, что корреляция сбережений и инвестиций намного слабее для регионов внутри страны [10]. Зависимость, найденная М. Фельдштейном и С. Хориокой, была взята на вооружение как мера свободы движения капитала.

Д. Бакус указывает, что финансовая интеграция должна отражаться в более высоких межстрановых корреляциях в потреблении [2]. Д. Имбс показал, что с интеграцией корреляция действительно возрастает, указывая на более равновесное распределение рисков [11]. Г. Бекаерти обнаружил, что финансовая либерализация связана со снижением волатильности роста потребления [5]. Е. Боренштейн и П. Лунгани установили снижение дисперсии роста потребления для азиатских стран. Это позволило авторам заключить, что есть некоторые свидетельства увеличения распределения финансовых рисков между странами [6].

В 2019 г. был опубликован доклад Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)¹, где сделана оценка интеграции ЕАЭС. По строкам «инвестиции» и «движение капитала» используются данные Всемирного банка². Приведенная оценка дана в таблице 1.

¹ Система индикаторов интеграции как инструмент анализа функционирования региональных интеграционных объединений [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. 2019. URL: <http://www.isbnk.org/upload/File/The%20System%20of%20Integration%20Indicators%202019.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

² Там же.

Таблица 1

Финансовые индикаторы интеграции ЕАЭС

Table 1. Financial indicators of EAEU integration

Индикаторы	2007–2014	2015
Интеграции на рынке труда и капитала		
Согласованная политика на рынке капитала	0,4	0,7
Инвестиции ¹	0	0,6
Движение капитала ²	0,8	0,8
Макроэкономической конвергенции		
Наличие банков развития	1	1
Наличие перераспределительных фондов	0	0

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.isbnk.org/upload/File/The%20System%20of%20Integration%20Indicators%202019.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

Прогресс в области инвестиционной политики, связанный с появлением инвестиционных положений в Договоре о ЕАЭС, будет обсужден. Остальные показатели, сохраняющие неизменность, недостаточно чувствительны к процессам, проходящим в странах ЕАЭС.

Таким образом, актуальным для мониторинга показателей финансовой интеграции в региональных экономических блоках представляется подбор методов, которые были бы легко применимыми и основывались на теоретических подходах. С учетом важности, которая придается экономическому сближению стран Союза, мы выбрали для исследования набор показателей, включающих аспект макроэкономической конвергенции, в теории они относятся к количественным методам:

- а) пострановая корреляция сбережений и инвестиций;
- б) межстрановая корреляция скоростей роста потребления.

С их использованием будут выявлены предпосылки для сближения стран — членов формирующегося ОФР.

Оценка уровня финансовой интеграции стран ЕАЭС количественными методами**Корреляция сбережений и инвестиций в ЕАЭС**

Для анализа конвергенции данные о сбережениях и инвестициях были получены из базы МВФ на интервале 2011–2020 гг.³

Таблица 2

Оценка корреляции сбережений и инвестиций в ЕАЭС

Table 2. Assessment of the correlation between savings and investment in the EAEU

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
Корреляция Пирсона	0,30	0,76	-0,65	0,12	0,17
p-value	0,4	0,01	0,04	0,7	0,6
Корреляция Спирмена	0,20	0,87	-0,67	0,05	0,14
p-value	0,58	0,003	0,04	0,89	0,70

Источник: составлено авторами по: World Economic Outlook Database [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (дата обращения: 10.01.2021).
Примечание: p-value — уровень значимости.

¹ Методика показателя [Электронный ресурс]. URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/902871607632719720/Chapter-5-Investment.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

² Методика показателя [Электронный ресурс]. URL: <https://pubdocs.worldbank.org/en/594851607632747320/Chapter-6-Movement-of-Capital.pdf> (дата обращения: 23.09.2021).

³ Прогнозное значение для 2020 г.

В таблице 2 приведены значения выборочных коэффициентов корреляции Пирсона и Спирмена, уровни значимости коэффициентов (вероятность ошибки первого рода). Чем меньше этот уровень, тем лучше для значимости корреляции. В Беларуси и Казахстане корреляция значима (p -value не превышает 0,05). Относительно Беларуси можно утверждать о малой мобильности капитала. У Казахстана взаимосвязь обратная — чем меньше сбережений, тем больше инвестиций. Отсутствие корреляции у Кыргызстана и России свидетельствует о высокой мобильности капитала.

Скорости роста потребления в странах ЕАЭС

Данные о потреблении были получены из статистики национальных счетов ООН (с. 116, 332, 362, 470, 732)¹. Данные по Российской Федерации за 2014–2017 гг. дополнительно взяты из статистического сборника². Поскольку при расчете учитывался процентный рост, сведения, представленные в национальных валютах, были пригодны для анализа. Учитывались расходы конечного потребления трех секторов: государства, домашних хозяйств и некоммерческих организаций, обслуживающих домашние хозяйства на интервале 2013–2017 гг.³ Данные обрабатывались в интегрированной среде разработки RStudio.

Наблюдалось снижение ежегодного роста потребления с 17% в 2013 г. до 9% в 2017-м. При этом снижается и стандартное отклонение. Уменьшение стандартного отклонения, которое должно свидетельствовать о росте интеграции, может быть следствием сокращения измеряемой величины. Для устранения этой ошибки данные были усреднены (найден максимум, данные представлены как процент от максимума). Результаты приведены в таблице 3.

Таблица 3

Скорости роста потребления в странах ЕАЭС после нормализации

Table 3. Consumption growth rates in the EAEU countries, after normalization

Страна	Год наблюдения				
	2013	2014	2015	2016	2017
Армения	28%	17%	-14%	0%	100%
Беларусь	100%	100%	100%	56%	92%
Россия	38%	33%	21%	31%	50%
Казахстан	79%	38%	100%	100%	58%
Кыргызстан	48%	46%	21%	13%	83%
Выборочное среднее квадратическое отклонение	30%	32%	52%	40%	22%

Источник: рассчитано авторами на основе статистики национальных счетов.

Выборочное среднее квадратическое отклонение скоростей роста свидетельствует, что разброс скоростей роста потребления при сравнении за каждый конкретный год между странами имеет две тенденции: (а) роста в первые годы анализа и (б) убывания — с момента образования ЕАЭС в 2015 г. Средний коэффициент роста за последние три года составляет минус 0,15. Это свидетельствует о сближении скоростей роста, ведущем, согласно подходу [2], к более равномерному распределению рисков между странами.

Результаты парного параметрического корреляционного анализа скоростей роста потребления (таблица 4) позволяют заключить, что значимая корреляция (на уровне значимости 0,1) имеется только между парами Казахстан — Беларусь и Россия — Беларусь.

¹ National Accounts Statistics: Main Aggregates and Detailed Tables. 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://unstats.un.org/unsd/nationalaccount/sdpubs/madt-2019.pdf> (дата обращения: 10.01.2021).

² Национальные счета России (2019), с. 148 [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Nac-sch_2014-2018.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

³ Для Казахстана 2017 г. — это последние доступные данные в национальной валюте.

Корреляционная матрица скоростей роста потребления

Table 4. Correlation matrix of consumption growth rates

Страна	Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	РФ
Армения	КП*	1	–	–	–	–
Беларусь	КП	-0,18	1	–	–	–
	УЗ**	0,62	–	–	–	–
Казахстан	КП	0,01	0,59	1	–	–
	УЗ	0,99	0,07	–	–	–
Кыргызстан	КП	-0,05	-0,15	-0,48	1	–
	УЗ	0,89	0,68	0,16	–	–
РФ	КП	0,13	0,57	0,30	-0,43	1
	УЗ	0,73	0,09	0,40	0,21	–

*КП — корреляция Пирсона

**УЗ — уровень значимости критерия Стьюдента для двусторонней критической области

Источник: рассчитано авторами на основе таблицы 3.

Соответственно, именно страны — основательницы Таможенного союза наиболее продвинулись в направлении финансовой интеграции. Похожие результаты получаются при использовании непараметрического корреляционного анализа Спирмена.

Таким образом, количественные критерии говорят, что интеграция (Казахстана, Беларуси и России) носит «клубный» характер. Этот феномен отмечался как характерный для ЕАЭС [1]. Сам факт такого сближения согласно ряду теоретических [2] и эмпирических [5; 6; 11;] исследований, может рассматриваться как свидетельство финансовой либерализации [5] и более равномерного распределения финансовых рисков между странами [6]. Как представляется, достаточная мобильность капитала свидетельствует об отсутствии ряда институциональных проблем в России и Кыргызстане на пути формирования ОФР. Наиболее проблематичной является ситуация в Беларуси.

Сравнение подходов Российской Федерации и Казахстана в регулировании движения финансовых услуг

Большинство стран ЕАЭС, за исключением Беларуси, приняли обязательства по либерализации финансовых услуг как в рамках договора о ЕАЭС, так и перед ВТО. Россия и Казахстан стали членами ВТО в последнее десятилетие, Казахстан вступил в ВТО, будучи членом ЕАЭС. Обязательства этих стран по ГАТС должны были бы быть практически одинаковыми, формируя рамки для более тесной региональной интеграции. В связи с этим представляется интересным рассмотреть меры по либерализации рынка финансовых услуг на примере этих двух стран.

Возьмем пример горизонтальных обязательств Казахстана и РФ перед ВТО по доступу на рынок (только по форме юридического лица) в подсекторе страховых услуг в виде коммерческого присутствия (третий способ поставки услуг). Обязательства не единообразны. По истечении переходного периода Россия сохраняет ограничения на коммерческое присутствие иностранных страховых компаний в сферах страхования жизни, государственных закупок и гражданской ответственности владельцев транспортных средств. Казахстан же таких мер не оговорил, но предусмотрел, что руководить страховыми компаниями с иностранным участием будут резиденты Казахстана.

Что касается региональной интеграции, ГАТС (ст. V «Экономическая интеграция») не препятствует членам заключать соглашение, направленное на либерализацию торговли услугами, ставя для этого некоторые ограничения. Среди них требование, чтобы соглашение охватывало существенное число услуг, включало все способы их поставки, не допускается дискриминация в смысле ст. XVII ГАТС «Национальный

режим». Соглашение не должно вести в отношении любого члена ВТО, не участвующего в нем, к увеличению общего уровня барьеров. Обратимся к протоколу по финансовым услугам (Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС). В определениях перечислены 17 подсекторов в трех категориях: страхование, банковская деятельность и рынок ценных бумаг. Регулирование в отношении четырех способов поставки (1 — трансграничная поставка; 2 — потребление за рубежом; 3 — коммерческое присутствие; 4 — присутствие физических лиц) организовано следующим образом. В отношении первого способа либерализация, вопреки ст. V ГАТС, касается всего четырех сфер: страхования рисков, относящихся к перевозкам; перестрахования; предоставления, передачи финансовой информации; консультативных и других вспомогательных услуг. В этих областях предоставляются национальный режим (НР) и режим наиболее благоприятствуемой нации (РНБ), снимаются ограничения для доступа на рынок на условиях, указанных в индивидуальных перечнях стран. В отношении второго способа поставки либерализация затрагивает также указанные четыре сектора. В отношении третьего способа в п. 6 и 11 Протокола указано, что в целом НР и доступ на рынок для учреждения (разрешение на вход) и деятельности инвесторов во всех сферах финансовых услуг предоставляется в соответствии с национальным перечнем каждой страны. РНБ предоставляется безусловно (п. 7 Протокола). В отношении четвертого способа действуют положения Договора, касающиеся трудовой миграции (п. 12 Протокола).

Согласно национальным перечням (Приложение № 1 к протоколу № 17) во всех странах не разрешается страховое посредничество от имени иностранных страховщиков. В банковском секторе России участие иностранного капитала ограничено 50%, что в равной мере касается банков ЕАЭС и других стран ВТО. В обоих случаях коммерческое присутствие допускается только в форме юридического лица РФ. Как представляется, ограничения на рынке ЕАЭС в целом выше по сравнению с перечнем ВТО¹, поскольку в первом случае (Договор о ЕАЭС) требуется, например, чтобы 75% работников кредитной организации были гражданами РФ. На финансовом рынке доля лица из ЕАЭС в уставном капитале организатора торгов не может превышать 10%, хотя обязательствами перед ВТО принято 20%. Это также, на наш взгляд, ущемляет участников ЕАЭС и не делает рынок России более открытым для них.

Ограничения, сохраненные Казахстаном в Договоре о ЕАЭС, также довольно высоки и менее либеральны, чем обязательства перед ВТО. Так, по обязательствам перед ВТО² по истечении переходного периода Казахстан разрешит создание прямых отделений иностранных страховых компаний и прямых филиалов иностранных банков. В то же время по Договору о ЕАЭС³ открытие филиалов страховых организаций-нерезидентов и филиалов банков-нерезидентов запрещается. Страхование имущественных интересов может осуществляться только резидентом республики. Наложены запреты на переводы за рубеж, связанные с оплатой страховых премий. Срок снятия запрета не определен. Изъятия должны быть отменены, когда будет построен ОФР, т. е. выполнены условия гармонизации законодательства и взаимного признания лицензий. На наш взгляд, ограничения торговли услугами по Договору о ЕАЭС должны сниматься автоматически, если страны отменили их по обязательствам перед ВТО.

Оценка уровня свободы движения капитала в странах ЕАЭС

Стратегическим направлением ЕАЭС является полное устранение барьеров для свободного движения капитала⁴.

¹ Report of the working party on the accession of the Russian Federation. Part II — Schedule of Specific Commitments on Services. 2011. WTO. WT/ACC/RUS/70/Add.2. WT/MIN(11)/2/Add.2 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/russia_e.htm (дата обращения: 10.01.2021).

² Report of the working party on the accession of the Republic of Kazakhstan. Schedule of specific commitments on services. 2015. WTO. WT/ACC/KAZ/93/Add.2. 23 June 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/kazakhstan_e.htm (дата обращения: 10.01.2021).

³ Перечень сохраняемых государствами-членами ограничений в отношении учреждения и деятельности. Приложение № 2 к Протоколу по финансовым услугам Договора о Евразийском экономическом союзе. 2014 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/a59e98f9bb61d557aa421d583eacd5803ae09d3d/ (дата обращения: 10.01.2021).

⁴ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года. Утверждены Решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 года № 12 [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://eec.eaunion.org/commission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniya-razvitiya.php (дата обращения: 26.02.2021).

Приложение № 16 к Договору о ЕАЭС «протокол о торговле услугами, учреждении, деятельности и осуществлении инвестиций» относится к «третьей свободе» общего рынка — свободе движения капитала. За исключением ограничений, связанных с проблемами платежного баланса, страны не ограничивают переводы и платежи по текущим операциям. В отношении валютных операций и операций с капиталом страны действуют «в соответствии со статьями Соглашения о фонде» и своими «специфическими обязательствами». Согласно этим обязательствам перед МВФ, страны «не налагают ограничений на производство платежей и переводов по текущим международным операциям без утверждения Фондом» [2, ст. VIII]. В то же время страны могут сохранять контроль над операциями, связанными с движением капитала [2, ст. VI].

Рассмотрим существующие в странах ЕАЭС меры контроля (таблицы 5 и 6).

Таблица 5

Контроль над текущими операциями в странах ЕАЭС

Table 5. Control over current operations in the EAEU countries

Показатель	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
<i>Статус по статьям Соглашения МВФ</i>					
Присоединение к ст. VIII МВФ	+	+	+	+	+
<i>Структура обменного курса</i>					
Двойной обменный курс	+	–	–	+	–
<i>Платежные соглашения</i>					
Двухсторонние	+	+	–	+	+
Задолженность по платежам	–	–	–	+	–
Контроль платежей по невидимым сделкам и текущим трансфертам	–	+	+	–	–
<i>Выручка от экспорта или от невидимых операций</i>					
Требование репатриации	–	+	+	–	+

Источник: МВФ¹

Хотя все страны ЕАЭС присоединились к ст. VIII Статей соглашения МВФ, две имеют двойной обменный курс, запрещенный ст. VIII, а три сохраняют репатриацию по текущим операциям (таблица 5). По состоянию на 2020 г. в валютном регулировании стран ЕАЭС произошли изменения, среди которых следующее. Законом Российской Федерации № 265-ФЗ определены условия неприменения ст. 19 «Репатриация резидентами иностранной валюты и валюты Российской Федерации» 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле». С 1 января 2020 г. репатриация не требуется, если сумма контракта определена в рублях, а предметом экспорта являются товары, отличные от минеральных. В отношении минеральных товаров репатриация отменяется поэтапно до 1 января 2024 г.

Согласованная валютная политика (ст. 64 Договора о ЕАЭС) призвана обеспечить свободное движение товаров, услуг и капитала. Направления этой политики обрисованы в Протоколе № 15 к Договору и нашли свое выражение в специальном соглашении. Российская сторона одобрила его проект в сентябре 2019 г.²

Ст. 3 Соглашения вводит понятие «резидентов государств-членов». Им «запрещается использование иностранной валюты при проведении расчетов на территории государства-члена, за исключением случаев, предусмотренных Соглашением и законодательством государства». В Кыргызстане и Армении валютные операции между резидентами и нерезидентами (в т. ч. лицами других государств-членов) разрешены. В Российской Федерации валютные операции между резидентами и нерезидентами осуществляются без ограничений. В результате неясно, в каких случаях будет применяться запрет на валютные операции «резидентов государств-членов», установленный ст. 3.

¹ Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2019 [Электронный ресурс]. Washington, DC: IMF. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2020/08/10/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2019-47102> (дата обращения: 10.01.2021).

² О подписании Соглашения о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятия мер либерализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2019 г. № 2097-р [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561251641> (дата обращения: 10.01.2021).

Государства-члены, согласно ст. 3, не применяют валютные ограничения в отношении семи категорий валютных операций в иностранной валюте, осуществляемых их резидентами. Это расчеты между резидентами государств-членов, в том числе связанные с куплей-продажей на территории Союза. Определения «иностранной валюты» ни в самом Соглашении, ни в документах, к которым оно отсылает, нет. Было бы логично предположить, что это понятие включает и национальные валюты других государств-членов, и было бы лучше, если бы речь шла о национальных валютах, расчеты в которых должны стимулироваться в первую очередь. Однако это, вероятно, не так, поскольку понятие «иностранная валюта» применяется к «резидентам государств-членов», а значит, не подразумевает их национальную валюту. Из соглашения следует (ст. 3), что приветствуются (снимается требование к расчетам по счетам) платежи и переводы в национальных валютах только между физическими лицами. Однако указывается на приоритет национальных законов, по которым «резидент страны-члена» (что особенно важно для юридических лиц) не теряет статуса нерезидента и не утрачивает своих прав. Основным инструментом валютного регулирования при внешнеторговых расчетах — репатриация — заведен в ст. 6, хотя две страны ЕАЭС не имеют таких требований¹. В отличие от требования репатриации, установленного в законодательстве России, Соглашение не распространяется на кредитные операции, что, на первый взгляд, могло бы облегчить условия кредитования между резидентами ЕАЭС. Однако Соглашение упоминает о необходимости соблюдать национальные требования по репатриации.

По Соглашению сохраняются национальные нормы в отношении покупки и продажи иностранной валюты и чеков на территориях государств-членов. Операции ввоза и вывоза валюты регулируются таможенным кодексом ЕАЭС. При таком прочтении Соглашения задаемся вопросом: есть ли какая-то либерализация валютных отношений? Ст. 5 Соглашения «Меры либерализации» прямо отвечает, что в государствах-членах в отношениях между их резидентами не применяются требования о получении разрешений: на проведение валютных операций; в отношении открытия и ведения банковских счетов. В отношении резидентов своего государства не применяется требование об обязательной продаже иностранной валюты. Очевидно, что данная статья адресована большей частью Беларуси, где сохранялся разрешительный режим и режим уведомлений, а также обязательная продажа валютной выручки.

Итак, Соглашение отдает приоритет национальным законам в случаях как более жестких (репатриация), так и более мягких норм (отсутствие ограничений для нерезидентов). Следовало бы отдать приоритет только в случае более мягких национальных норм. Как представляется, странам ЕАЭС в сфере валютного регулирования надо продвигаться в сторону более широкой внутренней конвертируемости на пространстве Союза. Она состоит не только в перемещении наличной валюты, что уже достигнуто, но также в отмене репатриации валютной выручки в валютах стран ЕАЭС. Необходима отмена двойного обменного курса в Армении и Кыргызстане.

Страны ЕАЭС сохраняют широкий диапазон мер, связанных с контролем движения капитала (таблица 6).

В Беларуси разработан самый большой объем требований. Наиболее либеральным представляется режим Армении (таблица 6). Согласованное регулирование операций, связанных с движением капитала, может быть затруднено большим количеством требований, носящих разнонаправленный характер. По результатам обзора МВФ за 2020 г., можно заключить, что наиболее заметная либерализация на пространстве ЕАЭС касалась деятельности коммерческих банков и других кредитных учреждений.

В п. 8 раздела II Протокола № 16 Договора о ЕАЭС устанавливается, что «каждое государство-член отменяет действующие и не вводит новые ограничения в отношении переводов и платежей в связи с ... учреждением, деятельностью и инвестициями». Перечень платежей и переводов связан с гарантиями, обычно предоставляемыми иностранным инвесторам: перевод доходов; средств, полученных инвестором в связи с продажей инвестиций, возмещением ущерба от гражданских беспорядков, экспроприацией, перевод заработной платы, связанной с осуществлением инвестиций.

¹ Обзор режимов проведения отдельных валютных операций на пространстве Евразийского экономического союза. 2017 [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/finpol/dofp/audit_buh_uchet/Documents/Таблица.валютные_режимы.для_сайта.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

Таблица 6

Контроль над капиталными операциями в странах ЕАЭС

Table 6. Control over capital transactions in the EAEU countries

Регулирование	Армения	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Россия
<i>Капитальных сделок</i>					
С ценными бумагами фондового рынка	+	+	+	+	+
С инструментами денежного рынка	–	+	+	+	+
С коллективными инвестиционными бумагами	+	+	+	+	+
Контроль над деривативами и прочими инструментами	–	+	+	+	–
Коммерческие кредиты	–	+	–	+	–
Финансовые кредиты	–	+	+	+	+
Гарантии и требования резервирования	–	–	–	+	+
Контроль над прямыми инвестициями	–	+	+	+	+
Контроль над сделками с недвижимостью	+	+	–	+	+
Контроль над персональными капиталными сделками	–	+	+	–	+
<i>Специфичное для:</i>					
Коммерческих банков и прочих кредитных институтов	+	+	+	+	+
Институциональных инвесторов	+	+	+	+	+

Источник: МВФ¹

Инвестиции охвачены ч. VII Протокола. Указывается (п. 66 Приложения № 16 Договора о ЕАЭС), что одной из форм осуществления инвестиций является «учреждение». Определение «учреждения», подразумевающего вход инвестора, включает все возможные варианты организации коммерческого присутствия. К таким инвестициям применяются положения Протокола № 16, за исключением положений п. 69–74. П. 69 предусматривает НР. Из сказанного можно заключить, что инвесторы из стран-членов ЕАЭС не пользуются НР в других странах Союза. Здесь следует упомянуть различие между разрешением на вход инвестора («учреждение», pre-establishment) и нормами, определяющими функционирование уже учрежденного предприятия (post-establishment). Как правило, страны имеют право ограничить вход иностранного инвестора, но в дальнейшем какая-либо дискриминация не допускается. Именно ограничения на вход установлены между странами ЕАЭС. Вдобавок при наличии с третьей страной соглашения об избежании двойного налогообложения меры по отношению к партнерам по ЕАЭС могут оказаться более жесткими.

Подводя итог этой части, отметим, что страны ЕАЭС пока далеки от отмены контроля над операциями, связанными с движением капитала. В Армении и Кыргызстане не исполняются даже базовые требования, установленные ст. VIII Соглашения об МВФ — об отказе от двойного обменного курса. Инвесторы государств-членов не получают национального режима при учреждении, но это, вероятно, было бы преждевременно. Заявленные меры валютной либерализации неактуальны для РФ, где обязательная продажа валютной выручки была отменена с 2007 г.

Обсуждение мер политики стран ЕАЭС в развитие ОФР

В документах ЕАЭС ОФР описан как «дающий возможность упрощенного и недискриминационного доступа субъектов финансового рынка на рынки друг друга»². Приложение № 17 к Договору о ЕАЭС

¹ Annual Report on Exchange Arrangements and Exchange Restrictions 2019. Washington, DC: IMF. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions/Issues/2020/08/10/Annual-Report-on-Exchange-Arrangements-and-Exchange-Restrictions-2019-47102> (дата обращения: 10.01.2021).

² О Концепции формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза : решение Высшего Евразийского экономического Совета от 01.10.2019 № 20 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/law/podborki/konceptiya_formirovaniya_obschego_finansovogo_rynka_eajes/ (дата обращения: 10.01.2021).

устанавливает следующие критерии ОФР: гармонизированные требования к регулированию и надзору; взаимное признание лицензий в банковском и страховом секторах, на рынке ценных бумаг; предоставление финансовых услуг на всей территории без дополнительного учреждения в качестве юридического лица; административное сотрудничество.

Стратегические направления развития евразийской интеграции предусматривают не просто взаимное признание, а заключение договора о стандартизированной лицензии, использование национальных валют во взаимных расчетах, развитие общего платежного пространства, создание наднационального органа регулирования и рейтингового агентства Союза.

Согласно подходу Д. Накагавы, высшим уровнем взаимодействия стран является гармонизация, в ходе которой страны работают над устранением узкой разницы между их регуляторными режимами [13]. В Договоре о ЕАЭС использованы термины «скоординированная политика» и «согласованная политика». Скоординированная политика предполагает сотрудничество на основе общих подходов, сближение принципов, а согласованная политика — гармонизацию правового регулирования. Большинство соглашений, принятых в рамках создания ОФР, относятся к сближению принципов.

Наибольший интерес представляет согласованная политика, предполагающая, что страны принимают единые правила и стандарты. Ст. 70 Договора о ЕАЭС предусматривает согласованное регулирование финансовых рынков, а ст. 64 — согласованную валютную политику. Страны договорились (Приложение № 17 к Договору ЕАЭС), что для гармонизации будут использоваться стандарты Базельского комитета, Международной ассоциации страховых надзоров, Международной организации комиссий по ценным бумагам, а также Международные стандарты аудита. После завершения гармонизации в 2025 г. планируется создание наднационального органа регулирования. Это означает, что именно согласованная, а не скоординированная политика должна быть выработана за оставшийся период. Следует упомянуть конкретный механизм, который был разработан в рамках Евразийского экономического союза, — «механизм стандартизированной лицензии», относящийся к фондовым рынкам.

Таким образом, наиболее заметным достижением на пути к ОФР являются предусмотренное Соглашением о гармонизации законодательства государств-членов создание условий для взаимного признания лицензий, а также решение о гармонизации требований надзора в соответствии с международными стандартами.

Заключение

Цель работы была выявить содержание понятия ОФР ЕАЭС, отнести часть инструментов к регулированию движения финансовых услуг, а другую — к договоренностям о движении капитала. Разделение сделано на основе Договора о ЕАЭС, его протоколов о согласованной валютной политике, по платежам, переводам и инвестициям, финансовым услугам.

В отношении движения капитала наблюдается интересное развитие, заложенное в «Соглашении ЕАЭС о согласованных подходах к регулированию валютных правоотношений и принятии мер либерализации». Признаем, что «надстраивать» такое соглашение над национальными законами, стимулы для изменения которых до недавних пор задавались только требованиями МВФ, непростое дело. Страны ЕАЭС не предоставляют друг другу национального режима на учреждение инвестора. Этого нет в плане и стратегии ОФР. На данный момент полезно было бы обозначить те соображения, которые не позволяют странам провести либерализацию прямых иностранных инвестиций, что позволило бы им целенаправленно работать над устранением этих препятствий.

Основная часть мероприятий по формированию ОФР относится к общему рынку финансовых услуг. По нашему мнению, с учетом разного уровня мобильности капитала в странах ЕАЭС в ситуации, когда страны не смогли принять исчерпывающих общих обязательств ни по ГАТС, ни в рамках договора о ЕАЭС, гармонизация существующих надзорных требований, основанная на международных нормах, является первоочередной задачей. Именно на этом сделан акцент в направлениях формирований ОФР ЕАЭС.

Во введении мы отмечали, что процесс финансовой интеграции может принимать разные формы, из которых объединение рыночных инфраструктур [8] и нормативное сближение и гармонизация [12] являются элементами, характерными для ОФР ЕАЭС.

Гипотеза о том, что недостаточно высокий уровень финансовой интеграции в ЕАЭС является причиной, по которой механизмы ОФР ЕАЭС не могут быть проработаны в достаточной степени, представляет собой в целом корректное предположение.

Литература

1. *Пелипась И.* Реальная, номинальная и институциональная конвергенция в странах ЕАЭС [Электронный ресурс] // Рабочий материал Исследовательского центра ИПМ. 2017. WP/17/03. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2017r03.pdf> (дата обращения: 24.09.2021).
2. *Backus D., Kehoe P., Kydland F.* Dynamics of the Trade Balance and the Terms of Trade: The J-curve? // *American Economic Review*. 1994. No. 84 (1). P. 84–103.
3. *Baale L., Ferrando A., Hördahl P.* [et al.] Measuring Financial Integration in the Euro Area // *European Central Bank Occasional Paper Series*. 2004. No. 14.
4. *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Irwin : Inc., Homewood, 1961.
5. *Bekaert G., Harvey C. R., Lundblad C.* Growth Volatility and Financial Liberalization // *Journal of International Money and Finance*. 2006. No. 25 (3). P. 370–403.
6. *Borensztein E., Loungani P.* Asian Financial Integration: Trends and Interruptions [Электронный ресурс] // IMF Working Paper, 2011. WP/11/4. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Asian-Financial-Integration-Trends-and-Interruptions-24554> (дата обращения: 10.01.2021).
7. *Brouwer G.* Monetary and Financial Integration in Asia: Empirical Evidence and Issues // *Asia Economic Cooperation and Integration*. Manila : Asia Development Bank, 2005.
8. *Eyraud L., Singh D., Sutton B.* Benefits of Global and Regional Financial Integration in Latin America [Электронный ресурс] // IMF Working Paper. 2017. WP/17/1. Western Hemisphere Department. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/01/18/Benefits-of-Global-and-Regional-Financial-Integration-in-Latin-America-44548> (дата обращения: 10.01.2021).
9. *Feldstein M., Horioka C.* Domestic Saving and International Capital Flows // *Economic Journal*. 1980.
10. *Helliwell J.* How Much Do National Borders Matter? Washington, DC : Brookings Institution, 1998.
11. *Imbs J.* The Real Effects of Financial Integration // *Journal of International Economics*. 2006. No. 68 (2). P. 296–324.
12. *Liebscher K., Christl J., Peter Mooslechner P.* [et al.] Financial development, integration and stability: evidence from Central, Eastern and South-Eastern Europe. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2006.
13. *Nakagawa J.* International Harmonization of Economic Regulation. Oxford University press, 2011. 437 p.
14. *Palankai T., Miklos G.* Integration Profiles for Central Europe and Hungary // *Integration Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration*. Fourth World Report on Regional. United Nations University Series on Regionalism. Springer International Publishing AG, 2017. 360 p.
15. *Romer D.* Advanced Macroeconomics. Fourth Edition University of California. Berkeley : Published by McGraw-Hill, 2012. 716 p.

Об авторах:

Жиряева Елена Васильевна, профессор кафедры экономики факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; Zhiryayeva-ev@ranepa.ru

Наумов Владимир Николаевич, заведующий кафедрой бизнес-информатики Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор военных наук, профессор; Naumov-vn@ranepa.ru

References

1. *Pelipas I.* Real, nominal and institutional convergence in the EAEU countries [Electronic resource] // Working material of the IPM Research Center [Rabochii material Issledovatel'skogo tsentra IPM]. 2017. WP/17/03. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/wp2017r03.pdf> (accessed: 24.09.2021). (In Rus.)
2. *Backus D., Kehoe P., Kydland F.* Dynamics of the Trade Balance and the Terms of Trade: The J-curve? // *American Economic Review*. 1994. No. 84 (1). P. 84–103.
3. *Baele L., Ferrando A., Hördahl P.* [et al.] Measuring Financial Integration in the Euro Area // *European Central Bank Occasional Paper Series*. 2004. No. 14.
4. *Balassa B.* The Theory of Economic Integration. Irwin : Inc., Homewood, 1961.
5. *Bekaert G., Harvey C. R., Lundblad C.* Growth Volatility and Financial Liberalization // *Journal of International Money and Finance*. 2006. No. 25 (3). P. 370–403.
6. *Borensztein E., Loungani P.* Asian Financial Integration: Trends and Interruptions [Электронный ресурс] // IMF Working Paper. 2011. WP/11/4. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2016/12/31/Asian-Financial-Integration-Trends-and-Interruptions-24554> (дата обращения: 10.01.2021).
7. *Brouwer G.* Monetary and Financial Integration in Asia: Empirical Evidence and Issues // *Asia Economic Cooperation and Integration*. Manila : Asia Development Bank, 2005.
8. *Eyraud L., Singh D., Sutton B.* Benefits of Global and Regional Financial Integration in Latin America [Electronic resource] // IMF Working Paper, 2017. WP/17/1. Western Hemisphere Department. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2017/01/18/Benefits-of-Global-and-Regional-Financial-Integration-in-Latin-America-44548> (accessed: 10.01.2021).
9. *Feldstein M., Horioka C.* Domestic Saving and International Capital Flows // *Economic Journal*. 1980.
10. *Helliwell J.* How Much Do National Borders Matter? Washington, DC : Brookings Institution, 1998.
11. *Imbs J.* The Real Effects of Financial Integration // *Journal of International Economics*. 2006. No. 68 (2). P. 296–324.
12. *Liebscher K., Christl J., Peter Mooslechner P.* [et al.] Financial development, integration and stability: evidence from Central, Eastern and South-Eastern Europe. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2006.
13. *Nakagawa J.* International Harmonization of Economic Regulation. Oxford University press, 2011. 437 p.
14. *Palankai T., Miklos G.* Integration Profiles for Central Europe and Hungary // *Integration Indicator-Based Monitoring of Regional Economic Integration*. Fourth World Report on Regional. United Nations University Series on Regionalism. Springer International Publishing AG, 2017. 360 p.
15. *Romer D.* Advanced Macroeconomics. Fourth Edition University of California. Berkeley : Published by McGraw-Hill, 2012. 716 p.

About the authors:

Elena V. Zhiryaeva, Professor of the Department of Economics of Faculty of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Associate Professor; Zhiryaeva-ev@ranepa.ru

Vladimir N. Naumov, Head of the Department of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Military Sciences, Professor; Naumov-vn@ranepa.ru

Стимулирование инновационного развития регионов Российской Федерации в рамках стратегических инвестиционных проектов¹

Перминова Е. А.

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; vice.csp@gmail.com

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на формирование предложений по стимулированию ускоренного инновационного развития регионов Российской Федерации в условиях нарастания мировых кризисов, связанных с влиянием нестабильной международной ситуации в связи с событиями на Украине и вводом санкций по отношению к Российской Федерации, а также воздействия как на мировую, так и на российскую экономику последствий значительных ограничений из-за ситуации с коронавирусом.

Цель. Формирование предложений для ускоренного инновационного развития регионов Российской Федерации на основе использования стратегических инвестиционных проектов в условиях воссоздания территориально-производственных комплексов, что позволит сформировать предпосылки для опережающего развития регионов.

Задачи. Рассмотреть подходы к стимулированию ускоренного инновационного развития регионов Российской Федерации и его оценки на основе: применения ключевых индикаторов эффективности; диверсификации экономического потенциала регионов, а также применения венчурного финансирования; внедрения в стратегические программы развития регионов понятий стратегических инвестиционных проектов и стратегических инвестиционных инициатив; использования теории территориально-производственного комплекса в современных условиях хозяйствования.

Методология. В настоящей работе с помощью методов факторного, статистического и количественного анализа разработаны предложения по формированию мер для достижения максимальных успехов в инновационном развитии передовых отраслей регионов Российской Федерации.

Результаты. Исследование показало, что для достижения задач по ускоренному инновационному развитию регионов Российской Федерации при формировании документов стратегического планирования необходимо ориентироваться на основные «комплексы развития», участие в реализации новой модели экономического роста на принципах государственно-частного партнерства на основе комплексного теоретико-методологического подхода к формированию социально-экономической политики и активного использования стратегических инвестиционных проектов.

Выводы. Целесообразно в стратегических программах регионов определить создание высокотехнологичных инновационных проектов по переработке имеющихся на территории сырьевых ресурсов с целью выхода из сырьевой зависимости экономики; создать необходимые условия для улучшения инвестиционного климата с целью привлечения высокотехнологичных проектов лидирующих мировых государств для дальнейшего их использования в собственных нуждах; активно диверсифицировать имеющиеся собственные высокотехнологичные проекты с целью получения максимальной прибыли и создания имиджа высокоразвитого, конкурентоспособного региона; на базе финансовых и экономических институтов создать высокотехнологичные подразделения для запуска и финансирования инновационных, наукоемких проектов с целью их дальнейшей диверсификации и интеграции как на территории региона, так и с третьими субъектами.

¹ Статья подготовлена в рамках фундаментальной научно-исследовательской работы «Цикличность развития мирохозяйственных укладов» по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации на 2019–2021 гг.

Ключевые слова: инновационное развитие, территориально-производственный комплекс, стратегический инвестиционный проект, стратегическая инвестиционная инициатива, технологический уклад, промышленная революция

Для цитирования: Перминова Е. А. Стимулирование инновационного развития регионов Российской Федерации в рамках стратегических инвестиционных проектов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 57–67.

Stimulating the Innovative Development of the Regions of the Russian Federation within the Framework of Strategic Investment Projects

Elena A. Perminova

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation;
vice.csp@gmail.com

ABSTRACT

The present study is aimed at forming proposals to stimulate accelerated innovative development of the regions of the Russian Federation in the conditions of increasing global crises associated with the influence of the unstable international situation in connection with the events in Ukraine and the introduction, as well as the prospect of sanctions against the Russian Federation, as well as the impact on both the world and the Russian economy of the consequences of significant restrictions due to the situation with coronavirus.

Aim. Formation of proposals for accelerated innovative development of the regions of the Russian Federation based on the use of strategic investment projects in the conditions of reconstruction of territorial production complexes, which will form the prerequisites for the advanced development of the regions.

Tasks. To consider approaches to stimulating accelerated innovative development of the regions of the Russian Federation and its assessment based on: the use of key performance indicators; diversification of the economic potential of the regions, as well as the use of venture financing; introduction of the concepts of strategic investment projects and strategic investment initiatives into strategic regional development programs; the use of the theory of the territorial-industrial complex in modern economic conditions.

Methods. In this paper, using the methods of factorial, statistical and quantitative analysis, proposals have been developed for the formation of measures to achieve maximum success in the innovative development of advanced industries in the regions of the Russian Federation.

Results. The study showed that in order to achieve the objectives of accelerated innovative development of the regions of the Russian Federation, when forming strategic planning documents, it is necessary to focus on the main “development complexes”, participation in the implementation of a new model of economic growth based on the principles of public-private partnership based on a comprehensive theoretical and methodological approach to the formation of socio-economic policy and the active use of strategic investment projects.

Conclusions. It is advisable in the strategic programs of the regions to determine the creation of high-tech innovative projects for processing raw materials available on the territory in order to get out of the dependence of the economy on raw materials; to create the necessary conditions for improving the investment climate in order to attract high-tech projects of leading world states for their further use in their own needs; actively diversify existing own high-tech projects in order to maximize profits and create an image of a highly developed, competitive region; create high-tech divisions on the basis of financial and economic institutions to launch and finance innovative, knowledge-intensive projects with a view to their further diversification and integration both in the region and with third entities.

Keywords: innovative development, territorial production complex, strategic investment project, strategic investment initiative, technological structure, industrial revolution

For citing: Perminova E. A. Stimulating the Innovative Development of the Regions of the Russian Federation within the Framework of Strategic Investment Projects // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 57–67.

Введение

Вопросы стимулирования ускоренного инновационного развития регионов Российской Федерации в настоящее время приобретают все более масштабный характер и регулируются как на федеральном, так и на региональном уровнях в соответствии с Единым планом по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 г., утвержденным Правительством РФ (07.05.2019 № 4043п-П13, раздел 5.2).

Согласно данному плану на стимулирование инновационного и научно-технологического потенциала регионов Российской Федерации направлены следующие меры¹:

- 1) реализация региональных программ инновационного и научно-технологического развития;
- 2) создание в субъектах Российской Федерации научных инновационно-технологических центров [4].

Реализация мер по стимулированию инновационного развития регионов должна основываться на принципах стратегического планирования и прогнозирования, обеспечивающих взаимодействие региональных экономик, которые реализуют стратегические инвестиционные проекты (СИП).

Особую актуальность вопросы взаимодействия региональных экономик с мировой экономической системой приобрели в условиях расширения масштабов мировых кризисов, которые, в соответствии с теорией академика С. Ю. Глазьева, связаны с происходящей в настоящее время сменой технологических укладов [2].

Ключевые индикаторы эффективности для стратегического планирования и прогнозирования развития российских регионов

Оценку эффективности стратегического планирования и прогнозирования на уровне регионов Российской Федерации наиболее оптимально проводить с точки зрения оценки «последней мили» — показателей диверсификации региональной экономики и показателей институционального капитала. Оценить эффективность стратегического планирования возможно в основном косвенными методами на основе оценки влияния на макроэкономические показатели через определенный период времени. Согласно В. В. Левшину, «к данным показателям можно отнести накопление организационного опыта, кадрового потенциала, опыта нормативного регулирования, гармонизации и повышения ритмичности работы экономики региона, проведение единой (согласованной) конкурентной, ценовой, торговой и промышленной политики» [3]. При этом оценка эффективности осуществляется с учетом определенных показателей (индикаторов) — «ключевых индикаторов эффективности». В статье В. Д. Андрианова указано: «Ключевые индикаторы эффективности должны удовлетворять следующим требованиям:

- относительная простота и однозначность в интерпретации;
- иметь оптимальные, пороговые и критические значения для сравнения и оценки;
- быть оцениваемыми и сравнимыми во временной динамике;
- иметь возможность обновления на регулярной основе;
- быть репрезентативными для международных сравнений;
- иметь возможность интегрироваться в экономико-математические модели, информационные системы и системы прогнозирования;
- быть сопоставимыми на страновом и региональном уровнях» [1].

¹ Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, утв. Правительством РФ 07.05.2019 № 4043п-П13 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_398015/ (дата обращения: 05.01.2022).

В качестве ключевых показателей эффективности стратегического планирования регионов наиболее целесообразно выбрать критерии эффективности, которые еще в далеком 1961 г. предложил известный экономист Роберт Александр Манделл (Robert Alexander Mundell) [9], но которые не утратили свою актуальность и по сегодняшний день и могут применяться на региональном уровне. Данные критерии, адаптированные автором под показатели официальной статистики Российской Федерации, представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Критерии эффективности стратегического планирования
и соответствующие им ключевые индикаторы эффективности**

Table 1. Criteria for the effectiveness of strategic planning and their corresponding key performance indicators

Критерий	KPI критерия и его номер
Корреляционное движение бизнес-циклов	1.1. Изменение ВРП в % к соответствующему периоду предыдущего года
	1.2. Изменение ВРП в текущих ценах
Мобильность рабочей силы	2.1. Численность населения
	2.2. Изменение численности населения от изменения ВРП
	2.3. Изменение уровня зарегистрированной безработицы в зависимости от изменения ВРП
	2.4. Движение миграционных потоков в зависимости от изменения ВРП
	2.5. Эмиграция (иммиграция) населения в зависимости от изменения ВРП
Степень торговой интеграции	3.1. Изменение внешнеторговых показателей
	3.2. Доля региона во взаимном импорте и экспорте России
Индекс открытости экономики	4.1. Изменение товарооборота по отношению к ВРП
	4.2. Индекс и рейтинг экономических свобод региона
Система распределения рисков	5.1. Притоки и оттоки прямых иностранных инвестиций
	5.2. Доля региона в общем объеме притока прямых иностранных инвестиций в страну
	5.3. Доля региона в общем объеме оттока прямых иностранных инвестиций из страны
Степень гибкости внутренних цен и реальной заработной платы	6.1. Динамика среднего уровня заработных плат
	6.2. Динамика среднего уровня заработных плат по отношению к ВРП
	6.3. Индекс потребительских цен, в процентах к исходному году
	6.4. Динамика изменения индекса потребительских цен по отношению к индексу изменения ВРП
Синхронность инфляции и инфляционных шоков	7.1. Изменение уровня инфляции к предыдущему году
Диверсификация экономики	8.1. Товарная структура экспорта и импорта по основным группам товаров
	8.2. Рейтинг глобальной конкурентоспособности
	8.3. Количество транснациональных компаний в регионе
Уровень государственного долга субъекта РФ	9.1. Изменение уровня государственного долга (в % к ВРП)

KPI — ключевой индикатор эффективности

ВРП — валовой региональный продукт

Подобные показатели при оценке уровня развития региона с целью разработки и реализации мер поддержки со стороны государства активно применяются и на международном уровне, что подтверждает правильность выдвинутой автором идеи использования критериев эффективности Роберта Манделла при оценке эффективности инновационного развития регионов в Российской Федерации. Например, в Великобритании, США, Германии в качестве критериев оценки регионов используются уровень безработицы, интенсивность миграции из региона, уровень предпринимательской активности [8].

Оценка товарной структуры экспорта и импорта

Основной целью стратегического развития регионов является ориентирование на инновационные отрасли экономики и уход от сырьевой зависимости. В связи с этим основным способом диверсификации экономики регионов является привлечение инвестиций с целью создания высокотехнологичных инновационных проектов на территории регионов и дальнейший переход от экспорта сырьевых ресурсов к экспорту высокотехнологичных продуктов.

Во многих регионах Российской Федерации не достигнуто в должной мере рациональное использование природных ресурсов. В качестве примера можно привести один из наиболее богатых с точки зрения природных ресурсов регионов России — Иркутскую область. В таблице 2 представлены данные по товарной структуре экспорта и импорта Иркутской области за январь–ноябрь 2021 г.¹

Таблица 2

Товарная структура экспорта и импорта Иркутской области за январь — ноябрь 2021 г., млн долл. США

Table 2. Commodity structure of exports and imports of the Irkutsk region for January — November 2021, USD million

Коды ТНВЭД ЕАЭС	Наименование товара	Всего	
		Экспорт	Импорт
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	40,0	40,1
25-27	Минеральные продукты	2 219,8	39,5
27	Топливо-энергетические товары	2 217,4	37,9
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	101,2	815,0
41-43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,02	1,7
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	2 672,1	2,0
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,3	10,6
72-83	Металлы и изделия из них	2 254,7	88,6
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства	113,0	886,1
68-71, 91-97	Другие товары	70,4	17,9

Из анализа таблицы 2 можно сделать вывод, что экспорт сырьевой продукции в Иркутской области, такой как минеральные продукты, древесина, металлы, значительно превышает импорт данной продукции из других стран. И напротив, наблюдается значительное превышение импорта высокотехнологичной продукции из других стран над экспортом аналогичной продукции, которая поставляется Иркутской областью в другие страны. Аналогичная ситуация прослеживается во многих регионах Российской Федерации, что подтверждается данными таможенной статистики на федеральном уровне. В таблице 3 представлены данные по товарной структуре экспорта и импорта Российской Федерации за январь — ноябрь 2021 г.²

Целью диверсификации экономики регионов является эффективное управление природными ресурсами, создание высокотехнологичных предприятий их переработки. Преобразования на основе диверсификации экономического потенциала регионов и применение системы венчурного финансирования позволят повысить уровень экономического развития, выровнять отраслевую рентабельность, устранить диспропорции воспроизводства.

¹ Статистическая информация об итогах внешней торговли Иркутской области за январь — ноябрь 2021 года [Электронный ресурс] // Сибирское таможенное управление Федеральной таможенной службы России. URL: <https://stu.customs.gov.ru/document/text/321847> (дата обращения: 28.01.2022).

² Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам за январь — ноябрь 2021 года [Электронный ресурс] // Федеральная таможенная служба России. URL: <https://customs.gov.ru/folder/502> (дата обращения: 28.01.2022).

Товарная структура экспорта и импорта Российской Федерации за январь — ноябрь 2021 г., млн долл. США

Table 3. Commodity structure of exports and imports of the Russian Federation for January — November 2021, USD million

Коды ТНВЭД ЕАЭС	Наименование товара	Всего	
		Экспорт	Импорт
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	24 731,6	24 295,3
25-27	Минеральные продукты	227 188,8	1 946,1
27	Топливо-энергетические товары	220 478,4	1 298,5
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	25 071,1	44 435,3
41-43	Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	110,0	1 119,4
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	12 664,7	3 127,8
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	332,5	13 217,2
72-83	Металлы и изделия из них	37 545,6	13 517,4
84-90	Машины, оборудование и транспортные средства	17 566,6	124 418,9
68-71, 91-97	Другие товары	4 350,5	9 195,8

В работе Е. А. Матченко отмечено: «Приоритетным направлением венчурного бизнеса являются научно-технические инновации. На этапе замещения доминирующего технологического уклада такими направлениями становятся его ключевые факторы, а именно нано-, биотехнологии, информационно-телекоммуникационные технологии. Для того чтобы данные технологии развивались, необходимы денежные стимулы инновационных и нанотехнологических производств в частности. В России недостаточно развит институт долгосрочного кредитования, слабо развиты механизмы конкуренции как в государственном, так и в частном секторах. В такой ситуации приоритет развития отечественного венчурного финансирования, как основного инструмента развития нанотехнологических производств, очевиден» [5].

К вопросу о роли концепции территориально-производственных комплексов

При внедрении крупных инвестиционных проектов недостаточно использована концепция территориально-производственных комплексов (ТПК), которая, по мнению ряда экспертов, не утратила своего значения. Так, В. Ю. Малов и О. В. Тарасова считают, что «новые крупные проекты по освоению ресурсов, транспортные и инфраструктурные проекты показывают, что альтернативы использованию подхода ТПК нет» [4]. Примером этого является реализация проекта развития Ангаро-Енисейского макрорегиона («Русский ковчег»), на основе которого планируется создание опорных городских агломераций. Также инвестиции планируется привлекать на формирование транспортной инфраструктуры (Транссиб 2.0).

Концепция ТПК обобщает системный взгляд на особенности организации хозяйственной деятельности. С помощью экономико-математических инструментов прогнозируются свойства региональной экономики. Предприятия, входящие в ТПК, выступают в качестве проекции наиболее сбалансированного, скоординированного обсуждения на отраслевом, экспертном и общественном уровне. Формирование территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР) в Байкальском регионе и на Дальнем Востоке является элементами теории формирования ТПК. Газопровод «Сила Сибири» в настоящее время транспортирует газ с Чаяндинского месторождения, являющегося базой для Якутского центра газодобычи, российским потребителям на Дальнем Востоке и в Китае. В конце 2022 г. начнется подача газа в «Силу Сибири» еще с одного месторождения — Ковыктинского, на базе которого формируется Иркутский центр газодобычи¹.

¹ «Сила Сибири». Крупнейшая система транспортировки газа на Востоке России [Электронный ресурс] // Официальный сайт ПАО «Газпром». URL: <https://www.gazprom.ru/projects/power-of-siberia/> (дата обращения: 05.01.2022).

В ходе разработки стратегий регионального развития также используются стратегические инвестиционные проекты. На официальном сайте «АО Межрегиональная компания “Белкомур”» представлена следующая информация: «Проект “Белкомур” — железная дорога, которая по планам должна связать промышленные предприятия Пермской области и порт Архангельск. В рамках глобальной китайской инициативы Нового шелкового пути сформировался новый интерес к проекту. “Белкомур” имеет большое значение для развития экономики Арктической зоны России и должен стать логическим продолжением Северного морского пути»¹. По последним данным, проект «Белкомур» должен быть актуализирован до декабря 2022 г. Правительство Российской Федерации Постановлением от 21 декабря 2019 г. № 3120-р дает новый импульс проработке строительства железной дороги «Белкомур». Проект включен в План развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 года как один из крупнейших инвестиционных проектов Арктической зоны Российской Федерации»².

С данным проектом тесно связана, как считают В. Н. Харитонов и И. А. Вижина, «республиканская стратегия модернизации экономики и социальной сферы Арктической зоны Республики Саха (Якутия) в рамках территориального комплексного стратегического проекта “Инновационное развитие экономики и систем жизнеобеспечения Арктической зоны Восточной Якутии”» [7].

В начале 2018 г. была запущена концессионная процедура строительства Северной широтной железной дороги (Северный широтный ход [СШХ]), которая является, как указано на официальном сайте РЖД, «важнейшим элементом арктической транспортной системы, предполагающей создание 700-километрового железнодорожного коридора, соединяющего Северную и Свердловскую железные дороги». 15 сентября 2018 г. между специальной проектной компанией ООО «СШХ» и Федеральным агентством железнодорожного транспорта заключено Концессионное соглашение о финансировании, строительстве и эксплуатации железнодорожной инфраструктуры общего пользования «Обская — Салехард — Надым»³.

Некоторые стратегические инвестиционные проекты временно заморожены. Одним из них является проект «Урал Промышленный — Урал Полярный». На официальном сайте АО «Корпорация развития» указано: «Начальной целью проекта было обеспечение экономической доступности богатейших минеральных ресурсов Приполярного и Полярного Урала в уральское промышленное производство на основе создания транспортного коридора вдоль восточного склона Уральских гор. 30 августа 2006 года при поддержке Полномочного представителя Президента в Уральском федеральном округе было создано ОАО «Корпорация “Урал Промышленный — Урал Полярный”» для управления Проектом и синхронизации всех его процессов. Данная корпорация была сформирована в целях исполнения поручения Президента Российской Федерации. В 2012 году ОАО «Корпорация “Урал Промышленный — Урал Полярный”» с целью привлечения новых инвесторов и расширения географии реализации проекта было переименовано в ОАО «Корпорация развития». Она реализует ряд инвестиционных проектов в регионах Уральского федерального округа без основной транспортной оси проекта — железной дороги Полуночная — Обская»⁴. В этом году корпорация завершает свой последний проект — полигон для «Транснефти» в Тарко-Сале (ЯНАО)⁵.

Проект комплексного развития Нижнего Приангарья можно отнести к небольшому числу относительно успешных стратегических инвестиционных проектов. Он был сформирован в рамках реализации Федеральной целевой программы (ФЦП), которая была разработана в середине 1990-х гг. ФЦП была разработана по поручению Правительства Российской Федерации научными группами Сибирского отделения Академии наук. ФЦП «Развитие Нижнего Приангарья» была утверждена на федеральном уровне,

¹ «Белкомур» позволит заработать регионам более триллиона рублей [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «Межрегиональная компания „Белкомур“». URL: http://www.belkomur.com/news/index.php?ELEMENT_ID=2965 (дата обращения: 05.01.2022).

² Об утверждении Плана развития инфраструктуры Северного морского пути на период до 2035 года : распоряжение Правительства РФ от 21.12.2019 № 3120-р [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/564069513/titles/2161Ю6> (дата обращения: 05.01.2022).

³ Создание железнодорожного Северного широтного хода [Электронный ресурс] // Официальный сайт ОАО «РЖД». URL: <https://company.rzd.ru/ru/9382/page/103290?redirected&id=16988> (дата обращения: 05.01.2022).

⁴ О Корпорации развития [Электронный ресурс] // Официальный сайт АО «Корпорация развития». URL: <http://www.cupp.ru/o-korporacii/> (дата обращения: 05.01.2022).

⁵ «Корпорацию развития» могут ликвидировать в 2022 году [Электронный ресурс] // Официальный сайт издания «Коммерсантъ». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4799104> (дата обращения: 05.01.2022).

но, в связи с финансовым кризисом 1998 г., в 2003 г. была исключена из перечня федеральных целевых программ¹. Тем не менее в 2005 г. правительством Красноярского края проекту была дана «вторая жизнь» и разработаны новая программа и проект комплексного развития Нижнего Приангарья. 30 ноября 2006 г. Постановлением Правительства Российской Федерации № 1708-р утвержден «Паспорт инвестиционного проекта, реализуемого за счет средств Инвестиционного фонда Российской Федерации на основе государственно-частного партнерства»².

Инвестиционный проект на первом этапе включает три основных объекта: Богучанскую ГЭС — крупный инфраструктурный объект, Богучанский алюминиевый завод и Богучанский ЦБК. Логика установления технологических связей между ними продолжает традицию формирования ТПК в регионах освоения Сибири.

Итогом внедрения инвестиционного проекта «Комплексное развитие Нижнего Приангарья» является ввод в эксплуатацию крупных объектов, которые в совокупности создадут новый промышленный кластер. Среди них Богучанская ГЭС, Богучанский алюминиевый завод, Богучанский ЛПК.

Стратегические инвестиционные проекты и инициативы

При формировании перечня стратегических инвестиционных проектов необходимо руководствоваться применением более масштабного понятия стратегической инвестиционной инициативы (СИИ), под которой, как отмечают Д. А. Митяев и Е. А. Матченко, следует понимать: «... деятельность по разработке, представлению и запуску крупного межотраслевого проекта (комплекса взаимосвязанных инвестиционных и иных сопряженных проектов), потенциально способного оказать существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, федерального округа (макрорегиона), региона, муниципального образования, имеющего федеральное, макрорегиональное и общерегиональное значение» [6].

В статье Д. А. Митяева и Е. А. Матченко отмечено: «При формировании стратегических инвестиционных проектов (СИП) необходимо учитывать необходимость широкого использования технологий четвертой индустриальной революции (Индустрия 4.0) и шестого технологического уклада (6 ТУ), основой которых является децентрализованное автономное производство в режиме реального времени» [Там же]. В зависимости от своей значимости СИП условно могут быть разделены на³:

- *глобальные*, реализация которых существенно влияет на экономическую, социальную или экологическую ситуацию в мире;
- *национальные* (общероссийские), реализация которых существенно влияет на экономическую, социальную или экологическую ситуацию в стране и не оказывает существенного влияния на ситуацию в других странах;
- *макрорегиональные (межрегиональные) и межотраслевые*, реализация которых существенно влияет на экономическую, социальную или экологическую ситуацию в нескольких регионах (макрорегионе, федеральном округе) и нескольких отраслях;
- *крупномасштабные (региональные и отраслевые)*, реализация которых существенно влияет на экономическую, социальную или экологическую ситуацию в отдельных регионах или отраслях страны и не оказывает существенного влияния на ситуацию в других регионах или отраслях;
- *локальные*, реализация которых не оказывает существенного влияния на экономическую, социальную и экологическую ситуацию в регионе и не изменяет уровень и структуру цен на товарных рынках.

¹ Федеральная целевая программа освоения Нижнего Приангарья: этапы разработки и создания [Электронный ресурс] // Официальный сайт издания Европейской экономической комиссии при ООН. URL: https://unece.org/fileadmin/DAM/ceci/ppt_presentations/2008/ppp/Moscow/svetlitsky2.pdf (дата обращения: 05.01.2022).

² Комплексное развитие Нижнего Приангарья : паспорт инвестиционного проекта, реализуемого при государственной поддержке за счет средств инвестиционного фонда Российской Федерации (утвержден распоряжением Правительства РФ от 30.11.2006 № 1708-р) [Электронный ресурс] // Министерство транспорта Российской Федерации. URL: https://rlw.gov.ru/in_pr_priangar (дата обращения: 05.01.2022).

³ Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. Вторая редакция, исправленная и дополненная (утв. Минэкономики РФ, Минфин РФ и Госстроем РФ от 21 июня 1999 г. № ВК 477) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28224/ (дата обращения: 05.01.2022).

При реализации СИП необходимо разрабатывать методические подходы к оценке эффективности СИИ, с использованием которых возможно осуществить объективное сравнение нескольких крупномасштабных инвестиционных проектов в разных сферах экономики и социального развития. Использование предлагаемых подходов предполагает сведение к обобщенному виду большого количества разнообразных воздействий, которые плотно взаимосвязаны с претворением в жизнь мегапроектов и их воздействием на совокупное социально-экономическое развитие субъектов Российской Федерации и межрегиональные коммуникации, а также с потенциальным вкладом мегапроектов в решение приоритетных стратегических задач регионов страны, на которые они ориентированы.

Для обеспечения возможности формирования единой сводной итоговой оценки СИИ необходимо сформировать процедуру, которая основана на принципах и традициях балльного оценивания с привлечением экспертов.

В соответствии с общей логикой такого подхода общее множество потенциально ожидаемых эффектов разделено на относительно однородные группы, внутри которых оценивание производится на основе единообразных принципов.

Стимулирование инновационного развития регионов

В целях формирования региональных СИИ важно опираться на широкий региональный предпринимательский слой, который будет являться главным инициатором инвестиционных инициатив. Следует использовать инновационные возможности, сосредоточенные в системообразующих кластерах регионов; приоритет отдавать проектам, которые направлены на использование эндогенных источников развития и получение нового знания.

Также необходимо активно привлекать экспертов различного уровня для проведения оценки развития регионов на основе анализа ключевых индикаторов эффективности.

Разработка списка конкретных стратегических проектных инвестиционных инициатив будет зависеть от принятия мультипликативного и гибкого характера проектов, необходимости вызвать серьезный контринтерес со стороны Агентства стратегических инициатив, федеральных и региональных институтов развития, предпринимательских сообществ субъектов Российской Федерации, которые заинтересованы в реальном результате.

СИИ реализуются в условиях естественных ограничений различного рода ресурсов, таких как кадровые, природные, инвестиционные и другие. Поэтому выбор приоритетов должен происходить на строго обоснованной научной основе, с использованием современных методов математического и компьютерного имитационного моделирования, которые позволят обеспечить оптимальный выбор наиболее необходимых (среди возможных) векторов развития, выявить наиболее важные проекты и разработать наиболее благоприятные способы их реализации, включающие подбор инструментов поддержки со стороны государства.

По мнению Д. А. Митяева и Е. А. Матченко, при выборе приоритетов социально-экономического развития регионов необходимо особое внимание обращать на наиболее «важные векторы развития перспективных экономических проектов, а также проекты развития энергетической, транспортной, телекоммуникационной сетей. Особое внимание необходимо уделять проектам, направленным на развитие социальной инфраструктуры (здравоохранение, образование, жилищно-коммунальное хозяйство и др.). Все эти проекты имеют первостепенное значение для решения главных задач социально-экономического развития регионов и ввиду этого должны получать поддержку со стороны государства» [6].

Также необходимо усилия направить на решение проблемы, которая заключается в том, что применяемые в настоящее время инструменты методологической оценки общественной значимости мегапроектов, с одной стороны, не позволяют в полной мере применять ни один из методов без их переработки для сравнения нескольких СИИ по единообразной системе критериев, но, с другой стороны, на основе данных методов и с учетом применяемых в них принципов оценки общественной значимости можно разработать специализированные методы оценки СИИ, которые основываются на использовании информационной и статистической баз данных.

Необходимо предусмотреть возможности привлечения международных и федеральных (бюджетных и внебюджетных) источников (включая государственные программы, федеральные целевые программы, ведомственные и корпоративные программы и проч., федеральные институты развития, Агентство стратегических инициатив и др.) к реализации стратегических инвестиционных инициатив. Необходимо выбрать пул организаций, которым были бы потенциально интересны крупные производственные компании с большим экспортным потенциалом.

Заключение

Для достижения максимальных успехов в инновационном развитии передовых отраслей регионов Российской Федерации необходимо предпринять следующие меры:

- стратегическими программами регионов определить создание высокотехнологичных инновационных проектов по переработке имеющихся на территории сырьевых ресурсов с целью выхода из сырьевой зависимости экономики;
- создать необходимые условия для улучшения инвестиционного климата с целью привлечения высокотехнологичных проектов лидирующих мировых государств для дальнейшего их использования в собственных нуждах;
- активно диверсифицировать имеющиеся собственные высокотехнологичные проекты с целью получения максимальной прибыли и создания имиджа высокоразвитого, конкурентоспособного региона;
- на базе финансовых и экономических институтов создать высокотехнологичные подразделения для запуска и финансирования инновационных, наукоемких проектов с целью их дальнейшей диверсификации и интеграции как на территории региона, так и с третьими странами.

Предметом разработки документов стратегического планирования региона в целом, его основных «комплексов развития», участия в реализации новой модели экономического роста на принципах государственно-частного партнерства с целью создания условий для стратегического развития является комплексный теоретико-методологический подход к формированию социально-экономической политики и документов стратегического планирования региона на основе активного использования стратегических инвестиционных проектов.

Литература

1. Андрианов В. Д. Система сбалансированных показателей устойчивого развития экономики России до 2020 г. // Общество и экономика. 2013. Выпуск 1–2. С. 5–25.
2. Глазьев С. Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса : монография. М. : Экономика, 2010. 255 с.
3. Левшин В. В. Принципы системного подхода к гармонизации валютной политики стран Евразийского экономического союза // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2014. № 3.
4. Малов В. Ю., Тарасова О. В. Сибирские ТПК в модернизационных процессах: не утраченное значение // Разработка и реализация проектов экономической и социальной модернизации Сибири в XX веке / отв. ред. В. А. Ламин. Новосибирск : Ин-т истории РАН, 2015. С. 208–233.
5. Матченко Е. А. Стратегии повышения конкурентоспособности российских производителей нанопродукции (на примере сектора «медицина и биотехнологии») : дисс. ... канд. экон. наук. Москва, 2011. 167 с.
6. Митяев Д. А., Матченко Е. А. Обоснование необходимости реализации стратегических инвестиционных инициатив в субъектах Российской Федерации с учетом развития технологий четвертой индустриальной революции // Вопросы новой экономики. 2019. № 3 (51). С. 18–27.
7. Харитонова В. Н., Вижина И. А. Территориальный мегапроект модернизации экономики арктической зоны Восточной Якутии в системе стратегического планирования // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 1.

8. Governing Regional Development Policy: The Use of Performance Indicators. OECD : Paris, 2009. 198 p.
9. *Mundell R.* A Theory of Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1961. No. 53. P. 657–665.

Об авторе:

Перминова Елена Александровна, ведущий научный сотрудник Центра исследований долгосрочных закономерностей развития экономики кафедры макроэкономического прогнозирования и планирования Федерального государственного образовательного бюджетного учреждения высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук, vice.csp@gmail.com

References

1. Andrianov V. D. The system of balanced indicators of sustainable development of the Russian economy until 2020 // *Society and Economics [Obshchestvo i ekonomika]*. 2013. Issue 1–2. P. 5–25. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu. Strategy of advanced development of Russia in the conditions of the global crisis : monograph. Moscow : Economics, 2010. 255 p. (In Rus.)
3. Levshin V. V. Principles of a systematic approach to the harmonization of the monetary policy of the countries of the Eurasian Economic Union // *Bulletin of the RUDN. Series: Legal Sciences [Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki]*. 2014. No. 3. (In Rus.)
4. Malov V. Yu., Tarasova O. V. Siberian TPC in modernization processes: not lost significance // *Development and implementation of projects of economic and social modernization of Siberia in the XX century [Razrabotka i realizatsiya proektov ekonomicheskoi i sotsial'noi modernizatsii Sibiri v XX veke]* / ed. V. A. Lamin. Novosibirsk : Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 2015. P. 208–233. (In Rus.)
5. Matchenko E. A. Strategies for increasing the competitiveness of Russian manufacturers of nanoproducts (on the example of the sector “medicine and biotechnology”) : diss. ... Candidate of Economic Sciences. Moscow, 2011. 167 p. (In Rus.)
6. Mityaev D. A., Matchenko E. A. Justification of the need to implement strategic investment initiatives in the subjects of the Russian Federation, taking into account the development of technologies of the Fourth Industrial Revolution // *Issues of the new economy [Voprosy novoi ekonomiki]*. 2019. No. 3 (51). P. 18–27. (In Rus.)
7. Kharitonova V. N., Vizhina I. A. Territorial megaproject of modernization of the economy of the Arctic zone of Eastern Yakutia in the strategic planning system // *Interexpo Geo-Siberia [Interekspo Geo-Sibir']*. 2014. No. 1. (In Rus.)
8. Governing Regional Development Policy: The Use of Performance Indicators. OECD : Paris, 2009. 198 p.
9. *Mundell R.* A Theory of Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1961. No. 53. P. 657–665.

About the author:

Elena A. Perminova, Leading Researcher at the Center for Research of Long-Term Patterns of Economic Development, Department of Macroeconomic Forecasting and Planning of Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation” (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics, vice.csp@gmail.com

Особенности политико-правовых документов о сотрудничестве между ЕАЭС и третьими странами (часть 2)¹

Березина Е. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления), Санкт-Петербург, Российская Федерация; berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение трансрегионального взаимодействия ЕАЭС с третьими странами в рамках концепции «мягкой силы» на основе заключенных договоренностей о сотрудничестве, несущих международно-правовые обязательства.

Цель. Выявить особенности двустороннего взаимодействия ЕАЭС с третьими странами в рамках концепции «мягкой силы» на основе сравнительного анализа политико-правовых документов о сотрудничестве.

Задачи. Определить концептуальные основания экономического измерения «мягкой силы»; рассмотреть политико-правовые документы о сотрудничестве, заключенные между ЕАЭС и третьими странами, и выявить составляющие «мягкой силы».

Методология. Используются методы сравнительного и контент-анализа политико-правовых документов с целью выявления особенностей двустороннего сотрудничества ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром, Китаем, Сербией, Ираном и составляющих «мягкой силы».

Результаты. Исследование показало, что «мягкосиловые» компоненты политико-правовых документов о сотрудничестве присутствуют преимущественно во взаимоотношениях ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром. В данных договоренностях больше всего упоминаются научно-техническое сотрудничество и реализация совместных научно-исследовательских проектов, научно-образовательный обмен, вопросы образования. Тем не менее существуют риски в области интеграционного взаимодействия ЕАЭС с вышеупомянутыми странами, обусловленные как географическим фактором, так и спецификой выстраивания интеграционных отношений с третьими странами.

Выводы. Трансрегиональное взаимодействие между ЕАЭС и вышеупомянутыми странами направлено на обмен информацией, либерализацию и транспарентность в торговле, поддержку механизмов Всемирной торговой организации. Анализ политико-правовых документов о сотрудничестве ЕАЭС на примере Вьетнама и Сингапура демонстрируют возможности для ЕАЭС не только интегрироваться в глобальную экономику и усилить конкурентоспособность, но и повысить привлекательность государств ЕАЭС с точки зрения продвижения стратегии «мягкой силы».

Ключевые слова: трансрегионализм, зона свободной торговли, упрощение торговли, транспарентность, «мягкая сила», научно-техническое сотрудничество, образование

Для цитирования: Березина Е. К. Особенности политико-правовых документов о сотрудничестве между ЕАЭС и третьими странами // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 68–76.

Specifics of Political and Legal Documents on Cooperation between the EAEU and third Countries (part 2)

Elizaveta K. Berezina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation; berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru

¹ Начало статьи см.: Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. Т. 15. № 4. С. 61–66

ABSTRACT

This study examines the transregional interaction of the EAEU with third countries within the framework of the concept of “soft power” on the basis of concluded cooperation agreements bearing international legal obligations.

Aim. The study aims to identify the features of the bilateral interaction of the EAEU with Vietnam, Singapore, China, Serbia and Iran within the framework of the concept of “soft power” based on a comparative analysis of political and legal documents on cooperation.

Tasks. The author defines the conceptual foundations of the economic dimension of “soft power”; considers political and legal documents on cooperation concluded between the EAEU and Vietnam, Singapore, China, Serbia, Iran, and identifies the components of “soft power” on the basis of the concluded documents.

Methods. The study uses methods of content analysis and comparative analysis of political and legal documents on cooperation based on criteria such as legal form, institutional mechanism, areas of cooperation to identify the features of bilateral cooperation between the EAEU and Vietnam, Singapore, China, Serbia, Iran and the components of “soft power”.

Results. The study shows that the “soft power” components of political and legal documents on cooperation are more presented in the relationship between the EAEU and Vietnam and Singapore. It is the provisions of these agreements that most often mention scientific and technical cooperation and the implementation of joint research projects, scientific and educational exchange, and education issues. Nevertheless, there are risks in the field of integration interaction between the EAEU and the aforementioned countries, due to both the geographical factor and their specifics in building integration relations with third countries.

Conclusions. Transregional interaction between the EAEU and the above-mentioned countries is aimed at the exchange of information, liberalization and transparency in trade, support for the mechanisms of the World Trade Organization (WTO). An analysis of political and legal documents on cooperation between the EAEU using the example of Vietnam and Singapore demonstrates the opportunities for the EAEU not only to integrate into the global economy and strengthen competitiveness, but also to increase the attractiveness of the EAEU states in terms of promoting the “soft power” strategy.

Keywords: transregionalism, Free-Trade Zone, trade facilitation, transparency, soft power, scientific and technical cooperation, education

For citing: Berezina E. K. Specifics of Political and Legal Documents on Cooperation between the EAEU and third Countries // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 68–76.

Введение

В настоящее время Евразийский экономический союз (ЕАЭС) активно развивает отношения со странами Евразии, Юго-Восточной Азии, в том числе и с Европой, которые демонстрируют передовой экономический и инвестиционный рост. В многом это обусловлено концепцией трансрегионализма [1, с. 55] и внешнеполитическими приоритетами ЕАЭС в области международного сотрудничества¹. Проблематика расширения ЕАЭС широко освещена работами таких авторов, как Канаев Е. А., Королев А. С. [4], Нгуен М. М. [6], Загашвили В. С. [3], Хейфец Б. А. [9]. На сегодняшний день существует значительный потенциал и перспективы расширения интеграционной деятельности ЕАЭС в сторону азиатских стран, в том числе и участие в мегарегиональном проекте Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (ЗСТ). В свою очередь, заключение Соглашений о ЗСТ и развитие партнерских отношений со странами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (The Association of Southeast Asian Nations, АСЕАН) открывают возможности для выхода ЕАЭС на глобальный мировой рынок в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) [3, с. 31]. Тем не менее, заключая соглашения о ЗСТ, торгово-экономическом сотрудничестве,

¹ Решение ВЕЭС от 11.12.2020 № 12 «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_375194/ (дата обращения: 12.02.2022).

государства преследуют определенные внешнеполитические цели, такие как повышение своего влияния и престижа, в том числе и научно-образовательного потенциала на мировой арене. Это применимо к концепции «мягкой силы» как силы притяжения [11, с. 95]. В качестве примеров «мягкой силы» можно выделить привлекательность нормативных ценностей, СМИ, бизнес-практики, образование и язык [12, с. 23]. Российские теоретики полагают, что существуют экономические измерения «мягкой силы», которые тем не менее могут эффективно служить в качестве инструментов «жесткой силы» [13, с. 353]. На сегодняшний день существует методологическая проблема границ измерения мягкой и жесткой силы. Затрагивая этот вопрос, американский исследователь Дж. Галларотти отмечает в качестве примера реализацию проектов Китая и Южной Кореи, которые можно считать инициативами по развитию «мягкой силы», интерес экономических стратегий которых направлен прежде всего на обеспечение доступа к ресурсам и инвестициям (форвардные контракты, связанная помощь) [2, с. 95]. В научной зарубежной литературе встречается термин «умная сила», что дословно означает «научиться лучше сочетать или уравнивать жесткую и мягкую силу» [10, с. 62]. Тем не менее формулировки термина «умная сила» достаточно размыты, и в отечественной и зарубежной литературе больше прижился термин и концепция «мягкой силы». В этой связи необходимо выявить, как концепция «мягкой силы» может быть применима для ЕАЭС в отношении договоренностей с третьими странами.

ЕАЭС — Вьетнам

В 2015 г. Вьетнам был первой страной, которая заключила соглашение о ЗСТ с ЕАЭС. Вопрос целесообразности заключения Соглашения о свободной торговле между странами Таможенного союза и Вьетнамом поднимался еще в 2009 г. В декабре 2012 г. Решением глав государств Высшего Евразийского экономического совета Таможенного союза было принято начать переговоры о заключении ЗСТ с Вьетнамом [6, с. 111]. Тем не менее процесс подготовки соглашения затянулся более чем на пять лет, так как совпал с формированием структур Таможенного союза [8, с. 79]. Подписание данного соглашения связано с несколькими факторами: во-первых, Вьетнам проводит стратегический курс на создание зон свободной торговли, что соответствует его экспортно-ориентированной модели развития экономики, во-вторых, стимул по активизации диалога по включению Вьетнама в процессы евразийской интеграции был вызван слишком медленным ходом переговоров по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Тем самым Вьетнам продемонстрировал возможные альтернативы американоцентричной системе экономической интеграции. В-третьих, определенные соображения, по мнению вьетнамских обозревателей, вызвало и стремление создать противовес политике Китая [Там же, с. 79–80]. Российские исследователи считают, что Китай активно использует экономические ресурсы в качестве инструментов продвижения «мягкой силы», которые направлены на повышение привлекательности КНР, как стремящейся к установлению взаимовыгодных связей с государствами, в том числе и обеспечение преимущества КНР перед западными державами, в первую очередь США, в Азии [7, с. 40]. В целом соглашения о ЗСТ с ЕАЭС соответствуют вьетнамским приоритетам внешней политики, ориентированной на расширение сети экономических партнерств по всему миру.

По состоянию на 2015 г. (январь — декабрь) доля товарооборота между ЕАЭС и Вьетнамом составляла 0,74% и занимала 5-е место после Китая, США, Японии и Республики Корея в рамках стран — экономик Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) и первое место в странах Ассоциации государств Юго-Восточной Азии¹. По сравнению с 2015 г. этот показатель на 2020 г. (январь — ноябрь) составил 1,01%, оставляя Вьетнам лидером среди стран АСЕАН по торговле с ЕАЭС². Во многом заключение соглашения о ЗСТ с Вьетнамом было направлено на достижение одной из целей ЕАЭС — повышение

¹ Внешняя торговля с третьими странами. Вьетнам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2015. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2015/12_180_2/E201512_2_2.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

² Внешняя торговля с третьими странами. Вьетнам [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2020. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2020/12/E202012_2_1.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

конкурентоспособности его национальных экономик в условиях глобальной экономики, а также поощрения процессов диверсификации и либерализации международного экономического сотрудничества. Этот внешнеэкономический курс явился необходимым после создания ЕАЭС в 2014 г. Отечественный исследователь Н. В. Федоров отмечает, что вокруг Соглашения ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом активно велась научная дискуссия: «Соглашение весомо как первый преференциальный торговый договор, заключенный ЕАЭС с внешним игроком. Оно легитимизирует развитие ЕАЭС в качестве единого и самостоятельного субъекта мировой политики и экономики» [8, с. 74]. В целом соглашение ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом нацелено на либерализацию в области торговли товарами и услугами¹. Специфика самого соглашения в основном имеет компромиссный характер [Там же, с. 81], построена на принципах Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и транспарентности.

В соглашении есть положения, предусматривающие сотрудничество ЕАЭС и Вьетнама в области обмена информацией в специализированных областях², в том числе и научный обмен информацией³; обеспечение научно-технического сотрудничества с целью повышения качества технического регламента⁴. В соглашении также уделяется внимание вопросам устойчивого развития и охране окружающей среды⁵. В этой сфере предусмотрены следующие меры: а) обмен знаниями и опытом; б) обмен экспертами и исследователями; в) разработка и реализация совместных исследований, проектов и др. В области науки и образования признаны следующие направления: обучение и образование по экологическим вопросам, изменение климата и защита окружающей среды; техническая помощь и совместные / сотрудничество проекты по развитию человеческих ресурсов и политика социального обеспечения; обмен информацией, технологиями и опытом в области экологических стандартов и моделей, обучения и образования; экологическое образование и подготовка, направленные на повышение осведомленности общественности; техническая помощь и совместные региональные исследовательские программы⁶. Реализация соглашения предусмотрена через функционирование Совместного комитета, Комитета по торговле товарами, Подкомитета по правилам определения происхождения.

Таким образом, соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом демонстрирует взаимосвязь торгово-экономического сотрудничества в комплексе с другими неэкономическими направлениями, такими как научно-образовательное сотрудничество и информационный обмен, совместные исследования по вопросам экологии и устойчивого развития.

Однако экспертами высказывались риски по поводу перспектив развития соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом. Во-первых, отмечался фактор географической удаленности Вьетнама и одновременно отсутствие прямых путей сообщения. Во-вторых, необходимость соблюдения различных стандартов и обязательств во всех тех интеграционных объединениях, в которых участвует Вьетнам. В-третьих, реализовать те преимущества, которые предоставляет соглашение для стран ЕАЭС во Вьетнаме, может быть затруднительно «ввиду длительности согласованных сроков либерализации торговли и обилия взаимных защитных мер» [Там же, с. 82]. Однако эта первая договоренность в области создания ЗСТ между ЕАЭС и Вьетнамом, которая превращается в важное связующее звено со странами АСЕАН.

ЕАЭС — Сингапур

Помимо Вьетнама, ЕАЭС развивает отношения и с другими странами Юго-Восточной Азии. В 2019 г. было заключено Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим

¹ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2015. Article 1.3. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147849/iatc_02062015 (дата обращения: 26.11.2021).

² Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Socialist Republic of Viet Nam, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2015. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0147849/iatc_02062015 (дата обращения: 26.11.2021).

³ Там же Article 12.3.

⁴ Там же. Article 6.8.

⁵ Там же. Article 12.1–12.6.

⁶ Там же. Article 12.5.

союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. Сингапур является одним из государств, находившихся у истоков основания Ассоциации государств Юго-Восточной Азии. Еще в 2016 г. стороны подписали Меморандум о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) и Правительством Республики Сингапур, как первый этап на пути международного сотрудничества. По состоянию на 2019 г. (январь — декабрь) доля товарооборота между ЕАЭС и Вьетнамом составляла 0,44%¹. На период 2020 г. (январь — декабрь) этот показатель снизился и составил 0,29%². Особенностью данного соглашения о ЗСТ с Сингапуром является наличие одной цели — это либерализация и упрощение торговли между сторонами³. Как и соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом, данное соглашение также основано на принципах ГАТТ и направлено на продвижение транспарентной и недискриминационной торговли.

Отечественный исследователь Б. А. Хейфец выделяет некоторые факторы заключения соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Сингапуром. Во-первых, то, что сегодня Вьетнам рассматривается как одно из развитых и передовых государств мира в области инноваций и бизнеса. Во-вторых, Сингапур долгое время рассматривался как юрисдикция, удобная для выстраивания офшорных финансовых сетей. Однако Сингапур не офшор: он не включен ни в один из «черных» офшорных списков, активно поддерживает политику транспарентности в финансовых операциях [9, с. 116].

Помимо торгово-экономического сотрудничества, соглашение сфокусировано на таких сферах, как обмен информацией в специализированных областях⁴, научно-техническое сотрудничество для улучшения развития и внедрение стандартов, технических регламентов и соответствие процедуры оценки⁵. Так, в области санитарных и фитосанитарных мер предусмотрена разработка образовательных программ по обмену опытом между компетентными органами с целью расширения потенциала и углубления взаимопонимания по вопросам безопасности пищевых продуктов⁶. В области окружающей среды ЕАЭС и Сингапур поддерживают реализацию научно-исследовательских проектов, обмен информацией и лучшими практиками с помощью проведения конференций, семинаров, образовательных программ, обмена экспертами и исследователями; разработку и реализацию совместных проектов⁷. Реализация соглашения предусмотрена через такие механизмы, как Подкомитет по торговле товарами, Подкомитет по правилам определения происхождения, Совместный комитет, а также подкомитеты и рабочие группы. Таким образом, соглашение о ЗСТ ЕАЭС с Сингапуром схоже по своему содержанию с соглашением о ЗСТ ЕАЭС с Вьетнамом и в целом направлено на активное применение таких «мягкосиловых» составляющих, как наука, исследования и образование.

ЕАЭС — Китай

Продолжая тему сотрудничества ЕАЭС с азиатскими странами, особое внимание стоит обратить на взаимодействие с таким глобальным игроком, как Китай. В 2018 г. между ЕАЭС и Китаем было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. Соглашение преследует упрощение торговли товарами между сторонами посредством предотвраще-

¹ Внешняя торговля с третьими странами. Сингапур [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2020/12/E202012_2_1.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

² Там же. 2020.

³ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. Article 1.2. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/%D0%A1%D0%B8%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D0%BF%D1%83%D1%80/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

⁴ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Singapore, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423247/iatc_04102019 (дата обращения: 26.11.2021).

⁵ Там же. Article 6.11.

⁶ Там же. Article 7.6.

⁷ Там же. Article 12.3.

ния и устранения излишних барьеров в торговле, которые могут возникнуть в результате разработки, принятия и применения стандартов, технических регламентов и процедур оценки соответствия¹. То есть речь идет не о создании Зоны свободной торговли, как предусмотрено с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией и потенциально с Ираном, а о разработке и внедрении национальных механизмов «единого окна»². Суть единого окна (ЕО) — обмен информацией [5, с. 185]. Отечественные исследователи Е. А. Канаев, А. С. Королев отмечают, что заключение преференциального торгового-экономического соглашения между Россией и Китаем создает также предпосылки для участия в нем и остальных государств — членов ЕАЭС [4, с. 31].

Помимо обмена в специализированных областях, правовое содержание соглашения с Китаем выявляет компоненты научно-образовательного сотрудничества, так или иначе преследующего «мягкосиловые» цели, а именно: 1) сотрудничество в научно-технических областях с целью повышения качества технических регламентов³; 2) интеллектуальная собственность и инновации в области организации встреч, специализированных семинаров, создание совместных проектов в области науки, технологий и инноваций. Сотрудничество предполагает: (а) обмен информацией о политике в области интеллектуальной собственности соответствующих органов в области инноваций; (б) учебные курсы и совместные программы; (в) распространение научно-технических знаний⁴.

Особое внимание в соглашении уделено содействию инновационной деятельности, информационно-коммуникационной инфраструктуры, технологиям, устойчивому развитию и окружающей среде⁵.

Механизмами взаимодействия сторон является Подкомитет по таможенному сотрудничеству и упрощению процедур торговли, Совместная комиссия.

ЕАЭС — Сербия

ЕАЭС развивает отношения и со странами европейского континента. В 2019 г. было заключено Соглашение о свободной торговле между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербией, с другой стороны. В 2019 г. (январь — декабрь), доля товарооборота между ЕАЭС и Сербией составляла 0,37%⁶, на период 2020 г. (январь — декабрь) этот показатель не изменился⁷. Соглашение поддерживает вступление в ВТО⁸ в целях создания благоприятных условий для углубления их интеграции в мультilaterальную торговую систему и повышения уровня сотрудничества⁹. Несмотря на то что Сербия стремится вступить в ЕС, заключение соглашения о ЗСТ с ЕАЭС стало стимулом для повышения доверия между сторонами. Так, в декабре 2020 г. Сербия получила доступ к российской вакцине «Спутник V» [1, с. 49].

Соглашение содержит положения об охране прав на интеллектуальную собственность¹⁰, о признании сотрудничества в области обмена информацией, электронной торговле¹¹. Механизмом реализации

¹ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Консорциум Кодекс». 2018. Ст. 4.1. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550970071> (дата обращения: 28.11.2021).

² Там же. Ст. 6.15.

³ Там же. Ст. 4.6.

⁴ Там же. Ст. 7.26.

⁵ Там же. Ст. 10.1–10.2.

⁶ Внешняя торговля с третьими странами. Сербия [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2019. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2019_180/E201912_2_1.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

⁷ Там же. 2020.

⁸ Сербия в настоящее время является страной-наблюдателем при ВТО.

⁹ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Serbia, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2019. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423624/iatc_28102019 (дата обращения: 26.11.2021).

¹⁰ ЕАЭС и Сербия подписали Соглашение о свободной торговле [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 25.10.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-6.aspx> (дата обращения: 26.11.2021).

¹¹ Free Trade Agreement between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Republic of Serbia, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2019. Article 24-25. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01423624/iatc_28102019 (дата обращения: 26.11.2021).

соглашения является функционирование Совместного комитета. Таким образом, заключение соглашения о ЗСТ ЕАЭС с Сербией продиктовано чисто торгово-экономическими интересами с применением информационных технологий.

ЕАЭС — Иран

В настоящее время ЕАЭС развивает и промежуточные интеграционные форматы международного сотрудничества. На сегодняшний день ЕАЭС и Иран стремятся к развитию взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества. Начало этому взаимодействию было положено в 2018 г., когда стороны заключили Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и его государствами-членами с одной стороны и Исламской Республикой Иран — с другой стороны. Соглашение направлено на поддержку и присоединение государств — членов ЕАЭС (не являющихся членами ВТО) и Ирана¹ к ВТО². По состоянию на 2018 г. (январь — декабрь) доля товарооборота между ЕАЭС и Ираном составляла 0,36%³, в 2020 г. (январь — декабрь) этот показатель составил 0,47%⁴. По соглашению Иран создаст благоприятные условия для углубления своей интеграции в многостороннюю торговую систему и укрепит сотрудничество между ЕАЭС.

В отличие от соглашений о ЗСТ ЕАЭС, заключенных с Вьетнамом, Сингапуром и Сербией, Временное соглашение с Ираном предполагает снижение и / или отмену таможенных пошлин и сборов или других мер, имеющих эквивалентный эффект в отношении импорта товаров происхождения определенной категории (приложение 1)⁵. К этой категории относятся сельскохозяйственные и промышленные группы товаров⁶. Большое внимание в соглашении о ЗСТ с Ираном уделено деловому сотрудничеству по линии бизнес-сообществ, а также проведению совместных мероприятий в этой сфере⁷. В Соглашении также упоминается про укрепление сотрудничества в области обмена информацией в специализированных областях⁸, обеспечение научно-технического сотрудничества в целях совершенствования качества технических регламентов⁹. Институциональным механизмом реализации соглашения является функционирование Совместного комитета, бизнес-диалога, Комитета по торговле товарами, Подкомитета по правилам определения происхождения. Таким образом, Временное соглашение между ЕАЭС и Ираном создает основу для углубления дальнейшей торгово-экономической кооперации через функционирование различных институциональных механизмов сотрудничества.

Заключение

Сравнительный анализ политико-правовых документов о сотрудничестве, заключенных между ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром, Китаем, Сербией и Ираном, показал, что «мягкосиловые» компоненты сотрудничества наиболее присутствуют во взаимоотношении ЕАЭС с Вьетнамом и Сингапуром. Именно положения данных соглашений о ЗСТ упоминают больше всего научно-техническое сотрудничество и реализацию совместных научно-исследовательских проектов, научно-образовательный об-

¹ Иран в настоящее время является страной — наблюдателем при ВТО.

² Interim Agreement leading to formation of a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2018. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417815/iatc_21052018 (дата обращения: 26.11.2021).

³ Внешняя торговля с третьими странами. Иран [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 2018. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/extra/Documents/2018/12-102019/E201812_2_1.pdf (дата обращения: 26.11.2021).

⁴ Там же. 2020.

⁵ Там же. Article 1.3.

⁶ ЕАЭС и Иран переходят на преференциальные условия торговли [Электронный ресурс] // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. 28.10.2019. URL: <http://eec.eaeunion.org/news/28-10-2019-1/> (дата обращения: 26.11.2021).

⁷ Interim Agreement leading to formation of a free trade area between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the Islamic Republic of Iran, of the other part [Электронный ресурс] // Правовой портал ЕАЭС. 2018. Article 1.6. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417815/iatc_21052018 (дата обращения: 26.11.2021).

⁸ Там же.

⁹ Там же. Article 4.8.

мен, образовательные программы. Тогда как соглашение с Китаем содержит больше инновационные аспекты в области продвижения «мягкой силы». По сравнению с этими тремя азиатскими странами промежуточное соглашение с Ираном меньше всего затрагивает научно-техническую область и сконцентрировано на бизнес-кооперации, тогда как ЗСТ с Сербией вообще не содержит упоминаний о науке и образовании. При этом правовая форма и институциональные механизмы развиты больше между ЕАЭС и Сингапуром.

В целом можно отметить, что договоренности ЕАЭС с Вьетнамом, Сингапуром, Китаем, Сербией и с Ираном направлены на обмен информацией, либерализацию и транспарентность в торговле, а также поддержку механизмов ВТО.

Таким образом, заключенные договоренности дают возможность для ЕАЭС не только интегрироваться в глобальную экономику и усилить конкурентоспособность, но и повысить привлекательность государств ЕАЭС на примере взаимоотношений со странами АСЕАН с точки зрения продвижения стратегии «мягкой силы» через науку, исследования и образование.

Литература

1. Березина Е. К., Торопыгин А. В. ЕАЭС расширяет международное сотрудничество — направление Латинская Америка // Управленческое консультирование. 2021. № 3. С. 43–57.
2. Галларотти Дж. Как измерить мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89–103.
3. Загашвили В. С. Европейский союз: торговые соглашения нового поколения // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 26–33.
4. Канаев Е. А., Королев А. С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 1. С. 26–43.
5. Косов Ю. В., Торопыгин А. В. Фактор торговли в глобальных и региональных международных отношениях (режимный и институциональный подходы) : учеб. пособие. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2019. 288 с.
6. Нгуен М. М. Значение соглашения о зоне свободной торговли ЕАЭС — Вьетнам и перспективы его реализации // Международная торговля и торговая политика. 2016. № 2. С. 107–114.
7. Рогожина Н., Рогожин А. Экономическое присутствие Китая в Юго-Восточной Азии — условие проведения политики «мягкой силы» // Мировая политика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 4. С. 40–49.
8. Федоров Н. В. Соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС и Вьетнамом как фактор российско-вьетнамских отношений // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 74–90.
9. Хейфец Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 107–120.
10. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2006. Vol. 616. Issue 1. P. 55–77.
11. Nye J. S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. Issue 1. P. 94–109.
12. Pan S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 22–33.
13. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35. Issue 3–4. P. 347–363.

Об авторе:

Березина Елизавета Константиновна, ведущий специалист Центра международной проектной деятельности Управления международного сотрудничества Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург, Российская Федерация); berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru

References

1. Berezina E. K., Toropygin A. V. EAEU Expands International Cooperation: Latin American Trend // Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. No. 3. P. 43–57. (In Rus.)
2. Gallarotti G. M. How to measure soft power in international relations // Polis. Political studies [Polis. Politicheskie issledovaniya]. 2020. No. 1. P. 89–103. (In Rus.)
3. Zagashvili V. S. European Union: second generation trade agreements // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2020. Vol. 64. No. 7. P. 26–33. (In Rus.)
4. Kanaev E. A., Korolev A. S. Greater Eurasia, Indo-Pacific Region and Russia-ASEAN Relations // Outlines of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, parvo]. 2019. Vol. 12. No. 1. P. 26–43. (In Rus.)
5. Kosov Yu. V., Toropygin A. V. Trade Factor in the Global and Regional International Relations (regime and institutional approaches) : study guide. Saint Petersburg : Publishing House NWM of RANEPa, 2019. 288 p. (In Rus.)
6. Nguyen M. M. The significance of the free trade zone EAEU — Vietnam and its perspectives // International Trade and Trade Policy [Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika]. 2016. No. 2. P. 107–114. (In Rus.)
7. Rogozhina G., Rogozhina A. Economic presence of China in Southeast Asia as a condition for promoting “soft power” policy // World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. Vol. 63. No. 4. P. 40–49. (In Rus.)
8. Fedorov N. V. The Free Trade Agreement between the EAEU and Vietnam as a Factor of Russian-Vietnamese Relations // Comparative Politics Russia [Sravnitel'naya politika]. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 74–90. (In Rus.)
9. Kheyfets B. A. Prospects for the creation of a Free trade zone between the EAEU and ASEAN // The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk]. 2018. No. 5. P. 107–120. (In Rus.)
10. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2006. Vol. 616. Issue 1. P. 55–77.
11. Nye J. S. Jr. Public Diplomacy and Soft Power // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. Issue 1. P. 94–109.
12. Pan S. Confucius Institute project: China's cultural diplomacy and soft power projection // Asian Education and Development Studies. 2013. Vol. 2. No. 1. P. 22–33.
13. Sergunin A., Karabeshkin L. Understanding Russia's Soft Power Strategy // Politics. 2015. Vol. 35. Issue 3–4. P. 347–363.

About the author:

Elizaveta K. Berezina, Senior Specialist of the Center for International Project Activities under the Department of International Cooperation of Nord-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Saint Petersburg, Russian Federation); berezina-ek@ranepa.ru; berezina.elizaveta.95@mail.ru

Международно-правовые аспекты контроля за оборотом новых психоактивных веществ

Кириленко В. П.^{1,*}, Молоковский Д. С.²

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* kirilenko-vp@ranepa.ru

² СПб ГБУЗ Городская наркологическая больница, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Цель. Проанализировать положения основных национальных и международных нормативных правовых актов в сфере регулирования оборота новых психоактивных веществ.

Задачи. Изучить актуальное нормативно-правовое регулирование оборота новых психоактивных веществ в Российской Федерации и государствах ЕАЭС. Рассмотреть новеллы в законодательстве Европейского союза, регулирующие оборот этих веществ. Провести обзор процедуры установления конвенционного контроля над подобными веществами в рамках ООН. Сформулировать предложения по совершенствованию национального и международного антинаркотического законодательства.

Методология. В настоящей работе с использованием методов логического и сравнительно-правового анализа, а также метода правового прогнозирования рассмотрены национальные и международные юридические процедуры установления контроля над новыми психоактивными веществами, выявлены пробелы в антинаркотическом законодательстве.

Результаты. Законодательство стран ЕАЭС в области регулирования оборота новых психоактивных веществ нуждается в совершенствовании и гармонизации. В странах ЕС и в рамках ООН процедура установления контроля над новым психоактивным веществом носит сложный многоступенчатый характер, а сроки принятия регуляторного нормативного правового акта явно не соответствуют потенциальной опасности неконтролируемого оборота вещества для общественного здоровья.

Выводы. В России ужесточить наказание за преступления, предусмотренные ст. 234.1 УК РФ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ» и изменить юридическую процедуру формирования Реестра новых психоактивных веществ. В странах ЕАЭС на межгосударственном уровне согласовать единообразный подход к введению и содержанию мер уголовно-правового противодействия незаконному обороту новых психоактивных веществ. В странах ЕС и в рамках ООН ввести изменения в процедуру внесения нового психоактивного вещества в списки (перечни) наркотических или психотропных веществ: все подобные вещества вносить в отдельный специальный список, для которого прописывались бы определенные согласованные меры контроля, с возможностью последующей экспертной оценки потенциальной опасности вещества для индивидуального и общественного здоровья. В дальнейшем на основании критического обзора Комитета экспертов ВОЗ по лекарственной зависимости и позиции Комиссии по наркотическим средствам ЭКОСЭ эти меры контроля могли бы быть ужесточены или смягчены.

Ключевые слова: новые психоактивные вещества, наркотические средства, психотропные вещества, национальный и международный контроль над наркотиками, ЕАЭС, Европейский союз, ООН

Для цитирования: Кириленко В. П., Молоковский Д. С. Международно-правовые аспекты контроля за оборотом новых психоактивных веществ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 77–85.

International Legal Aspects of Control of Trafficking in New Psychoactive Substances

Viktor P. Kirilenko^{a,*}, Dmitriy S. Molokovskii^b

^a Russian Presidential Academy of the National Economy and Public Administration (RANEPА Northwestern Institute of Management), Saint Petersburg, Russian Federation; * kirilenko-vp@ranepa.ru

^b SPb Narcological Hospital, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Aim. To analyze relevant provisions of the main national and international regulatory legal acts in the field of monitoring and control of new potentially dangerous substances.

Tasks. To study the current legal regulation of legal and illicit trafficking of new psychoactive substances in the Russian Federation and the EAEU states. To examine new amendments in the legislation of the European Union regulating the substances traffic control and illicit traffic countering. To provide an overview of the procedures of new psychoactive substances scheduling under the International Drug Control Conventions. To formulate proposals for improving the national and international anti-drug legislation.

Methods. The methods of logical and comparative legal analysis, as well as the legal prediction method have been used in this article.

Results. The legislation of the EAEU countries in the field of the control of the legal and illicit trafficking of new psychoactive substances needs to be improved and harmonized. The substances scheduling procedures under the international drug control conventions in the EU and the UN are very difficult multi-stage and excessively long. The timing of adoption of new regulatory acts certainly does not correspond to the potential danger of uncontrolled trafficking of new potentially dangerous psychoactive substances for public health.

Conclusion. The penalties under Art. 234.1 of the Russian Federation Criminal Code “illicit trafficking of potentially dangerous psychoactive substances” should be toughened. The legal procedure for forming the state Register of new psychoactive substances must be changed. In the EAEU countries, it should be necessary to make agreement at the interstate level about a uniform approach to the introduction and content of criminal justice responses to the illicit trafficking of new psychoactive substances. In the EU countries and in the frame of the UN, the scheduling procedure under international drug control should be changed regarding new psychoactive substance. All such substances of this kind should be included in a Special Annex for which certain agreed control measures would be prescribed, with the possibility of subsequent expert evaluation of the potential danger of the substance to individual and public health. These established control measures in the future might be toughened or reduced based on the WHO Expert Committee on Drug Dependence critical review and the Commission on Narcotic Drugs (CND) position.

Keywords: new psychoactive substances, narcotic drugs, psychotropic substances, national and international drug control, Eurasian Economic Union, European Union, UN

For citing: Kirilenko V. P., Molokovskii D. S. International Legal Aspects of Control of Trafficking in New Psychoactive Substances // Eurasian Integration: Economics, Law and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 77–85.

Введение

В последние десятилетия в связи с существенным повышением уровня развития химических технологий, автоматизацией и компьютеризацией процессов органического синтеза, доступности патентов различных фармацевтических компаний серьезнейшей проблемой, вставшей перед международными и национальными компетентными органами по контролю за оборотом наркотиков, является проблема так называемых новых психоактивных веществ (ПАВ), оборот которых не подпадает под регулирование или ограничение соответствующими конвенциями ООН [5].

С момента начала мониторинга Управлением ООН по наркотикам и преступности (УПН ООН) в 2009 г. они выявляются со средней скоростью около одного вещества в неделю [2, с. 7]. Как результат, к декабрю 2020 г. 126 странами из различных регионов мира в УНП ООН было сообщено о 1047 новых химических соединениях, большинство из которых являются психостимуляторами различной химической структуры, аминокислотами, триптамиминами, синтетическими каннабиноидами, галлюциногенами и синтетическими опиоидами¹.

В российском законодательстве (ч. 1 ст. 2.2 «Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен», Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ) введена дефиниция «Новые потенциально-опасные психоактивные вещества», которая определяет их как «вещества, вызывающие у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти Российской Федерации не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом». Оборот таких веществ в Российской Федерации запрещен (ч. 2 ст. 2.2 ФЗ от 08.01.1998 № 3-ФЗ²).

Следует отметить, что из всех стран СНГ и ЕАЭС только в национальном уголовном законодательстве Российской Федерации существует соответствующая уголовно-правовая норма — ст. 234.1 Уголовного кодекса РФ «Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ»³. Однако, к сожалению, эта статья УК является практически не действующей. Так, по данным портала «Данные судебной статистики», в 2020 г. в Российской Федерации по этой статье судами не было вынесено ни одного приговора⁴. Это, очевидно, объясняется тем, что реестр новых потенциально опасных ПАВ, оборот которых в Российской Федерации запрещен, предусмотренный ст. 2.2 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ, из-за ряда формальных причин до настоящего времени не создан [4].

Принципы и параметры национальной экспертной оценки потенциальных наркотических и психотропных веществ

Проект Приказа МВД РФ «О Порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен» предписывает следующую, достаточно длительную процедуру: уполномоченные должностные лица компетентных органов, получив сведения о потреблении ПАВ, вызывающих у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасного для его жизни и здоровья (которые должны быть подтверждены результатами медицинского освидетельствования), направляют указанные сведения в Главное управление по контролю за оборотом наркотиков МВД РФ (ГУНК МВД РФ)⁵. Комплексная экспертиза новых психоактивных веществ, согласно Проекту Приказа МВД, возложена на Экспертно-криминалистический центр МВД РФ, а Распоряжение МВД России о включении нового потенциально опасного ПАВ в реестр подписывается министром внутренних дел Российской Федерации или лицом, исполняющим его обязанности.

Учитывая современные российские бюрократические практики, совершенно очевидно, что введение вышеописанной процедуры приведет лишь к тому, что ГУНК МВД РФ, не справляясь по причинам материально-технического характера с объемом предполагаемой экспертизы, начнет отказываться от нее, изыскивая для этого разнообразные формально-юридические причины.

¹ UNODC Early Warning Advisory on New Psychoactive Substances [Электронный ресурс] // Сайт UNODC. URL: <https://www.unodc.org/LSS/Page/NPS> (дата обращения: 02.05.2021).

² О наркотических средствах и психотропных веществах : федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17437/ (дата обращения: 03.02.2021).

³ Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 05.04.2021, с изм. от 08.04.2021) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 12.04.2021).

⁴ Данные судебной статистики [Электронный ресурс] // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 05.04.2021).

⁵ О Порядке формирования и содержания Реестра новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен : проект Приказа МВД [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PNPA&n=23869#7UNg3eSwlmb8Hqir> (дата обращения: 03.06.2021).

С нашей точки зрения, представляется целесообразным оперативное включение (Распоряжением Правительства Российской Федерации или же Распоряжением министра внутренних дел РФ) всех появляющихся на легальном и нелегальном рынке новых психоактивных веществ в создаваемый реестр, с последующим анализом и оценкой их потенциальной опасности, с возможностью в дальнейшем внесения в определенные Постановлением Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 списки наркотических средств (НС) и психотропных веществ (ПВ)¹ или же исключения из реестра.

Данную комплексную экспертизу, с нашей точки зрения, целесообразно возложить на Министерство здравоохранения РФ и МВД РФ, создав для координации проведения экспертизы межведомственный экспертный орган — Департамент экспертизы наркотических средств и психотропных веществ, придав ему статус одного из структурных подразделений аппарата Государственного антинаркотического комитета.

Санкция ч. 1 ст. 234.1 УК РФ (штраф в размере до 30 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода за период до двух месяцев либо ограничение свободы на срок до двух лет) представляется нам излишне мягкой. С этим согласны и другие российские юристы, которые находят странной и нуждающейся в существенных изменениях подобную позицию российского законодателя [1; 3]. Предлагаем ужесточить эту санкцию, добавив после слов «...ограничением свободы на срок до двух лет», слова «...либо лишением свободы на срок до двух лет». Кроме того, предлагаем рассмотреть вопрос об установлении в ст. 234.1 УК РФ дифференцированной уголовной ответственности в зависимости от размера (массы) новых потенциально опасных психоактивных веществ.

Поручением по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации (Пр-1439ГС п. 1з от 21.07.2015) предусмотрено формирование единых подходов государств — участников ОДКБ и ЕАЭС в отношении государственной регистрации, а также установления административной и уголовной ответственности за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ². Целесообразным представляется и проведение международного форума стран СНГ, ОДКБ и ЕАЭС по обсуждению вопросов и проблем законодательного регулирования оборота новых ПАВ, в проект резолюции которого можно было бы включить рекомендацию странам — участницам форума ввести уголовную ответственность за незаконный оборот подобных веществ.

Особенности международного антинаркотического законодательства

Темпы и масштабы синтезирования (производства) и выхода на легальный и нелегальный рынок новых психоактивных веществ заставили как сам Европейский союз, так и страны-члены этого союза включать в свое законодательство уголовно-правовые меры противодействия их незаконному обороту и контрабанде.

Общая акция ЕС 7/396/JHA от 16.07.1997, касающаяся новых синтетических психоактивных веществ, не включенных в списки Конвенции ООН 1971 г. и представляющих серьезную угрозу для здоровья населения, сопоставимую с веществами, перечисленными в списках I или II конвенции, определяет механизм взаимодействия между национальными полицейскими органами, Европолом, Европейским центром мониторинга наркотиков и наркозависимости (EMCDDA — European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction) и Еврокомиссией по установлению мер контроля над новыми синтетическими психоактивными веществами³.

Рамочное решение 2004/757/JHA Совета от 25.10.2004 дает определение наркотическим средствам, психотропным веществам и их прекурсорам, идентичное определениям, приведенным в конвенции

¹ Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (ред. от 03.12.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19243 (дата обращения: 03.06.2021).

² Поручение по итогам заседания президиума Государственного совета РФ по вопросу реализации государственной антинаркотической политики, состоявшегося 17 июня 2015 года (Пр-1439ГС п. 1з от 21.07.2015) [Электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/50041> (дата обращения: 03.06.2021).

³ Joint Action of 16 June 1997 adopted by the Council on the basis of Article K.3 of the Treaty on European Union, concerning the information exchange, risk assessment and the control of new synthetic drugs (97/396/JHA) JHA [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31997F0396> (дата обращения: 02.05.2021).

ях ООН 1961, 1971 и 1988 гг., и, следовательно, в соответствии с Общей акцией 7/396/JHA от 16.06.1997 теоретически ставит все новые ПАВ под контроль в рамках ЕС¹.

В этот же период Советом ЕС было принято важное Решение 2005/387/JHA «Об обмене информацией, оценке рисков и контроле новых психоактивных веществ» от 10.05.2005 (утратило силу с 22.11.2018), где впервые было четко сформулировано понятие «новые психоактивные вещества» и указано, что применение их может быть вредно для здоровья².

Директива 2017 / 2103 Европейского парламента и Совета от 15.11.2017 об изменении Рамочного решения Совета 2004/757/JHA с целью включения новых психоактивных веществ в определение наркотиков и отмены решения Совета 2005/387/JHA определяет термин «новое психоактивное вещество» как вещество (или смесь веществ), вызывающее те же эффекты, что и НС и ПВ, указанные в соответствующих конвенциях ООН, но не упомянутое в них и при этом вызывающее те же серьезные последствия для индивидуального и общественного здоровья, серьезные социальные последствия, аналогичные тем, которые могут вызывать вещества, включенные в конвенции³. Кроме того, эта же директива определяет процедуру и сроки установления мер контроля при признании нового вещества психоактивным.

Регламент Европейского парламента и Совета ЕС 2017/2101 от 15.11.2017 прописывает порядок подготовки первоначального доклада (initial report), которая возложена на EMCDDA⁴.

По требованию любого государства — члена ЕС, а также в случае, если EMCDDA имеет достаточные основания полагать, что новое психоактивное вещество может представлять опасность для индивидуального и общественного здоровья, инициируется процедура подготовки первоначального доклада, включающего в себя данные о химической структуре, фармакологии, токсикологии, а также характере, количестве и масштабе инцидентов, демонстрирующих потенциальную опасность и возможные социальные последствия злоупотребления новым психоактивным веществом.

EMCDDA, обобщив в пятидневный срок в докладе весь комплекс имеющихся сведений, касающихся химико-фармакологических характеристик нового ПАВ, оперативных данных по его обороту и последствий применения, полученных с помощью системы раннего предупреждения REITOX, а также от Европола и национальных полицейских органов, обязано передать первоначальный доклад Еврокомиссии и всем государствам — членам ЕС.

Еврокомиссия либо принимает подзаконный акт (Commission Delegated Directive) по внесению нового психоактивного вещества в список подлежащих контролю веществ, либо не принимает его; в таком случае Еврокомиссия обязана представить доклад Европарламенту и Европейскому совету с изложением причин своей позиции по этому вопросу. Страны — члены ЕС обязаны в срок, не превышающий шести месяцев, внести в свое антинаркотическое законодательство соответствующие изменения.

В рамках ООН проблема установления контроля над новыми психоактивными веществами и правовые меры противодействия их незаконному обороту в настоящее время являются предметом дискуссий, в связи с тем что по формально-юридическим причинам эти вещества не подлежат международному контролю, вплоть до окончания процедуры внесения их в конвенционные списки.

УНП ООН определяет новые психоактивные вещества как «вещества, вызывающие злоупотребление, в чистом виде или в виде препаратов, которые не контролируются Единой конвенцией о наркотических

¹ Council Framework Decision 2004/757/JHA of 25 October 2004 laying down minimum provisions on the constituent elements of criminal acts and penalties in the field of illicit drug trafficking [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=celex:32004F0757> (дата обращения: 03.06.2021).

² Council Decision 2005/387/JHA of 10 May 2005 on the information exchange, risk-assessment and control of new psychoactive substances trafficking [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32005D0387> (дата обращения: 03.06.2021).

³ Directive (EU) 2017/2103 of the European Parliament and of the Council of 15 November 2017 amending Council Framework Decision 2004/757/JHA in order to include new psychoactive substances in the definition of 'drug' and repealing Council Decision 2005/387/JHA [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A32017L2103> (дата обращения: 03.06.2021).

⁴ Regulation (EU) 2017/2101 of the European Parliament and of the Council of 15 November 2017 amending Regulation (EC) No. 1920/2006 as regards information exchange on, and an early warning system and risk assessment procedure for, new psychoactive substances [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32017R2101> (дата обращения: 02.05.2021).

средствах 1961 г. или Конвенцией о психотропных веществах 1971 г., но которые могут представлять угрозу для здоровья населения»¹.

Полномочия по внесению в конвенционные списки контролируемых веществ возложены на Комиссию по наркотическим средствам Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС).

Так, согласно Единой конвенции ООН о наркотических средствах 1961 г., Комиссия по наркотическим средствам в соответствии с заключением Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) может включить какое-либо вещество в любой из конвенционных списков, с последующим применением к этому веществу соответствующих мер международного и национального контроля, либо исключить его из любого из списков (ч. 3, 4, 5 и 6 ст. 3 Единой конвенции 1961 г.)²

Согласно ч. 5 и ч. 6 ст. 2 Конвенции о психотропных веществах 1971 г., Комиссия по наркотическим средствам в соответствии с заключением ВОЗ может внести какое-либо психотропное вещество в конвенционные списки с последующим применением к этому веществу конвенционных мер контроля либо переместить вещество в другой список, либо исключить его из любого из списков³.

Полномочия по проведению экспертизы наркотических средств и психотропных веществ возложены на Всемирную организацию здравоохранения.

Так, согласно ст. 3 Единой конвенции 1961 г., ВОЗ по собственной инициативе или по поручению Генерального Секретаря ООН производит экспертизу вещества и дает свои рекомендации для Комиссии по наркотическим средствам по включению этого вещества в списки I, II, III или IV Конвенции 1961 г. или же, при условии что данное вещество перестало быть предметом злоупотребления и, соответственно, утратило способность вызывать вредные последствия, рекомендации по исключению его из любого из списков. В Конвенции о психотропных веществах 1971 г. (ст. 2 «Сфера применения контроля над веществами») прерогативы ВОЗ в значительной степени уточнены, а именно четко сформулированы принципы и определены необходимые параметры экспертной оценки потенциального ПВ.

С целью подготовки соответствующего экспертного заключения в ВОЗ создан Комитет экспертов по лекарственной зависимости (Комитет экспертов). На Комитет экспертов возложена обязанность подготовки критического обзора, в котором и определяется, следует ли предложить Генеральному директору ВОЗ рекомендовать занесение вещества в списки Конвенций ООН или же изменить его статус в списках.

Получив от секретариата ВОЗ максимально полную доступную информацию о веществе, Комитет экспертов принимает решение, следует ли проводить критический обзор вещества, который включает в себя оценку способности вызывать зависимость, вероятность злоупотребления и создания проблем общественного здравоохранения и социальных проблем, а также терапевтической полезности каждого вещества, подвергающегося обзору.

Критический обзор состоит из двух последовательных этапов: на первом этапе решается вопрос о занесении вещества в списки Единой конвенции 1961 г.; если Комитет экспертов сочтет, что какое-либо вещество не удовлетворяет соответствующим критериям для осуществления конвенционного контроля, то он проводит последующую оценку в соответствии с условиями Конвенции 1971 г.⁴ Выводы Комитета экспертов по лекарственной зависимости суммируются в докладе, представляемом Генеральному директору ВОЗ, который передает рекомендацию от имени ВОЗ ООН. Окончательное решение по включению / невключению вещества в конвенционные списки остается за Комиссией по наркотическим средствам.

¹ UNODC Early Warning Advisory on New Psychoactive Substances. What are NPS? [Электронный ресурс] // Сайт UNODC. URL: <https://www.unodc.org/LSS/Page/NPS> (дата обращения: 02.05.2021).

² Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах 1961 года [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/ (дата обращения: 05.04.2021).

³ Конвенция о психотропных веществах 1971 года (заключена в г. Вене 21.02.1971) [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1971_ru.pdf (дата обращения: 05.04.2021).

⁴ Руководящие положения для проведения ВОЗ обзора психоактивных веществ в целях международного контроля (приняты Исполкомом ВОЗ на 126-й сессии, январь 2010 г.) [Электронный ресурс] // Сайт ВОЗ. URL: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/3721> (дата обращения: 03.06.2021).

Последний критический обзор, проведенный Комитетом экспертов на своем 43-м совещании в октябре 2020 г., был посвящен изотонитазену — сильнодействующему синтетическому опиоиду, являющемуся одним из тех аналогов этонитазена, которые не подпадают под международный контроль¹.

В Конвенции 1988 г. предусмотрен несколько иной процедурный механизм включения в списки веществ, подлежащих регулированию и контролю. Роль экспертного органа, оценивающего вещество с позиции потенциальной возможности его применения в качестве прекурсора НС и ПВ, а также актуальные масштабы использования этого вещества, предоставлена Международному комитету по контролю над наркотиками (ч. 4. ст. 12 Конвенции 1988 г.)².

В США, в случае получения информации Управлением по борьбе с наркотиками (DEA) о появлении нового потенциально опасного ПАВ, вступает в действие экстренная процедура по его временному внесению в соответствующие списки.

DEA извещает Министерство здравоохранения и социальных служб США о намерении установить контроль над новым ПАВ. Министерство поручает Управлению по санитарному надзору за качеством пищевых продуктов и медикаментов (FDA) предоставить данные о том, не проводятся ли клинические исследования и не одобрено ли вещество в качестве лекарственного препарата. При отрицательном ответе DEA проводит экспертизу вещества лишь по трем из восьми критериев, указанных в п. (b) § 811 Акта о контроле над наркотиками (CSA, 1970 г.), и принимает соответствующее административное решение.

Основной антинаркотический законодательный акт Канады — Controlled Drugs and Substances Act of 1996, а также Cannabis Act of 2018, легализующий рекреационное употребление и хранение небольших количеств каннабиса.

Взаимодействие США и Канады в области противодействия производству и контрабанде НС и ПВ осуществляется в рамках Межамериканской комиссии по борьбе с злоупотреблением наркотиками (CICAD) в соответствии с Межамериканской программой действий по борьбе с незаконным употреблением, производством и оборотом наркотических средств и психотропных веществ (Рио-де-Жанейро, 1986 г.).

Заключение

Таким образом, можно заключить, что процедура национальной и / или международной экспертизы по включению новых психоактивных веществ, представляющих серьезную опасность для индивидуального и общественного здоровья, в списки контролируемых носит сложный, длительный и трудоемкий характер, занимает в настоящее время не менее года и, очевидно, в перспективе не сможет соответствовать темпам разработки, синтеза и появления этих веществ на легальном и нелегальном рынке.

В качестве примера можно привести кейс уже упомянутого нами выше изотонитазена, сильнодействующего синтетического опиоида, который примерно в пятьсот раз активнее морфина. В начале 2019 г. изотонитазен в рамках оперативного эксперимента был приобретен с частного веб-сайта через Telegram-канал и в дальнейшем идентифицирован с использованием самых современных методов исследования³. За период с марта по август 2019 г. популярность нового синтетического опиоида выросла. Единичные упоминания на специализированных форумах дополнились данными об обнаружении вещества в реальных биообразцах, опубликованы аналитические данные и информация о его фармакологических свойствах⁴.

В мае 2020 г. в рамках Глобальной программы оперативного пресечения незаконного оборота опасных веществ (ГРИДС) всем национальным координаторам проектов Информационно-коммуникационная

¹ INCB 2020 Annual Report [Электронный ресурс] // Сайт INCB. P. 49. URL: <https://www.incb.org/incb/en/publications/annual-reports/annual-report-2020.html> (дата обращения: 02.06.2021).

² Конвенции ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 г. [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf (дата обращения: 05.02.2021).

³ Мониторинг АИПСИН 30.11.2019 I. Вещества, выявленные на торговых площадках психоактивной продукции [Электронный ресурс] // Сайт «АИПСИН АнтиНаркотики». URL: https://aipsin.com/archive_newsubstance/8/43/pdf/ (дата обращения: 05.06.2021).

⁴ Мониторинг АИПСИН III. Новые данные о веществах, отнесенных к «Новым Психоактивным Веществам (НПВ / NPS)» рядом европейских стран на основании изъятий из оборота и использования в качестве объектов злоупотребления [Электронный ресурс] // Сайт «АИПСИН АнтиНаркотики». URL: <https://aipsin.com/newssubstance/211> (дата обращения: 05.06.2021).

система проекта международной оперативной инициативы ИОН (ИОНИКС) и Оперативного партнерства по борьбе с незаконным распространением и продажей опиоидов (ОПИОИДС) направила специальное уведомление об этом новом опасном опиоиде¹.

После многочисленных сообщений об изъятии изотонитазена, полученных в рамках вышеупомянутых программ, Еврокомиссия в своей делегированной Директиве 2020/1687 от 02.09.2020 внесла это вещество в списки веществ, подлежащих международному контролю, согласно Единой конвенции о наркотических средствах 1961 г. и Конвенции о психотропных веществах 1971 г.²

Комиссия по наркотическим средствам ЭКОСОС на своем планерном заседании 64-й сессии (12–16 апреля 2021 г.) включила изотонитазен в список I Конвенции 1961 г.³ Таким образом, между появлением в обороте нового, чрезвычайно опасного наркотика и установлением контроля за его оборотом прошло около 18 месяцев.

Следует подчеркнуть, что в Российской Федерации контроль за оборотом изотонитазена до сих пор не установлен.

Учитывая вышеизложенное, представляется актуальным обсуждение следующей возможной процедуры внесения / исключения новых психоактивных веществ в конвенционные списки, контролируемые УНП ООН, используя международные системы онлайн-мониторинга, во взаимодействии с Европолом, EMCDDA, национальными компетентными органами. Комиссия по наркотическим средствам, в свою очередь, включает все появившиеся на легальном или нелегальном рынке ПАВ (за исключением химических соединений, входящих в состав медикаментов, разрешенных к применению в отдельных странах — участницах конвенций) в отдельный специальный список ООН, для которого прописываются определенные согласованные меры контроля. В дальнейшем по требованию любой заинтересованной стороны (государства — члены ООН, международные и национальные фармацевтические компании и пр.) Комитет экспертов ВОЗ проводит критический обзор, в котором производит оценку соотношения потенциальной опасности и терапевтической полезности нового ПАВ, с возможностью в дальнейшем включения данного вещества в другие конвенционные списки или же исключения из специального списка.

Кроме того, с нашей точки зрения, была бы целесообразной подготовка в рамках ООН новой «Объединенной Конвенции по наркотическим средствам, психоактивным веществам и их прекурсорам», в которую можно было включить оправдавшие себя положения конвенций 1961, 1971 и 1988 гг., а также ряд статей, посвященных регулированию оборота новых психоактивных веществ, обновив при этом некоторые устаревшие конвенционные требования и процедуры.

Литература

1. Бычкова А. М. Новые потенциально опасные психоактивные вещества: неадекватность правового реагирования на вызовы наркорынка // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2016. Т. 26. № 3. С. 484–492.
2. Понимание рынка синтетических наркотиков: фактор НПВ // Вестник глобальной программы SMART (изд. УНП ООН). 2018. Вып. 19 (март). С. 7.
3. Темботова М. А. Потенциально опасные психоактивные вещества: вопросы дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности // Государственная служба и кадры. 2020. № 1. С. 103–106.
4. Темботова М. А. Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен: вопросы нормативно-правового регулирования // Актуальные вопросы российского права. 2018. № 2 (87). С. 139–143.

¹ INCB 2020 Annual Report [Электронный ресурс] // Сайт INCB. P. 49. URL: <https://www.incb.org/incb/en/publications/annual-reports/annual-report-2020.html> (дата обращения: 02.06.2021).

² Commission Delegated Directive (EU) 2020/1687 of 2 September 2020 amending the Annex to Council Framework Decision 2004/757/JHA as regards the inclusion of the new psychoactive substance N,N-diethyl-2-[[4-(1-methylethoxy)phenyl]methyl]-5-nitro-1H-benzimidazole-1-ethanamine (isotonitazene) in the definition of 'drug' [Электронный ресурс] // Сайт EUR-lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32020L1687&from=EN> (дата обращения: 03.04.2021).

³ UNODC: Eight substances «scheduled» at the 64th Session of the Commission on Narcotic Drugs [Электронный ресурс] // Сайт UNODC. URL: <https://www.unodc.org/LSS/Announcement/Details/dacec77f-b73c-48c2-bea0-25bb98a4aa9a> (дата обращения: 02.05.2021).

5. Vari M. R., Mannocchi G., Tittarelli R. New Psychoactive Substances: Evolution in the Exchange of Information and Innovative Legal Responses in the European Union // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Nov. 23. 17 (22). P. 8704–8719.

Об авторах:

Кириленко Виктор Петрович, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор; kirilenko-vp@ranepa.ru

Молоковский Дмитрий Сергеевич, врач – клинический фармаколог СПб ГБУЗ «Городская наркологическая больница» (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор медицинских наук; molokovskiy@mail.ru

References

1. Bychkova A. M. New Potentially Dangerous Psychoactive Substances: Inadequacy of Legal Response to the Challenges of the Drug Market // *Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics [Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii]*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 484–492. (In Rus.)
2. Understanding the Synthetic Drug Market: The Factor of NPS // *Bulletin of the Global SMART Program [Vestnik global'noi programmy SMART]* (UNODC Publishing House). 2018. Issue 19 (March). P. 7. (In Rus.)
3. Tembotova M. A. Potentially Dangerous Psychoactive Substances: Issues of Differentiation and Individualization of Criminal Responsibility // *Civil Service and Personnel [Gosudarstvennaya sluzhba i kadry]*. 2020. No. 1. P. 103–106. (In Rus.)
4. Tembotova M. A. Register of New Potentially Dangerous Psychoactive Substances, the Turnover of Which Is Prohibited in the Russian Federation: Issues of Regulatory Regulation // *Topical Issues of Russian Law [Aktual'nye voprosy rossiiskogo prava]*. 2018. No. 2 (87). P. 139–143. (In Rus.)
5. Vari M. R., Mannocchi G., Tittarelli R. New Psychoactive Substances: Evolution in the Exchange of Information and Innovative Legal Responses in the European Union // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. Nov. 23. 17 (22). P. 8704–8719.

About the authors:

Viktor P. Kirilenko, Head of the Department of International and Humanitarian Law of the Northwestern Institute of Management of RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; kirilenko-vp@ranepa.ru

Dmitriy S. Molokovskii, Clinical Pharmacologist of SPb Narcological Hospital (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Medical Sciences; molokovskiy@mail.ru

Состояние и перспективы развития современной системы государственного управления Республики Таджикистан

Комилбек А. Ё.

Академия государственного управления при Президенте Республики Таджикистан, Душанбе, Республика Таджикистан; amid.komilbek@mail.ru

РЕФЕРАТ

Проанализированы и показаны процессы формирования, развития системы государственного управления периода независимости Республики Таджикистан и управленческая деятельность органов государственного управления. Прежде всего, строительство новой политической системы общества и постепенное ее совершенствование и развитие являются одним из важных исследовательских вопросов.

Цель. Основной целью исследования является определение роли «Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года» в укреплении системы государственного управления Республики Таджикистан.

Задачи. Выделить результаты и стратегии в развитии системы государственного управления периода независимости Республики Таджикистан и управленческой деятельности органов государственного управления.

Методология. С помощью логического и сравнительного методов определить результаты реформы и политического преобразования системы государственного управления Республики Таджикистан.

Результаты. Новая стратегия охватывает все сферы общественной жизни. Реформы государственного управления являются одними из ее основных пунктов. Меры в направлении системы государственного управления с учетом реальной жизни страны и требований времени, их реализация направлены на новый уровень и качество жизни граждан в стране.

Выводы. В связи с этой реформой, предписанная «Национальной стратегией», создает условия для превращения Республики Таджикистан в промышленно-аграрную страну.

Ключевые слова: государства, управление, система, государственное управление, местное управление, система государственного управления, стратегия, программы, структуры, Республика Таджикистан

Для цитирования: *Комилбек А. Ё.* Состояние и перспективы развития современной системы государственного управления Республики Таджикистан // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 86–92.

State and Prospects for the Development of the Modern System of Public Administration of the Republic of Tajikistan

Komilbek Amid Yorbek

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; amid.komilbek@mail.ru

ABSTRACT

In this study, the public administration system of the Republic of Tajikistan has been analyzed and studied since the period of independence and the creation of a new political system with national

characteristics of the 90s of the last century. The processes of formation, development of the public administration system of the period of independence of the Republic of Tajikistan and the management activities of public administration bodies are analyzed and shown.

The public administration system in the Republic of Tajikistan is in a state of transition and a number of important activities have been completed at this stage. First of all, the construction of a new political system of society and its gradual improvement and development are one of the important research issues.

Aim. The main purpose of the study is to determine the role of the «National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030» in strengthening the public administration system of the Republic of Tajikistan.

Tasks. Highlight the results and strategies in the development of the public administration system of the period of independence of the Republic of Tajikistan and the management activities of public administration bodies.

Methods. With the help of logical and comparative methods, determine the results of the reform and political transformation of the public administration system in the Republic of Tajikistan.

Results. This important document shows the prospects for sustainable development of Tajikistan as a whole. The new strategy covers all spheres of public life, reforms in the field of public administration are one of its main points. Measures in the direction of the public administration system are taking into account the real life of the country and the requirements of the time, their implementation is aimed at a new level and quality of life for citizens in the country. The development of all sectors, including the economy, social and culture, largely depends on an effective system of public administration.

Conclusions. In this regard, its reform is timely and makes it possible to turn the Republic of Tajikistan from an agro-industrial country into an industrial-agrarian one.

Keywords: States, administrations, system, public administration, local administration, public administration system, strategy, programs, structures, Republic of Tajikistan

For citing: Komilbek Amid Yorbek. State and Prospects for the Development of the Modern System of Public Administration of the Republic of Tajikistan // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 86–92.

Введение

В современных условиях государство как политический институт играет ключевую роль в политической системе общества. Институт государства со временем в зависимости от условий совершенствовался, и система управления вышла на качественно новый уровень. История государственного управления, имея большой мировой опыт, прошла длительный этап своего развития. Однако государство постоянно ищет новые эффективные пути для достижения стратегических целей своего развития.

Пути становления государственности Таджикистана

Республика Таджикистан в 90-х гг. XX в. вступила на путь самостоятельной государственности после распада СССР. Проводимые реформы еще раз подтвердили и доказали, что любая система зависит от необходимого эффективного управления.

Политические преобразования указанного периода если, с одной стороны, и предоставили бывшим республикам СССР независимость, то, с другой стороны, эти страны столкнулись с некоторыми трудностями и даже в некоторых из них возникли острые политические и экономические кризисы [10, с. 48].

Необходимо отметить, что одно из основных особенностей начала современной государственности Таджикистана в отличие от других республик постсоветского пространства состоит в том, что наряду с созданием современной политической системы важнейшим вопросом и проблемой было прекращение гражданской войны в стране [4, с. 5].

Мировой опыт показывает, что переход от одной системы общественных отношений к другой является очень сложным и требует определенного времени и этапа перехода. То есть введение новых требований общественной жизни во всех отраслях требует определенных исторических условий для общего понимания. Республика Таджикистан в течение трех десятилетий своего суверенитета наряду с прекращением внутреннего конфликта достигла ряда успехов — постепенно создавалась система государственного управления с национальными особенностями и улучшалось экономическое развитие страны.

Переход к новой системе общественных отношений для Таджикистана начинался с тяжелого испытания. С переходом к новым общественным отношениям в стране возник политический конфликт, который еще больше усугубил и усложнил переходный период. Однако с окончанием политического конфликта в Республике Таджикистан была создана новая политическая система, которая постепенно укрепилась и поэтапно развивается. Это связано, прежде всего, с рациональным управлением политическими процессами. В становлении и развитии новой политической системы весомый вклад принадлежит Президенту Республики Таджикистан Эмомали Рахмону [9, с. 11].

Управленческий опыт за весь прошедший период показывает, что планирование и перспективы политики главы государства обеспечивают успех последовательного управления, а правильное определение приоритетов имеет ключевое влияние на решение проблем общества.

Новый этап развития государственности Таджикистана

Система государственного управления Республики Таджикистан, как и у других республик бывшего Советского Союза, пережила период становления и вступает в качественно новый этап развития. Создана и усовершенствована политическая и правовая база системы государственного управления Республики Таджикистан. Был принят и реализован ряд стратегий и программ по устойчивому развитию страны.

Для перехода на качественно новый этап системы государственного управления в Таджикистане была разработана и принята «Национальная стратегия развития на период до 2030 года», куда наряду с предвидением развития различных секторов народного хозяйства были включены вопросы усовершенствования системы государственного управления Республики Таджикистан, что является основным ядром развития страны.

Данная стратегия определяет долгосрочное развитие Республики Таджикистан, и для ее осуществления, реализации мобилизованы все государственные органы и частный сектор.

В своем очередном послании законодательному органу страны Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон подчеркнул, что «реализация “Национальной стратегии Республики Таджикистан на период до 2030 года” и “Среднесрочной программы развития Республики Таджикистан на 2016–2020 годы” способствовала достижению нашей высшей цели — повышение уровня жизни населения страны» [6, с. 3].

В III части «Национальной стратегии развития на период до 2030 года» (далее — НСР-2030) «Усиление институционального потенциала страны» четко обозначены основные проблемы системы государственного управления, важнейшие меры в области реформирования системы государственного управления и ожидаемые результаты, то есть реализация запланированных мероприятий в системе государственного управления республики [7].

В НСР-2030 определены и показаны проблемы и пути развития различных сфер народного хозяйства страны. Относительно текущих проблем, трудностей системы государственного управления в стратегии отмечается: «Чрезмерное регулирование в некоторых случаях и вмешательство государственных органов в экономическую деятельность, высокое налогообложение формального сектора экономики и слабая налоговая база для финансирования государственных функций на местном уровне, необходимость совершенствования механизмов налогового регулирования и правоприменения, форм и методов стратегического планирования, государственного регулирования в области стандартизации и сертификации, развития эффективной системы управления государственными финансами и имуществом. В частности, очевиден недостаточный потенциал государственного управления на региональном и местном уровнях. Вклад этих уровней в социально-экономическом развитии будет увеличиваться с учетом урба-

низации, модернизации инфраструктуры и увеличения общественного спроса на высококачественные и доступные социальные услуги. Потенциальный уровень, компетентность и качество административных процессов на местном уровне значительно отстает от национального. Для деятельности местного государственного органа исполнительной власти действует слабый механизм обеспечения прозрачности. В рамках расширения механизмов взаимодействия государства, предпринимательства и гражданского общества эти механизмы более активно действуют на национальном уровне. Отраслевые и региональные структуры не показывают своей эффективности» [7, с. 31].

Пути реформирования государственного управления

Также конкретно указаны проблемы и недостатки в сфере государственного управления. В том числе следующие:

- отсутствие единого перечня государственных функций и стандартов предоставления государственных услуг, недостаточная и неэффективная организация их предоставления, неполная оптимизация процесса;
- система интеграции деятельности органов исполнительной власти неэффективна, а механизмы оценки эффективной деятельности этих органов на национальном и местном уровнях достаточно неопределенны;
- отсутствие достаточного уровня системы электронного оборота документов между органами государственного управления и электронного взаимодействия государственных органов с гражданами и бизнесом (предпринимательством);
- недостаточное сотрудничество между государством и бизнесом, государством и гражданами в процессе национального развития, в том числе отсутствие консультативной базы для текущих коммуникаций и разработки рекомендаций по решению стратегических вопросов [Там же, с. 33].

Вопросы, которые обозначены в НСР-2030, отражают реальное состояние системы государственного управления и в течение следующих десяти лет, то есть к 2030 г., будут постепенно устранены. Проблемы в сфере государственного управления, как и меры по реформированию системы государственного управления в Республике Таджикистан четко указаны в данной стратегии. Механизмы их реализации поэтапно будут обеспечены всеми государственными структурами и органами власти. То есть система государственного управления в течение следующих десяти лет должна показать свою эффективность.

Согласно стратегии развития на период до 2030 г., определились конкретные реформы в сфере системы государственного управления Республики Таджикистан, к которым относятся:

- оптимизация организационной структуры и функций управления путем исключения излишних звеньев, совершенствование административных процессов и минимизации затрат, внедрение механизмов оценки эффективности деятельности органов центральной и местной исполнительной власти;
- формирование эффективной системы привлечения инвестиций;
- проведение системных функциональных обзоров министерств и ведомств в целях дальнейшей оптимизации функций государственных органов управления;
- проведение целенаправленной и систематической работы по совершенствованию административных процессов, ускорению принятия решений и повышению их эффективности, особенно в сфере взаимодействия с инвесторами, регулирования и надзора, оказания государственных услуг;
- внедрение риск-ориентированных методов в систему регулирования и надзора;
- формирование необходимых элементов «электронного правительства» для реализации политики «открытых данных»;
- совершенствование координации в сфере разработки и реализации политики между органами исполнительной власти и центральным и территориальными уровнями государственного управления и местного самоуправления;

- развитие системы стратегического планирования и совершенствование координации политики на центральном и на местном уровнях государственного управления;
- широкое внедрение проектных методов управления;
- внедрение действенного механизма антикризисного управления и системы управленческих мер по диагностике, предупреждению, нейтрализации и преодолению кризисных явлений;
- повышение роли экономических методов управления, формирование их целостной системы, отвечающей требованиям рынка;
- внедрение современных и инновационных технологий управленческой деятельности на основе информационно-коммуникационных сетей и в этих целях создание условий для эффективного использования информационных ресурсов в деятельности органов государственного управления;
- использование функционального принципа при формировании государственных органов, что позволит ограничить распространение узкоотраслевых методов управления;
- проведение государственными органами регулярных информационных кампаний по повышению осведомленности граждан о доступе к информации, включая государственные услуги;
- разработка механизмов усиления контроля со стороны общественности за деятельностью исполнительных органов государственной власти и повышения доверия граждан [7, с. 34–35].

Меры по реформе государственного управления, с одной стороны, делают работу органов государственной власти более эффективной, с другой — укрепляют их компетентность. Уменьшается дублирование и повтор задач, что способствует устранению бюрократии и дополнительных проблем с бумагами и документами. Создание «механизмов оценки эффективности деятельности органов центральных и местных исполнительных властей», которые дадут возможность определению качества деятельности органов, является своевременным. В действительности, для общества и для государственных органов особое значение имеет наличие конкретных мер по оценке эффективности. Так как именно с их учетом можно организовать управление, чтобы быстрее достичь поставленных целей.

Одним из приоритетов реформы также является внедрение «методов управления проектами» на уровне государственного управления и местного самоуправления, что является одним из наиболее эффективных способов развития различных секторов экономической жизни в практике государственного управления в цивилизованных странах.

В условиях современного мира экономика приобрела глобальный характер, значит, ее отдельное развитие для отдельной страны весьма сложно. Поэтому внедрение антикризисных механизмов управления и системы управленческих мер по выявлению, предотвращению, нейтрализации и восстановлению и выходу из кризисного положения также является одной из важнейших реформ стратегии. В условиях Таджикистана одним из приоритетов государственной политики является развитие местного джамоата и села, так как здесь большинство населения живет в сельской местности. Улучшение координации разработки и реализации политики между органами исполнительной власти и территориальными уровнями государственного управления и местного самоуправления имеет важное значение, и его реализация позволяет местному самоуправлению как институту управления достичь своего статуса. Необходимо учитывать, что местное самоуправление в Таджикистане признано на уровне власти, но относительно обеспечения финансовой самостоятельности существуют некоторые трудности и проблемы. Это положение может негативно повлиять на эффективность деятельности данного института власти. Поэтому в рамках и сроках, определенных стратегией развития, реализация мер по расширению роли и статуса местного самоуправления сможет стать лучшим средством решения проблем.

Обеспечение доступа граждан к информации и государственным услугам и предоставление им необходимой информации также считается важной реформой в сфере государственного управления. В стратегии говорится, что «проведение информационных кампаний по повышению осведомленности и расширению прав и возможностей граждан в доступе к информации и государственным услугам» должно быть в рамках информационных мер и иметь определенные цели и постоянный характер. Информационное обеспечение политических и управленческих процессов в обществе позволяет

формировать положительное восприятие и отношение общества к явлениям и событиям, деятельности государственных органов и должностных лиц. Потому что в основе появления предвзятых мнений лежит отсутствие точной информации.

Одним из важнейших принципов в системе государственного управления является доверие граждан к органам государственной власти. Практика в государственном управлении цивилизованных стран в данной ситуации показывает, что граждане обращаются в государственные органы по всем вопросам и имеют с ними тесные отношения. В случае появления кризисной ситуации доверия в обществе все усилия могут быть напрасными. Поэтому сохранение и поддержание доверия к руководящим субъектам позволяют выполнять свои обязанности на необходимом уровне и сделать твердый шаг к конечной цели общества.

Также со стороны граждан должен быть последовательный контроль за деятельностью исполнительного органа государственной власти. Здесь необходимо отметить, что контроль граждан за деятельностью государства зависит от высокого уровня политической культуры всего народа. В связи с этим в стратегии отмечается, что должна повышаться «...разработка механизмов усиления контроля за деятельностью органов государственной власти со стороны общества и повышения доверия граждан». Следует отметить, что реализация данной задачи требует разработки дополнительных правовых и организационных механизмов. Так как введение общественного контроля может иметь несколько вариантов, различные формы, в том числе коллективные или через институты гражданского общества.

Заключение

Таким образом, в период независимости Республика Таджикистан как полноправный субъект международного сообщества определяет и постепенно укрепляет свои позиции. Постепенно реализуя каждый из этапов своего становления, Республика Таджикистан неуклонно держит курс на достижение стадии устойчивого развития. Эффективное государственное управление путем научно обоснованного определения достижения приоритетных задач и стратегических целей позволит государству поэтапно решить насущные проблемы.

Эффективная реализация показателей и индикаторов НСР-2030 позволит обеспечить совершенствование и дальнейшее развитие системы государственного управления в Таджикистане. В связи с этим обязательное выполнение индикаторов необходимо согласовать с учетом особенностей и возможностей каждого периода или этапа развития. Успех работы заключается в том, что «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года» определяет проблему и трудности и показывает пути их преодоления. Поэтому необходимы политическая воля и ответственность всех сторон для реализации настоящей стратегии.

Реализация среднесрочной программы НСР-30 на период 2016–2021 г. показала, что наряду с влиянием внешних факторов (связанных с COVID-19) существуют и внутренние, влияющие на выполнение данной программы. Прежде всего, это ответственность и деятельность некоторых органов государственной власти, а также профессиональное отношение к ее реализации. Кроме того, необходимо отметить, что быстро меняющийся мир оказывает влияние на реализацию планов развития страны в соответствии с «Концепцией перехода Республики Таджикистан к устойчивому развитию» (утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан 1 октября 2007 г. № 500), «Программой развития потенциала и интеллектуальной собственности человека на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан 3 декабря 2012 г. № 687). Данный фактор предполагает необходимость целенаправленной подготовки и профессиональных кадров с учетом новых технологий менеджмента в сфере государственного управления, а также регулярного повышения квалификации и практики за рубежом. С учетом существующих факторов государство стремится привлекать более высококвалифицированные кадры в структуры государственного управления, опираясь на Закон Республики Таджикистан «Об образовании» от 22 июля 2013 г. № 1004 и другие правоустанавливающие документы.

Литература

1. *Атаманчук Г. В.* Модернизация государственного управления (теоретико-методологические основания). М. : РАГС, 2001.
2. *Атаманчук Г. В.* Теория государственного управления : курс лекций. М. : Юридическая литература, 1997. 400 с.
3. Государственное управление и политика : учеб пособие / под. ред. Л. В. Сморгунова. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002.
4. *Комилбеков А. Ё.* Политическое управление в современном политическом процессе. Душанбе, 2019. 176 с.
5. *Махмадов А. Н.* Таджикистан в направлении независимости. Душанбе, 2000. 98 с.
6. Послание Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмон Маджлису Оли. Душанбе, 2019. 47 с.
7. Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года. Душанбе, 2016. 87 с.
8. *Фаттоев С. С.* Социально-политические конфликты и их особенности в условиях трансформации общества : автореф. дис. док. философ. наук. Душанбе, 2012. 24 с.
9. *Хидирзода М. У.* Независимость и успешные стратегии. Душанбе, 2017. С. 11.
10. *Хидирова М. У.* Институт лидерства в контексте трансформационного общества. Душанбе, 2008. 170 с.

Об авторе:

Комилбек Амид Ёрбек, доцент, проректор по науке и инновации Академии государственного управления при Президенте Республики Таджикистан (Душанбе, Республика Таджикистан), кандидат политических наук; amid.komilbek@mail.ru

References

1. Atamanchuk G. V. Modernization of public administration (theoretical and methodological foundations). Moscow : RAGS, 2001. (In Rus.)
2. Atamanchuk G. V. Theory of public administration: a course of lectures. Moscow : Legal Literature, 1997. 400 p. (In Rus.)
3. Public administration and politics : textbook / under. ed. L. V. Smorgunova. Saint Peterburg : St. Petersburg University Publishing House, 2002. (In Rus.)
4. Komilbekov A. Yo. Political management in the modern political process. Dushanbe, 2019. 176 p. (In Rus.)
5. Makhmadov A. N. Tajikistan in the direction of independence. Dushanbe, 2000. 98 p. (In Rus.)
6. Message of the President of the Republic of Tajikistan Emomali Rahmon to Majlis Oli. Dushanbe, 2019. 47 p. (In Rus.)
7. National Development Strategy of the Republic of Tajikistan for the period up to 2030. Dushanbe, 2016. 87 p. (In Rus.)
8. Fattoev S. S. Socio-political conflicts and their features in the context of the transformation of society: dissertation abstract of Doctor of Philosophy. Dushanbe, 2012. 24 p. (In Rus.)
9. Khidirzoda M. U. Independence and successful strategies. Dushanbe, 2017. P. 11. (In Rus.)
10. Khidirova M. U. Institute of leadership in the context of a transformational society. Dushanbe, 2008. 170 p. (In Rus.)

About the author:

Komilbek Amid Yorbek, Associate Professor, Vice-Rector for Science and Innovation of the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Republic of Tajikistan), PhD in Political Sciences; amid.komilbek@mail.ru

Правовой режим исполнения иностранных судебных и арбитражных решений в Евразийском экономическом союзе

Курочкина Е. М.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
kurochkina.e.m@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В современном мире активно развивается конкуренция между интеграционными образованиями, которые ведут деятельность по укреплению и расширению своих политических и экономических позиций. В статье рассматривается движение Евразийского экономического союза в данном направлении.

Цель. Предложить способ обеспечения единого правового пространства в Евразийском экономическом союзе.

Задачи. Проанализировать действующее в Евразийском экономическом союзе регулирование исполнения судебных и арбитражных решений, выявить проблемы, с которыми могут столкнуться государства — участники Евразийского экономического союза при исполнении этих решений.

Методология. В настоящей работе были использованы как общенаучные методы познания: анализ, синтез, обобщение, так и частнонаучные: формально-логический, формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового прогнозирования.

Результаты. Одной из наиболее острых проблем, с которыми сталкиваются государства при исполнении судебных и арбитражных решений, является проблема исполнения отмененных судебных или арбитражных решений. Автор считает, что для предотвращения данной проблемы в рамках Европейского экономического союза его членам не следует присоединяться к Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам от 2 июля 2019 г., поскольку в ней не нашел своего разрешения вопрос о судьбе отмененных судебных решений. В отношении арбитражных решений государствам — участникам Европейского экономического союза желательно заключить между собой протокол к Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение арбитражных решений от 10 июня 1958 г., который бы исключал возможность исполнения отмененных арбитражных решений во всех государствах — участниках протокола. Разработка проекта данного дополнительного протокола может быть поручена Евразийской экономической комиссии Европейского экономического союза.

Выводы. Евразийскому экономическому союзу необходимо создать предсказуемое правовое пространство, которое прежде всего будет обеспечиваться за счет свободного движения судебных и арбитражных решений.

Ключевые слова: евразийская интеграция, международный коммерческий арбитраж, исполнение судебных решений, исполнение арбитражных решений, отмена арбитражного решения

Для цитирования: Курочкина Е. М. Правовой режим исполнения иностранных судебных и арбитражных решений в Евразийском экономическом союзе // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 93–100.

Legal Regime for the Enforcement of Foreign Court Judgments and Arbitral Awards in the Eurasian Economic Union

Ekaterina M. Kurochkina

St. Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation; kurochkina.e.m@yandex.ru

ABSTRACT

In today's world, there is intense competition between integration entities that are working to strengthen and expand their political and economic positions. This article examines the movement of the Eurasian Economic Union in this direction.

Aim. To propose a way to ensure a common legal space in the Eurasian Economic Union.

Tasks. To analyse the regulation in force in the Eurasian Economic Union on the execution of court judgments and arbitral awards, to identify problems that member states of the Eurasian Economic Union may encounter in the execution of court judgments and arbitral awards.

Methods. In this work were used both general scientific methods of knowledge: analysis, synthesis, generalization, and particular scientific methods: formal-logical, formal-legal, comparative-legal, method of legal prediction.

Results. One of the most acute problems faced by states in the execution of judicial and arbitral decisions is the problem of execution of annulled judicial or arbitral decisions. To prevent this problem within the European Economic Union, the author considers that the members of the European Economic Union should not accede to the Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Judgements in Civil or Commercial Matters of 2 July 1958, as it does not resolve the fate of annulled judgements. With regard to arbitral awards, it would be desirable for the Member States of the European Economic Union to conclude between themselves a protocol to the Convention on the Recognition and Enforcement of Arbitral Awards of 10 June 1958, which would exclude the enforceability of annulled arbitral awards in all the States parties to the Protocol. The drafting of this additional protocol could be entrusted to the Eurasian Economic Commission of the European Economic Union.

Conclusions. The Eurasian Economic Union needs to create a predictable legal space, which would primarily be ensured by the free movement of judicial and arbitral decisions.

Keywords: eurasian integration, international commercial arbitration, enforcement of judgments, enforcement of arbitral awards, setting aside an arbitral award

For citing: Kurochkina E. M. Legal Regime for the Enforcement of Foreign Court Judgments and Arbitral Awards in the Eurasian Economic Union // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 93–100.

Введение

В настоящее время в условиях стремительно набирающей темпы глобальной экономической конкуренции происходит активизация трансграничных интеграционных процессов. Интеграционные объединения стремятся создать наиболее благоприятные юридико-экономические условия для деятельности хозяйствующих субъектов государств-членов. Чем эффективнее будет функционировать то или иное интеграционное объединение, тем привлекательнее оно будет для присоединения к нему новых государств. По сути дела, эти союзы стремятся максимально расширить зону своего влияния, что привело к появлению такого феномена, как интеграция интеграций. Этим термином обозначается процесс создания широких по составу межрегиональных и межконтинентальных политико-экономических объединений. Как было отмечено Президентом Российской Федерации В. В. Путиным на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, интеграцию интеграций следует всячески поддерживать и развивать¹.

Одним из примеров интеграции интеграций являются планы Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) по вовлечению третьих государств в зону своего влияния. Развитие ЕАЭС как интеграции интеграций отражено в документе «Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года»². В документе указаны конкретные направления сотрудничества с другими

¹ 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке [Электронный ресурс]. 28 сентября 2015 г. // Сайт Президента России. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 01.11.2021).

² О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года : решение № 12 Высшего Евразийского экономического совета от 11 декабря 2020 г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01228321/err_12012021_12 (дата обращения: 01.11.2021).

государствами и интеграционными объединениями. ЕАЭС должна стать привлекательной площадкой для бизнеса, устойчивым и долгосрочным проектом [4, с. 10].

ЕАЭС для обеспечения эффективного экономического сотрудничества необходимо сформировать полноформатное единое правовое пространство. Как отмечает профессор Г. Г. Шинкарецкая, интеграция государств представляет собой «процесс целенаправленного внесения изменений в правовые порядки государств... с целью их унификации в определенных областях» [5, с. 200]. По мнению профессора С. В. Бахина, «создание единого экономического и политического пространства находится в прямой зависимости от эффективности создаваемого для их упорядочения правового регулирования» [1, с. 90].

В настоящей статье будет рассмотрен только один аспект обеспечения единого правового пространства, который, с нашей точки зрения, является чрезвычайно важным, — свободное движение судебных решений национальных судебных органов и международных коммерческих арбитражей (далее — МКА).

Свободное трансграничное движение судебных и арбитражных решений осуществляется, как правило, на основании многосторонних или двусторонних договоров. Так, Европейскому союзу (далее — ЕС) в этих целях потребовалось принять Брюссельскую конвенцию по вопросам юрисдикции и принудительного исполнения судебных решений в отношении гражданских и коммерческих споров¹ (далее — Брюссельская конвенция 1968 г.), которая впоследствии была заменена на Регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета ЕС «О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам»².

В отличие от стран — участниц ЕС государствам, входящим в ЕАЭС, нет необходимости принимать специальные соглашения о признании и приведении в исполнение иностранных судебных (наподобие Брюссельской конвенции 1968 г.) или арбитражных решений.

Исполнение судебных решений

Применительно к судебным решениям для участников ЕАЭС действуют принятые в рамках СНГ соглашения: Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.³ (далее — Минская конвенция 1993 г.) и Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г.⁴ (далее — Киевское соглашение 1992 г.). Помимо этого, между некоторыми странами — членами ЕАЭС действуют двусторонние соглашения о правовой помощи, в которых предусмотрено взаимное исполнение судебных решений. Что касается арбитражных решений, то все члены ЕАЭС являются участниками Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение арбитражных решений от 10 июня 1958 г. (далее — Нью-Йоркская конвенция 1958 г.)⁵.

В учредительных документах ЕАЭС ничего не говорится о специфике действия многосторонних (в т. ч. универсальных) международных договоров в рамках ЕАЭС. Более того, специалистами подобные договоры даже не рассматриваются в качестве составной части правовой системы ЕАЭС. Так, например, Ж. Т. Исакова, рассматривая соотношение права ЕАЭС с международным правом, отмечает, что,

¹ Brussels Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters. Consolidated version // Official Journal. C 27, 26.01.1998. P. 1–27.

² О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам : регламент № 1215/2012 Европейского парламента и Совета Европейского союза, принят 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс] // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&rnd=004BD5A1C8C26986E62903952ABD418D&base=INT&n=60717&dst=100528&field=134&stat=src fld%3D3%26src%3D1%26code%3D16876%26page%3D5%26p%3D4%26base%3DINT%26doc%3D48647#uYM8xoSTklTrPzPJ> (дата обращения: 01.11.2021).

³ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. Заключена в г. Минске 22.01.1993 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 17. Ст. 1472.

⁴ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности (г. Киев, 20.03.1992) // Содружество. Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ. 1993. № 1.

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. : международный договор от 10 июня 1958 г. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по международной торговле. URL: <https://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/NY-conv/New-York-Convention-R.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

согласно ст. 6 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее — Договор о ЕАЭС), в право Союза входят три категории международных договоров:

- 1) Договор о ЕАЭС;
- 2) международные договоры в рамках Союза;
- 3) международные договоры Союза с третьей стороной [3, с. 102].

Особо решается вопрос о действии в рамках ЕАЭС некоторых соглашений, входящих в право ВТО [Там же, с. 123]. Отмечая, что координация между правом ЕАЭС и международным правом могла бы быть выражена в актах Союза более четко и последовательно [Там же, с. 105], Ж. Т. Исакова ничего не говорит о тех многосторонних соглашениях, которые были заключены помимо ЕАЭС, но в которых участвуют все государства — члены ЕАЭС.

Государствам — членам ЕАЭС нет необходимости разрабатывать специальные соглашения относительно признания и приведения в исполнение судебных и арбитражных решений, ибо такие соглашения уже существуют и эффективно используются странами ЕАЭС. Это, однако, не означает, что участники ЕАЭС не могут скорректировать действие таких договоров применительно к отношениям внутри ЕАЭС.

Возможность такой корректировки базируется на положениях Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., в ст. 41 которой предусмотрено, что участники многостороннего договора могут заключить соглашение об изменении договора только во взаимоотношениях между собой¹. При этом такое изменение должно быть предусмотрено самим договором или не должно быть запрещено им.

Однако возникает вопрос, есть ли необходимость в такой корректировке. С нашей точки зрения, необходимость в этом существует.

В настоящее время Гаагской конференцией по международному частному праву разработана и предложена к подписанию и ратификации Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам от 2 июля 2019 г. (далее — Конвенция 2019 г.)². Вопрос о присоединении к Конвенции 2019 г. встанет и перед государствами — членами ЕАЭС.

В Конвенции 2019 г. в своеобразной форме решается вопрос о ее соотношении с другими соглашениями, в которых регламентируется вопрос о признании и исполнении иностранных судебных решений. Этому вопросу посвящена ст. 23 под названием «Соотношение с другими международными инструментами».

В ст. 23 предусмотрено: «Настоящая Конвенция должна, насколько это возможно, толковаться как соотносимая с другими действующими международными договорами Договаривающихся государств, заключенными как до, так и после настоящей Конвенции»³. На первый взгляд, Конвенция 2019 г. не должна конкурировать с Минской конвенцией 1993 г., Киевским соглашением 1992 г. и двусторонними международными договорами, предусматривающими признание и приведение в исполнение иностранных судебных решений. Однако словосочетание «насколько это возможно» заставляет усомниться в однозначности истолкования смысла ст. 23 Конвенции 2019 г.

Дело в том, что от высших судебных инстанций Российской Федерации исходят противоречивые указания относительно соотношения международных договоров. Первоначально вопрос о конкуренции договоров нашел разрешение в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 «О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса» (далее — Постановление ВАС 1999 г.). В п. 3 данного постановления было установлено: «Суд учитывает, что двусторонний международный договор является специальным нормативным актом по отношению к многосторонним международным договорам регионального и всеобщего

¹ Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 01.11.2021).

² Конвенция о признании и приведении в исполнение иностранных судебных решений по гражданским или коммерческим делам от 2 июля 2019 г. // Гаагская Конференция по международному частному праву. URL: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/status-table/?cid=137> (дата обращения: 01.11.2021).

³ Цитируется по неофициальному переводу текста Конвенции, размещенному на сайте Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7603/> (дата обращения: 01.11.2021).

го характера»¹. Иными словами, при коллизии между международными договорами было предложено принимать в расчет количество участников договора.

Однако 9 июня 2019 г. было принято Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» (далее — Постановление 2019 г.). В нем установлено совершенно иное правило относительно соотношения международных договоров. В абз. 3 п. 4 предусмотрено: «По общему правилу, специальные нормы международного договора подлежат приоритетному применению по отношению к общим нормам другого международного договора независимо от количества участников соответствующих международных договоров и дат их принятия, если нормами таких международных договоров не установлено иное»².

Учитывая название и содержание Постановления ВАС 1999 г., следует прийти к выводу, что указанные в нем положения характерны лишь для договоров по вопросам арбитражного процесса. Однако в большинстве государств отсутствует разграничение процесса на гражданский и арбитражный. К тому же получается, что по отношению к другим вопросам (не относящимся к арбитражному процессу) необходимы отдельные постановления, но их принято не было [2, с. 39–40].

Поэтому вопрос о соотношении Конвенции 2019 г. и соглашений относительно признания и исполнения судебных решений, действующих между странами ЕАЭС, требует специального разрешения. Впрочем, учитывая серьезные изъяны, которые имеются в Конвенции 2019 г. (о некоторых из них будет сказано ниже), странам — участницам ЕАЭС не следует торопиться с присоединением к Конвенции 2019 г.

Указывая, что членам ЕАЭС не следует присоединяться к Конвенции 2019 г., мы имеем в виду, что в ней не нашел своего разрешения чрезвычайно важный вопрос — о судьбе отмененных судебных решений. Речь идет о случаях, когда вступившее в силу судебное решение одного государства приводится в исполнение в другом, а в это время в первом государстве оно отменяется либо пересматривается.

Исполнение арбитражных решений

Не менее важное значение, чем судебные решения, имеют решения МКА. Следует принять во внимание, что участники трансграничных отношений очень часто предпочитают арбитражное рассмотрение споров, поскольку оно является наиболее быстрым, конфиденциальным, имеет менее формализованную процедуру рассмотрения, чем рассмотрение спора в государственном суде.

Вопрос об исполнении арбитражных решений для государств — участников ЕАЭС является простым. Поскольку они являются участниками Нью-Йоркской конвенции 1958 г., то им не потребуется заключать специального соглашения по этому вопросу. Однако в отношении Нью-Йоркской конвенции 1958 г. существует та же проблема, что и применительно к Конвенции 2019 г., т. е. возможность признания и исполнения отмененных иностранных решений. Полагаем, что государствам — участникам ЕАЭС не имеет смысла разрабатывать специальный договор, потому что Нью-Йоркская конвенция 1958 г. является достаточно удобным инструментом. Однако представляется, что государствам — участникам ЕАЭС желательно заключить между собой протокол к этой конвенции, который бы исключал возможность исполнения отмененных арбитражных решений во всех государствах — участниках Протокола.

Разработка проекта дополнительного протокола к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. может быть поручена Евразийской экономической комиссии ЕАЭС (далее — ЕЭК ЕАЭС). ЕЭК ЕАЭС занимается обеспечением условий функционирования ЕАЭС, разработкой предложений по развитию интеграции, что предполагает деятельность по унификации национальных законодательств. В настоящее время ЕЭК ЕАЭС ведет работу по вопросу создания в рамках ЕАЭС специального арбитража для рассмотрения споров по

¹ О действии международных договоров Российской Федерации применительно к вопросам арбитражного процесса : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 8 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23447/(дата обращения: 01.11.2021).

² О применении норм международного частного права судами Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июня 2019 г. № 24 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328771/(дата обращения: 01.11.2021).

заявлениям компаний государств — участников ЕАЭС¹. Работа ЕЭК ЕАЭС по созданию МКА означает, что ЕАЭС придает особое значение арбитражной процедуре разрешения споров и готов к созданию благоприятных условий для свободного движения арбитражных решений.

При разработке дополнительного протокола к Нью-Йоркской конвенции 1958 г. следует учесть следующие положения.

1. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. в пп. «е» п. 1 ст. V предусматривает: «В признании и приведении в исполнение арбитражного решения *может быть* отказано по просьбе той стороны, против которой оно направлено, только если эта сторона представит компетентной власти по месту, где испрашивается признание и приведение в исполнение, доказательства того, что: ...е) решение еще не стало окончательным для сторон или было отменено или приостановлено исполнением компетентной властью страны, где оно было вынесено, или страны, закон которой применяется» (курсив наш. — Е. К.).

Осуществляя признание и исполнение отмененных арбитражных решений, государственные суды ссылаются на условный характер данного положения (словосочетание «может быть»), которое, на первый взгляд, допускает исполнение отмененных арбитражных решений.

Вместе с тем признание в иностранном государстве отмененного арбитражного решения создает ситуацию юридической неопределенности. Одна из сторон, которая добилась отмены судебного или арбитражного решения в государстве его вынесения, может столкнуться с тем, что в одной стране она будет защищена от исполнения этого решения, а в другой — нет, поскольку там можно будет исполнить отмененное решение.

Отмена арбитражного решения может привести к вынесению нового решения между теми же сторонами, по тому же предмету и по тем же основаниям, которое может быть противоположным первоначальному. Стороны могут столкнуться с тем, что будут признаны и исполнены два прямо противоположных арбитражных решения: отмененное арбитражное решение и последующее решение. Перед государством, где было исполнено отмененное арбитражное решение, может быть поставлен вопрос об исполнении последующего арбитражного решения. Государство, выполняя свои обязательства по Нью-Йоркской конвенции 1958 г., должно признать такое решение и привести его в исполнение. Это приведет к нарушению принципа *lis pendens*, когда в одном государстве будут действовать два решения между теми же сторонами, по одному и тому же предмету и по тем же основаниям.

Учитывая возможность наступления вышеизложенных негативных последствий, решение международного коммерческого арбитража, отмененное по месту его вынесения, не должно быть исполнено как в том государстве, где оно было вынесено, так и в любом ином государстве, где будет испрашиваться его исполнение.

2. Положения пп. «е» п. 1 ст. V Нью-Йоркской конвенции 1958 г. устанавливают, что отмена арбитражного решения должна быть осуществлена «компетентной властью страны, где оно было вынесено, или страны, закон которой применяется» (курсив наш. — Е. К.).

Нью-Йоркская конвенция 1958 г. не содержит определения понятия «компетентная власть». Представляется, что под компетентной властью следует понимать государственный суд, компетентный осуществлять отмену арбитражного решения. Подобная трактовка согласуется с положениями Типового закона ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли [англ. United Nations Commission on International Trade Law, UNCITRAL]) о международном коммерческом арбитраже 1985 г. (далее — Типовой закон ЮНСИТРАЛ 1985 г.)², в котором закреплено, что государства при введении в действие Типового закона ЮНСИТРАЛ 1985 г. указывают суд, суды или иной компетентный орган, производящие отмену арбитражного решения.

¹ Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 г., утвержденные распоряжением ЕЭК ЕАЭС № 166 от 17 ноября 2020 г. [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://docs.eaeunion.org/ru-ru/Pages/AllDocuments.aspx#search=%22арбитраж%22> (дата обращения: 01.11.2021).

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже, принят ЮНСИТРАЛ 21 июня 1985 г., в ред. 2006 г. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

Формулировка «компетентная власть страны, где оно было вынесено» означает государственный суд по месту арбитража¹. Стороны в своем соглашении выбирают место арбитража. Как правило, место арбитража совпадает с местом нахождения арбитражного института, в который стороны передали спор. Однако стороны вправе договориться об ином месте проведения арбитражного разбирательства.

В свою очередь, под словосочетанием «компетентная власть страны, закон которой применяется» необходимо понимать государственный суд страны, закон которой стороны выбрали для регулирования арбитражной процедуры. На основе соглашения стороны могут установить процессуальные нормы, которые будут регулировать арбитражное разбирательство [6, р. 350].

Таким образом, отмена арбитражного решения должна быть осуществлена государственным судом страны места арбитража или государственным судом страны, закон которой стороны выбрали для регулирования арбитражной процедуры.

3. Нью-Йоркская конвенция 1958 г. не устанавливает оснований отмены арбитражного решения. Вместе с тем при рассмотрении ходатайства о признании и исполнении арбитражного решения суды анализируют основания отмены арбитражного решения.

Основания отмены арбитражного решения регламентированы Типовым законом ЮНСИТРАЛ 1985 г., на основе которого приняты национальные правовые акты во многих юрисдикциях. Вместе с тем законодательство некоторых государств предусматривает иные основания отмены арбитражного решения. Например, в Великобритании арбитражное решение может быть отменено в связи с неправильным применением права в ходе арбитражного разбирательства².

Таким образом, при рассмотрении ходатайства об исполнении отмененного арбитражного решения судам следует анализировать основания отмены такого решения. В случае если арбитражное решение было отменено по основаниям, указанным в национальных актах государства, производящего отмену решения, то в исполнении арбитражного решения должно быть отказано.

Заключение

Проведенный нами анализ показывает, что исполнение отмененных как судебных, так и арбитражных решений, представляется неблагоприятным фактором с точки зрения стабильности гражданского процесса. Получив судебное или арбитражное решение, лицо убеждено, что его интересы будут защищены в любом государстве. Однако исполнение отмененных судебных или арбитражных решений влечет неопределенность и противоречия в правовом положении участников судебного или арбитражного разбирательства.

Именно поэтому государствам — участникам ЕАЭС необходимо придать особое значение созданию благоприятных условий для свободного и эффективного перемещения судебных и арбитражных решений. Более того, усовершенствование арбитражной процедуры в части, касающейся отказа в исполнении отмененного арбитражного решения, станет прогрессивным развитием международно-правового регулирования функционирования МКА.

Литература

1. *Бахин С. В.* Право интеграционных образований: вопросы конкуренции систем права // Международные отношения и право: взгляд в XXI век : материалы конференции в честь профессора Л. Н. Галенской. 2009. С. 90–145.
2. *Бахин С. В., Игнатьев А. С.* Международные договоры: коллизионное измерение // Закон. 2020. № 6. С. 34–44.

¹ Руководство по Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 1958 г.), 2016 г. [Электронный ресурс] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/v1604041_ebook-r.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

² Пп. «d» п. 7 ст. 69 Arbitration Act 1996 г. [Электронный ресурс] // Публикации законодательства Великобритании. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/23/data.pdf> (дата обращения: 01.11.2021).

3. *Искакова Ж. Т.* Система интеграционного права Евразийского экономического союза. Международное право : дисс. ... д-ра филос. наук. Республика Казахстан, Нур-Султан, 2020. С. 181.
4. *Путин В. В.* Новый интеграционный проект для Евразии — будущее, которое рождается сегодня // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2011. № 10. С. 10–14.
5. *Шинкарецкая Г. Г.* Глобализация мировой экономики и региональная интеграция // Глобализация, государство, право, XXI век : материалы Московского юридического форума. 2004. С. 199–202.
6. *Van den Berg A. J.* The New York Arbitration Convention of 1958. T. M. C. Asser Institute. The Hague, 1981. P. 480.

Об авторе:

Екатерина Михайловна Курочкина, аспирант кафедры международного права Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
kurochkina.e.m@yandex.ru

References

1. Bakhin S. V. Law of Integration Formations: Questions of Competition of Systems of Law // International Relations and Law: A Look into XXI Century [Mezhdunarodnye otnosheniya i pravo: vzglyad v XXI vek]: Materials of the Conference in Honor of Professor L. N. Galenskaya. 2009. P. 90–145. (In Rus.)
2. Bakhin S. V., Ignatiev A. S. International Treaties: The Collision Dimension // Law [Zakon]. 2020. No. 6. P. 34–44. (In Rus.)
3. Iskakova J. T. System of Integration Law of the Eurasian Economic Union. International Law : D. thesis for the degree of Doctor of Philosophy. Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan. 2020. P. 181. (In Rus.)
4. Putin V. V. A New Integration Project for Eurasia — a Future that Is Born Today // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2011. No. 10. P. 10–14. (In Rus.)
5. Shinkaretskaya G. G. Globalisation of the World Economy and Regional Integration // Globalisation, State, Law, XXI Century : Materials of Speeches of Moscow Legal Forum. 2004. P. 199–202. (In Rus.)
6. Van den Berg A. J. The New York Arbitration Convention of 1958. T. M. C. Asses Institute. The Hague, 1981. P. 480.

About the author:

Ekaterina M. Kurochkina, Postgraduate student at the Department of International Law of St. Petersburg University (Saint Petersburg, Russian Federation); kurochkina.e.m@yandex.ru

10 лет в глобальном мире : сборник интервью / гл. ред. И. С. Иванов; [сост. А. В. Кортунов, И. Н. Тимофеев, Е. О. Карпинская]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2021. 668 с.

Сборник представляет собой уникальное издание, подготовленное к 10-летию РСМД. В издание вошли интервью видных государственных и общественных деятелей, ведущих представителей экспертного сообщества России, анализирующих внешнюю политику России и ее деятельность в разных регионах и разных сферах (от стратегической безопасности до образования и культуры), вызовы и угрозы, стоящие перед страной, и перспективы развития отношений России с мировым сообществом.

Книга представит интерес для экспертов-международников, государственных служащих, практиков, журналистов, студентов, широкого круга читателей.

Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19¹

Арсентьева И. И.

Институт философии и права Уральского отделения РАН, Екатеринбург, Российская Федерация; airen1@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Настоящее исследование направлено на изучение китайской международной инициативы «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19, задавшей новые параметры выстраивания миропорядка и выдвинувшей в качестве основных ценностей жизнь и здоровье.

Цель. Проанализировать проект «Шелковый путь здоровья» как значимую часть «Пояса и пути», направленную, согласно официальным заявлениям китайского руководства, на улучшение систем здравоохранения и здоровья населения стран-участников.

Задачи. Проследить генезис проекта «Шелковый путь здоровья»; охарактеризовать основные шаги, предпринимаемые Китаем в рамках данной инициативы начиная с весны 2020 г.; определить ее значимость для внутренней и внешней политики КНР; проанализировать основные выгоды и риски для участников проекта.

Методология. При работе с научной литературой по развитию «Пояса и пути» в условиях пандемии применялись методы критического и сравнительного анализа. Широко использовался анализ источников — статистических данных, правительственных документов, материалов аналитических центров, выступлений официальных должностных лиц, документов интеграционных объединений и международных организаций, опросов общественного мнения и т. д.

Результаты. Обоснована востребованность гуманитарного (медицинского) направления сотрудничества на современном этапе; охарактеризована «масочная дипломатия» Китая, ее значимость для внутренней и внешней политики страны, в том числе влияние на международный имидж; проанализированы мнения западных экспертов; дана оценка инициативе «Построить заново лучший мир» (Build Back Better World), которая выдвинута странами G7 как «демократическая альтернатива» китайскому проекту.

Выводы. На основании полученных результатов сделан вывод о том, что пандемия COVID-19 продемонстрировала гибкость политики Китая, который смог адаптироваться к нестабильной международной обстановке, найти новые возможности и векторы развития, в том числе посредством сотрудничества в рамках «Шелкового пути здоровья», который с большой долей вероятности останется значимым направлением «Пояса и пути» по окончании пандемии.

Ключевые слова: интеграция, пандемия COVID-19, Китай, «Пояс и путь», «Шелковый путь здоровья», «масочная дипломатия»

Для цитирования: Арсентьева И. И. Курс на здоровье: китайская инициатива «Пояс и путь» в условиях пандемии COVID-19 // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 101–110.

The Route to Health: China's Belt and Road Initiative in COVID-19 Pandemic

Irina I. Arsenyeva

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russian Federation; airen1@yandex.ru

¹ В разных источниках встречаются разные названия проекта: «Пояс и путь», «Один пояс — один путь», «Новый Шелковый путь». Здесь и далее по тексту будет использоваться наименование «Пояс и путь» как наиболее частотное в международном политическом лексиконе и китайских официальных документах, переведенных на английский язык.

ABSTRACT

This study examines the China's Belt and Road Initiative in the context of the COVID-19 pandemic, which has created new parameters for building the world order, putting forward life and health as the main values.

Aim. The study aims to analyze the Health Silk Road project as a Belt and Road's important part which, according to the Chinese government's statements, seeks to improve the health systems and health of the population of the participating countries.

Tasks. The author traces the genesis of the Health Silk Road project; describes the main measures taken by China within the framework of this initiative since the spring of 2020; determines its significance for the PRC's domestic and foreign policy; analyzes the main benefits and risks for the project participants.

Methods. When working with scientific literature on the development of the Belt and Road Initiative under pandemic conditions, methods of critical and comparative analysis are applied. The author also analyzes the primary sources — statistical data, government documents, analytical materials, speeches by officials, papers of integration unions and international organizations, public opinion polls, etc.

Results. The demand for humanitarian (medical) cooperation at the present stage is substantiated; the PRC's "mask diplomacy" and its importance for domestic and foreign policy, including impact on the image of the State, are characterized; the opinions of Western experts are analyzed; the assessment of the Build Back Better World Initiative undertaken by G7 countries as a "democratic alternative" to the Chinese project is given.

Conclusion. Based on the results of the study, it is concluded that the COVID-19 pandemic has demonstrated the flexibility of China's policy, which was able to adapt to the unstable international situation, find new opportunities and development vectors, including the Health Silk Road, which is likely to remain a significant direction of the Belt and Road Initiative in a post-COVID-19 world.

Keywords: integration, COVID-19 pandemic, China, the Belt and Road Initiative, the Health Silk Road, "mask diplomacy"

For citing: Arsent'yeva I. I. The Route to Health: China's Belt and Road Initiative in COVID-19 Pandemic // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 101–110.

Введение

Пандемия новой коронавирусной инфекции, о начале которой Всемирная организация здравоохранения (далее — ВОЗ) объявила 11 марта 2020 г., негативно сказалась на интеграционных процессах по всему миру: введение жестких карантинных ограничений вплоть до национальных локдаунов и закрытия границ критически снизило темпы экономического роста, показатели международной торговли и мобильность населения, нанесло серьезный урон сложившимся торгово-экономическим и транспортным коммуникациям.

Сегодня практически все интеграционные проекты различных уровней, масштабов и форм испытывают серьезные проблемы. Так, по итогам 2020 г. ВВП Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) сократился на 2,9%, объем промышленного производства — на 2,7%, взаимная торговля — на 11%¹. Однако проблемы возникают не только у молодых, неустоявшихся объединений (в этом случае можно сказать, что «где тонко, там и рвется»), но и у проверенных временем проектов. Более того, пожалуй, наиболее серьезный удар по идеям интеграции как таковым наносит ситуация, сложившаяся в Европейском союзе (далее — ЕС), наднациональные органы которого в критический момент продемонстрировали неспособность скоординировать усилия своих членов по предотвращению распространения заболевания. В самом начале пандемии Х. Шмидинг, главный экономист старейшего немецкого банка Berenberg, предупреждал: «Реакция ЕС и еврозоны на беспрецедентную чрезвычайную ситуацию, связанную с пандемией COVID-19, может сформировать отношение к европейской интег-

¹ Об итогах и перспективах социально-экономического развития государств-членов Евразийского экономического союза и мерах, предпринятых государствами-членами в области макроэкономической политики: доклад за 2020 г. М. : Евразийская экономическая комиссия, 2021.

рации на десятилетия вперед»¹. В конце первого пандемийного года эксперты Института Европы РАН констатировали следующее: несмотря на то что Брюссель и государства ЕС сделали многое для исправления допущенных в начале пандемии ошибок, урон, в том числе в глазах общественного мнения, оказался существенным [1]. Так, данные социологического опроса, проведенного в Италии в июле 2020 г. британской компанией Redfield & Wilton Strategies, показывают, что почти 50% итальянцев готовы поддержать референдум о выходе из ЕС (в исследовании 2018 г. число евроскептиков составляло 30%)².

В этой связи возникает вопрос: существуют ли интеграционные проекты, которые эффективно (более эффективно, чем остальные) реализуются в условиях пандемии? Представляется, что наиболее показательным примером того, что и в самой сложной ситуации можно найти новые возможности для развития, является китайская международная инициатива «Пояс и путь», включающая два взаимосвязанных проекта — «Экономический пояс Шелкового пути» (далее — ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века»³. Главная цель — интеграция экономики КНР в мировую экономическую систему посредством двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества, которые позволят за счет привлечения при необходимости китайских инвестиций создать торговые коридоры с требуемой транспортной и энергетической инфраструктурой (железные и шоссейные дороги, порты, электросети, нефте- и газопроводы, логистические хабы и т. д.), ведущие из Китая в Европу, другие страны Азии и Африку (именно эти регионы выделены как приоритетные, хотя проект открыт для присоединения любых заинтересованных государств и организаций).

Целью данной работы является характеристика того, как Китай адаптирует «Пояс и путь» к пандемийным реалиям, развивая такое направление взаимодействия, как «Шелковый путь здоровья». Выбор для анализа именно этого вектора обусловлен текущими условиями пандемии: вспышка COVID-19 задала новые параметры выстраивания миропорядка, выдвинув в качестве основных ценностей жизнь и здоровье.

Для достижения данной цели планируется решить ряд взаимосвязанных задач: проследить генезис проекта «Шелковый путь здоровья»; охарактеризовать основные шаги, предпринимаемые Китаем в рамках данной инициативы начиная с весны 2020 г.; определить ее значимость для внутренней и внешней политики КНР; проанализировать основные выгоды и риски для участников проекта.

Китайский «мост здоровья» в условиях пандемии

Инициатива «Пояс и путь», впервые официально озвученная председателем КНР Си Цзиньпином осенью 2013 г. в ходе визитов в Казахстан и Индонезию, по сути, является продолжением политики реформ и открытости в современных условиях. В связи с названием проекта многие сначала восприняли его как попытку возрождения Великого шелкового пути. Однако китайское руководство постоянно подчеркивает, что подобная историческая аллюзия — это скорее символ взаимодействия между Востоком и Западом. Любое государство, любая международная организация могут присоединиться к проекту, который считается самым масштабным в современной мировой экономике. Так, в последнем предпандемийном форуме, который прошел в Пекине в апреле 2019 г., приняли участие представители более 150 стран и международных организаций, в том числе 37 глав государств и правительств. При этом проект не ограничивается торгово-экономической сферой. Китайское руководство, ориентируясь на многомерный подход, предлагает развивать пять основных областей сотрудничества («пять связей»): политическая координация, инфраструктурная взаимосвязанность, либерализация торговли, свободное перемещение капитала, укрепление взаимопонимания между народами.

¹ Eurogroup Falls Short of Economic Deal to Fight Coronavirus [Электронный ресурс] // POLITICO. 08.04.2020. URL: <https://www.politico.eu/article/eurogroup-talks-to-save-eu-economy-gridlocked-over-credit-lines-corona-bonds/> (дата обращения: 25.07.2021).

² The Wave of Frustration: Italians Demand an Exit from the EU [Электронный ресурс] // USA Today News. 30.07.2020. URL: <https://usatodaynews.live/1549-the-wave-of-frustration-italians-demand-an-exit-from-the-eu.html> (дата обращения: 25.07.2021).

³ При анализе «Пояса и пути» интеграция будет пониматься преимущественно в широком смысле, т. е. как одно из магистральных направлений развития мира, процесс объединения его частей в единое целое, что происходит в различных сферах, формах и на разных уровнях.

В первом квартале 2020 г. на фоне вспышки новой коронавирусной инфекции, первичным очагом которой стал китайский Ухань, наблюдался ощутимый спад экономической активности Китая, в том числе в рамках «Пояса и пути». В июне китайская сторона сделала заявление о том, что пандемия негативно сказалась на реализации более половины текущих проектов¹. Однако уже осенью Министерство коммерции КНР отчиталось об улучшении ситуации. В целом по итогам 2020 г. объем торговли между Китаем и странами — участниками «Пояса и пути» вырос на 1% по сравнению с 2019 г., составив около 1,45 трлн долл.² За первые шесть месяцев 2021 г. торговый оборот достиг 826 млрд долл. (29,6% от общего объема китайской внешней торговли), увеличившись на 27,5% в годовом исчислении³. Немаловажную роль в преодолении кризиса сыграли мероприятия в рамках проекта «Шелковый путь здоровья».

Следует отметить, что данная инициатива не возникла как ответ на пандемию COVID-19. Еще в 2016 г. Си Цзиньпин заявил о необходимости для стран — участников ЭПШП усилить совместную работу в данном направлении, а в январе 2017 г. КНР подписала Меморандум о взаимопонимании с ВОЗ в области здравоохранения по программе «Пояса и пути», взяв на себя обязательство построить «мост здоровья» между странами-участниками — организовать совместную работу по улучшению национальных систем здравоохранения. Для этого предлагались следующие меры: расширение сотрудничества в подготовке медицинского персонала и профилактике основных инфекционных заболеваний, проведение совместных мероприятий соответствующей тематики, продвижение на международный рынок произведенных в Китае лекарственных препаратов, популяризация традиционной китайской медицины и др. В августе того же года в Пекине прошел специальный форум, посвященный «Шелковому пути здоровья». Выступая на нем, генеральный директор ВОЗ Т. Гебреисус подчеркнул, что в инициативе «Пояс и путь» заложены все необходимые предпосылки для глобального охвата услугами здравоохранения: инфраструктура, доступ к лекарственным средствам, человеческие ресурсы, платформа для обмена опытом и распространения передовой практики⁴.

Несмотря на столь многообещающее начало, идея «моста здоровья» не обрела конкретные очертания, основной упор делался на инфраструктурные проекты. Ситуация существенно изменилась под влиянием пандемии COVID-19. В марте 2020 г., когда ее угроза только начинала осознаваться в мире, в китайском Ухане закрыли последнюю из временных больниц для лечения пациентов с коронавирусом. Пекин сделал заявление о стабилизации ситуации внутри страны и, широко используя инфраструктуру «Пояса и пути», приступил к отправке медицинских товаров другим государствам. Это было особенно актуально на фоне усиления национального протекционизма в данной сфере: к середине апреля более 80 государств ввели запрет на экспорт медицинских масок и респираторов; во многих странах запрет распространялся также на средства дезинфекции, защитные костюмы, очки, перчатки и т. д.

В конце апреля Пекин отчитался о предоставлении помощи 82 государствам, а китайские благотворительные фонды Alibaba Foundation и Jack Ma Foundation — более 150 странам. Многие крупные компании (Huawei, Oppo, Xiaomi и др.) пожертвовали средства индивидуальной защиты и медицинское оборудование странам, в которых работают. Показательно, что существенная помощь была оказана государствам Европы, особенно заметная на фоне пассивности институтов ЕС. Президент Сербии А. Вучич, вводя в марте 2020 г. чрезвычайное положение и комментируя запрет Брюсселя на поставки медицинского оборудования в страны, не входящие в Евросоюз, заявил, что европейская солидарность существует только на бумаге, реальную помощь в критический момент можно ждать только со стороны «сербского друга и брата» — Китая⁵.

¹ China Says One-Fifth of Belt and Road Projects 'Seriously Affected' by Pandemic [Электронный ресурс] // Reuters. 19.06.2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-china-silkroad-idUSKBN23Q0I1> (дата обращения: 20.07.2021).

² Review of China's Foreign Trade in 2020 [Электронный ресурс] // The General Administration of Customs of the People's Republic of China. 14.01.2021. URL: <http://english.customs.gov.cn/Statics/436edfa3-b30d-45cd-8260-7d5baf34a5a8.html> (дата обращения: 10.08.2021).

³ China Reports Robust Trade with Countries along B&R in H1 [Электронный ресурс] // China.org.cn. 13.07.2021. URL: http://www.china.org.cn/china/Off_the_Wire/2021-07/13/content_77624780.htm?f=pad&a=true (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ Towards a Health Silk Road [Электронный ресурс] // World Health Organization. 18.08.2017. URL: <https://www.who.int/director-general/speeches/detail/towards-a-health-silk-road> (дата обращения: 27.08.2021).

⁵ Serbia Imposes State of Emergency, Pleads for China's Help [Электронный ресурс] // Balkan Insight. 16.03.2020. URL: <https://balkaninsight.com/2020/03/16/serbia-imposes-state-of-emergency-pleads-for-chinas-help/> (дата обращения: 10.08.2021).

После решения США заморозить выплаты в бюджет ВОЗ Пекин выделил организации дополнительные 50 млн долл. и оказал экономическую поддержку некоторым пострадавшим странам посредством выдачи льготных кредитов. В мае председатель КНР Си Цзиньпин в своем выступлении на открытии 73-й ежегодной сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения заявил, что Китай в течение следующих двух лет выделит еще 2 млрд долл. на борьбу с коронавирусом и поддержку пострадавших от эпидемии стран, в первую очередь развивающихся¹. В белой книге «Борьба с COVID-19: Китай в действии»², опубликованной информационным бюро Госсовета КНР в июне 2020 г., приводились данные, что на 31 мая Китай отправил 29 медицинских экспертных групп в 27 стран и предложил помощь 150 государствам и 4 международным организациям.

Согласно данным Главного таможенного управления КНР, с марта по декабрь 2020 г. было экспортировано 224,2 млрд защитных масок; 2,92 млрд пар хирургических перчаток; 1,08 млрд тест-систем; 773 млн медицинских защитных костюмов и 271 тыс. аппаратов ИВЛ³. При этом часть грузов передавалась как гуманитарная помощь от лица китайского правительства, коммерческих и некоммерческих организаций. На сегодняшний день Китай занимает абсолютное первое место в мире по объемам безвозмездных поставок, хотя ради справедливости стоит отметить, что он обладает определенными козырями для оказания столь масштабной помощи, являясь крупнейшим в мире производителем аппаратов ИВЛ и средств индивидуальной защиты. Так, в 2018 г. 44% мирового экспорта масок для лица приходилось именно на Китай, за ним с большим отставанием следовали Германия (7%) и США (6%)⁴.

В начале ноября 2021 г. Си Цзиньпин, выступая на церемонии открытия IV Китайской международной выставки импортных товаров, заявил, что КНР с начала пандемии предоставила мировому сообществу около 350 млрд защитных масок, свыше 4 млрд комплектов защитных костюмов, 6 млрд тестовых наборов, 1,6 млрд доз вакцин⁵. Что касается последних (ВОЗ в мае и июне 2021 г. одобрила для экстренного применения китайские вакцины Sinopharm и Sinovac), то особенно активно помощь оказывается азиатским странам. Так, в Камбодже, где широкомасштабная кампания по вакцинации населения стартовала 10 февраля 2021 г., по состоянию на 31 октября вакцинировано более 80% жителей, при этом основная часть вакцин передается в дар китайским правительством и компанией Sinovac Biotech Ltd.

Значительная часть китайских вакцин поставляется и в Африку. В конце ноября глава КНР, выступая на открытии Восьмой министерской конференции в рамках Форума китайско-африканского сотрудничества, заявил о готовности помочь Африканскому союзу достичь поставленной цели по вакцинации в 2022 г. 60% населения. В этой связи Китай может предоставить африканским государствам дополнительно 1 млрд доз вакцин – 600 млн в качестве пожертвований и 400 млн посредством организации совместного производства китайских компаний и соответствующих африканских стран. Также Си Цзиньпин анонсировал начало целого ряда совместных проектов в области здравоохранения и отправку в африканские страны 1,5 тыс. китайских медицинских работников и экспертов⁶.

Эта международная кампания — поставки в разные страны средств индивидуальной защиты, медикаментов, вакцин, диагностического и лечебного оборудования, отправка бригад врачей и научно-исследовательских групп, проведение онлайн-консультаций — получила название «масочная дипломатия», поскольку именно медицинские (хирургические) маски стали основным товаром. Китайское правительство называет ее самой интенсивной и широкомасштабной чрезвычайной гуманитарной операцией с момента основания КНР в 1949 г. Однако это точка зрения Пекина, существуют и другие оценки китайского начинания.

¹ Statement by Xi Jinping President of the People's Republic of China at Virtual Event of Opening of the 73rd World Health Assembly [Электронный ресурс] // Global Times. 18.05.2020. URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1188716.shtml> (дата обращения: 01.09.2021).

² Fighting COVID-19: China in Action (White Paper) [Электронный ресурс] // The State Council of the People's Republic of China. 07.06.2020. URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202006/07/content_WS5edc559ac6d066592a449030.html (дата обращения: 12.09.2021).

³ China Exports over 224 Billion Masks to Assist Global COVID-19 Fight [Электронный ресурс] // Xinhua. 14.01.2021. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2021-01/14/c_139667681.htm (дата обращения: 10.09.2021).

⁴ Export Data at Country Level [Электронный ресурс] // UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data> (дата обращения: 10.09.2021).

⁵ Keynote Speech by Xi Jinping at the Opening Ceremony of the Fourth China International Import Expo [Электронный ресурс] // China International Import Expo. 04.11.2021. URL: <https://www.ciie.org/zh/en/news/highlights/20211104/30424.html> (дата обращения: 11.11.2021).

⁶ Xi Announces Supplying Africa with Additional 1 BLN COVID-19 Vaccine Doses, Pledges to Jointly Implement Nine Programs [Электронный ресурс] // Xinhua. 30.11.2021. URL: http://www.news.cn/english/2021-11/30/c_1310341310.htm (дата обращения: 10.12.2021).

Оценки, конкуренты и перспективы развития проекта

Российские эксперты и политики в целом достаточно позитивно (как минимум, без жестких заявлений) оценивают «Пояс и путь», часто предлагая его сопряжение с ЕАЭС в рамках Большого Евразийского партнерства (Большой Евразии) [3]. Этому посвящено, в частности, совместное исследование российских и китайских авторов «Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы “Один пояс — один путь” в представлениях Китая и России» [2], где выработан ряд рекомендаций для повышения эффективности сотрудничества. Также выделим научно-аналитический доклад российских, китайских и казахстанских экспертов «Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи» [4]. Работа содержит три раздела — взгляд из Китая, России и Центральной Азии, в каждом из которых анализируются четыре составляющих: культурно-цивилизационная, социально-экономическая, политико-дипломатическая и сфера безопасности. Если обращаться к оценкам развития «Пояса и пути» в условиях пандемии, то об этом пишет, например, Б. А. Хейфец [5].

Гораздо более жесткой критике проект подвергается со стороны западных экспертов, большинство из которых рассматривают «Пояс и путь» с геополитической точки зрения. Например, по мнению Дж. Гриффитса, журналиста CNN и автора книги «Великий китайский фэйрвол», «несмотря на всю свою риторику о торговле и развитии, это в первую очередь политический проект»¹. В контексте пандемии COVID-19 оценки проекта, несмотря на явное усиление во внешней политике КНР гуманитарной составляющей, не претерпели существенных изменений. Так, эксперты американского Совета по международным отношениям заявили, что Пекин «страхнул пыль» с концепции «Шелковый путь здоровья», чтобы воспользоваться моментом глобальных потрясений. Данный проект рассматривается авторами как некий риторический нарратив, решающий, прежде всего, внутренние задачи: он сигнализирует гражданам об ответственности их государства, «легитимизируя» тем самым правление Коммунистической партии Китая. Помимо этого, мероприятия в области здравоохранения становятся новым знаменем внешней политики, призванным смягчить мнение мировой общественности о Китае как месте происхождения нового коронавируса, а «искупительные» проявления помощи используются для компенсации причиненного вреда [9].

В конце 2020 г. в журнале *Foreign Affairs* была опубликована статья, авторы которой утверждали, что Китай сфокусирует внимание на проекте «Шелковый путь здоровья» и постарается искупить свою вину за счет вакцинации значительной части населения Земли, выступая «покровителем» и «поставщиком» здоровья в глобальных масштабах, а также «спасителем» развивающегося мира. Это позволит ему осуществить ребрендинг самого себя, опровергнуть обвинения в агрессивной политике и «хищническом» кредитовании [7].

Вообще тема вины Китая часто встречается в американском политическом дискурсе. Так, 22 сентября 2020 г. Д. Трамп в своем выступлении на Генеральной ассамблее ООН потребовал, чтобы Китай был привлечен к ответственности за «развязывание этой чумы в мире»². Здесь, на наш взгляд, уместно привести мнение немецкого журнала *Der Spiegel*, который со ссылкой на источники в Федеральной разведывательной службе Германии писал, что последняя, хотя и признает, что Пекин мог некоторое время скрывать информацию об эпидемии, считает обвинения США попыткой отвлечь внимание общественности от неспособности американского правительства справиться со вспышкой заболевания³.

Пекин же называет обвинения Вашингтона абсурдными, а свою стратегию оказания помощи другим странам увязывает с концепцией сообщества единой судьбы человечества, подчеркивая, что вирус

¹ Griffiths J. Just What Is This One Belt, One Road Thing Anyway? [Электронный ресурс] // CNN. 12.05.2017. URL: <https://edition.cnn.com/2017/05/11/asia/china-one-belt-one-road-explainer/index.html> (дата обращения: 15.09.2021).

² Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly [Электронный ресурс] // Rev.com. 22.09.2020. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript> (дата обращения: 12.08.2021).

³ Bundesregierung zweifelt an US-These zur Entstehung des Coronavirus [Электронный ресурс] // Spiegel. 08.05.2020. URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/corona-krise-bundesregierung-zweifelt-an-us-these-zur-entstehung-des-coronavirus-a-51add7cf-96b6-4d04-a2d0-71ce27cff69c> (дата обращения: 14.10.2021).

не имеет границ. Однако для нас больший интерес представляет мнение европейцев, поскольку «Пояс и путь» в силу географической направленности затрагивает их непосредственные интересы существенно, чем интересы США. С одной стороны, успехи Китая очевидны: ему удалось на деле доказать Европе свою надежность. Здесь мы согласимся с мнением Ф. Моурица, научного сотрудника Университета Бундесвера: если Китаю удастся поддерживать проект на протяжении всей пандемии, это даст ему новые возможности для использования «масочной дипломатии» и инфраструктурных проектов в сфере здравоохранения в целях повышения авторитета на глобальном уровне и в отношениях с отдельными странами — участниками проекта [10].

В то же время в Европе ощущимо усилились антикитайские настроения. В качестве примера приведем две работы: «COVID-19 и отношения между Европой и Китаем» [6], подготовленную в 2020 г. Европейской сетью аналитических центров по Китаю¹, и «Европейский союз и “Пояс и путь” Китая: влияние, взаимодействие, конкуренция» [11], вышедшую в 2021 г. в британском издательстве Routledge². В обеих публикациях отчетливо прослеживается мысль, что пандемия ускорила противоречивую динамику в европейско-китайских отношениях. С одной стороны, европейцы понимают, что Китай — значимый партнер в решении целого ряда глобальных проблем, в том числе в борьбе с коронавирусом (это первый раз, когда он так заметно проявил себя в вопросе, имеющем витальное значение для европейских граждан, правительств и ЕС в целом). С другой стороны, крепнут сомнения относительно целесообразности дальнейшего сближения с Пекином, особенно с учетом возрастающего торгового дисбаланса: в 2020 г. объем совокупного экспорта товаров из стран ЕС в КНР составил 202,6 млрд евро, в то время как объем импорта — 383,4 млрд евро. Для сравнения: в 2019 г. эти показатели равнялись 198,2 и 363 млрд евро соответственно³.

Проведенный анализ позволяет заключить, что, по мнению большинства западных экспертов и политиков, Китай становится главным бенефициаром пандемии: помощь, оказываемая пострадавшим от коронавируса странам, положительно сказывается на имидже Поднебесной, обеспечивает фундамент для будущих претензий на установление китаецентричного миропорядка. Для противодействия этому страны G7 в июне 2021 г. договорились о запуске глобальной инициативы «Построить заново лучший мир» (Build Back Better World, B3W). Главная цель — обеспечить развивающиеся страны необходимой инфраструктурой, стоимость которой оценивается предварительно более чем в 40 трлн долл. Согласно заявлению на сайте Белого дома, основные средства планируется потратить на финансирование проектов в четырех областях — климат, здравоохранение, цифровые технологии и гендерное равенство⁴. Это должно стать «демократической альтернативой» китайским займам как инструменту распространения влияния Пекина. Другими словами, B3W — это своего рода антикитайский нарратив, с самого начала позиционирующий себя как конкурент «Пояса и пути».

Однако пока это лишь идея, реализация которой находится под вопросом, особенно с учетом огромной стоимости проекта и текущей эпидемиологической обстановки в США и других странах G7, а также того, что Китай имеет как минимум 8-летний гандикап. К тому же B3W по сложившейся в американской политической культуре традиции делает чрезмерный упор на «экспорт» демократических ценностей, в то время как события последних двух лет доказывают справедливость мнения Ф. Фукуямы о том, что эффективный ответ на пандемию и минимизация ее последствий (а именно эту задачу придется решать всем странам в ближайшие годы) — вопрос не политического режима, а наличия таких факторов, как компетентный государственный аппарат, доверие граждан к своему правительству, эффективные лидеры [8].

¹ Работа содержит 19 публикаций — статьи экспертов из 16 стран ЕС, а также Великобритании, Норвегии, Швейцарии.

² Книга состоит из 15 разделов, основная часть которых написана европейскими исследователями.

³ EU-China: Trade in Goods [Электронный ресурс] // European Commission. URL: <https://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/china/> (дата обращения: 18.10.2021).

⁴ President Biden and G7 Leaders Launch Build Back Better World (B3W) Partnership [Электронный ресурс] // The White House. 12.06.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/06/12/fact-sheet-president-biden-and-g7-leaders-launch-build-back-better-world-b3w-partnership/> (дата обращения: 26.10.2021).

На июль 2021 г. Китай подписал 206 документов о сотрудничестве со 140 странами и 32 международными организациями, что свидетельствует о заинтересованности в китайских инвестициях и расширении торговых связей с одной из мощнейших экономик мира. В этом контексте представляется уместным процитировать Дж. Салливана, директора Института политики Китая при Ноттингемском университете: «Китай обладает потенциалом, инженерными навыками, амбициями и деньгами для достижения невероятных результатов»¹.

Что касается критики в адрес проекта, то часть ее выглядит достаточно обоснованной. Например, по поводу инвазивного характера китайских кредитов, реальный размер которых крайне трудно оценить: Китай, выделяя деньги, заключает соглашения о неразглашении условий займов. В августе 2020 г. директор ИДВ РАН А. А. Маслов в интервью «Интерфаксу» заявил, что внешний долг Таджикистана достиг 36,1% от ВВП, при этом треть суммы — задолженность перед Экспортно-импортным банком Китая. Долг Мозамбика перед КНР равняется $\frac{1}{4}$ всех его долгов, а у Черногории из-за китайских кредитов национальный долг равен 80% ВВП². В сентябре 2021 г. американская исследовательская лаборатория AidData опубликовала доклад, авторы которого утверждают, что у 42 стран кредитные обязательства перед Китаем превышают 10% их ВВП³. Однако, на наш взгляд, здесь больше вопросов все же не к Китаю, а к правительствам стран-должников. Другие обвинения в адрес Пекина легко объяснимы с точки зрения геополитики. По большому счету китайское правительство делает то, чем США занимались с середины прошлого столетия, — стремится укрепить влияние на мировой арене, однако использует преимущественно экономические инструменты, в том числе «Пояс и путь», не занимаясь при этом «экспортом» идеологии.

Если говорить о такой части «Пояса и пути», как «Шелковый путь здоровья», то его главной задачей провозглашается улучшение систем здравоохранения стран-участников, а с учетом количества последних можно говорить о потенциальной возможности создания глобальной системы управления здравоохранением во главе с КНР. Также «Шелковый путь здоровья» дает Китаю возможность создания имиджа компетентного, ответственного, прагматичного партнера, способного возглавить усилия мирового сообщества по преодолению пандемийного кризиса. Анализируя перспективы данного проекта, логичнее опираться на заявления китайского руководства. Так, Си Цзиньпин в своем апрельском выступлении на церемонии открытия Боаоского азиатского форума-2021, говоря об инициативе «Пояс и путь», предложил сосредоточиться на «зеленом» развитии и общественном здравоохранении⁴. Второй тезис (китайский лидер сделал особый акцент на вакцинах) сигнализирует, что Китай не планирует сдавать «Шелковый путь здоровья» в архив; по всей видимости, это останется устойчивым трендом в развитии «Пояса и пути» и по окончании пандемии COVID-19 (особенно в контексте часто звучащих заявлений о начале «эпохи пандемий»). И с большой долей уверенности можно утверждать, что он будет сопрягаться с другим амбициозным китайским проектом — «Цифровым Шелковым путем», нацеленным на создание единой ИТ-инфраструктуры и улучшение цифровой связанности стран — участников «Пояса и пути», в том числе развитие электронной коммерции, создание цифровых зон свободной торговли, продвижение китайского цифрового оборудования и т. д.

Заключение

Пандемия COVID-19 продемонстрировала гибкость политики Китая, который смог адаптироваться к нестабильной международной обстановке, найти новые возможности и векторы развития. Сами ки-

¹ How China Uses Infrastructure as a Means of Control [Электронный ресурс] // World Finance. 30.07.2019. URL: <https://www.worldfinance.com/featured/how-china-uses-infrastructure-as-a-means-of-control> (дата обращения: 17.11.2021).

² Алексей Маслов рассказал об особенностях главного китайского проекта «Один пояс — один путь» [Электронный ресурс] // Интерфакс. 24.08.2020. URL: <https://www.interfax.ru/interview/722978> (дата обращения: 14.11.2021).

³ AidData's New Dataset of 13,427 Chinese Development Projects Worth \$843 Billion Reveals Major Increase in 'Hidden Debt' and Belt and Road Initiative Implementation Problems [Электронный ресурс] // AidData. A Research Lab at William & Mary. URL: <https://www.aiddata.org/blog/aiddatas-new-dataset-of-13-427-chinese-development-projects-worth-843-billion-reveals-major-increase-in-hidden-debt-and-belt-and-road-initiative-implementation-problems> (дата обращения: 15.11.2021).

⁴ Keynote Speech by Xi Jinping at the Opening Ceremony of the Boao Forum for Asia Annual Conference 2021 [Электронный ресурс] // Xinhua. 20.04.2021. URL: http://xinhuanet.com/english/2021-04/20/c_139893137.htm (дата обращения: 19.11.2021).

тайцы часто говорят, что на роль их страны на мировой арене позитивно повлиял мировой финансовый кризис 2008–2009 гг., создав новые шансы и более рельефно высветив потенциал страны. Сейчас у них появляются основания добавить в этот «кризисный семантический ряд» и пандемию COVID-19. При этом на фоне происходящих событий внешнеполитическая риторика КНР претерпевает изменения. Одно из них заключается в том, что у китайского руководства, как отмечает российский политолог Ф. А. Лукьянов, крепнет уверенность в своей идейно-политической правоте, поэтому его тональность обретает стальные нотки¹.

Для государств — участников «Пояса и пути» изменение внешнеполитической стратегии КНР открывает как новые возможности, так и порождает новые риски. Выгоды от взаимодействия с первой экономикой мира по ППС и, скорее всего, в скором будущем первой по номинальному ВВП очевидны. Риски обусловлены в первую очередь чрезмерным усилением зависимости от Поднебесной и всеми вытекающими отсюда последствиями. Дополнительный риск связан с возможным вовлечением в орбиту геополитической борьбы КНР и США, которая потенциально способна перейти в открытую форму и вновь, как во времена холодной войны, расколоть мир. Что касается России, то отечественному экспертному сообществу следует уделять больше внимания вопросу, как с учетом реальных и потенциальных возможностей, вызовов и угроз использовать растущий потенциал Китая и инициативу «Пояс и путь» в интересах собственного развития, что особенно актуально для российских регионов, граничащих с КНР, а также в контексте реализации проекта Большой Евразии.

Литература

1. *Бабынина Л. О.* Коронавирус: что может сделать и делает Европейский союз // Аналитические записки ИЕ РАН. 2020. № 12.
2. *Глазьев С. Ю., Архипова В. В., Агеев А. И.* [и др.]. Вопросы и состояние процессов сопряжения евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс — один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2019. № 3. С. 13–30.
3. *Глазьев С. Ю.* Как построить Большое евразийское партнерство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 3. С. 9–14.
4. Китайский глобальный проект для Евразии: постановка задачи / под ред. В. И. Якунина. М. : Научный эксперт, 2016.
5. *Хейфец Б. А.* Пандемия COVID-19 и китайская «Инициатива Пояс и Путь» // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. № 10. С. 77–84.
6. Covid-19 and Europe-China Relations: A Special Report by the European Think-tank Network on China (ETNC) [Электронный ресурс] // Mercator Institute for China Studies. 29.04.2020. URL: <https://mercics.org/en/external-publication/covid-19-and-europe-china-relations> (дата обращения: 22.09.2021).
7. *Freymann F., Stebbing J.* China Is Winning the Vaccine Race. How Beijing Positioned Itself as the Savior of the Developing World [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 05.11.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (дата обращения: 15.09.2021).
8. *Fukuyama F.* The Pandemic and Political Order. It Takes a State [Электронный ресурс] // Foreign Affairs. 2020. July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (дата обращения: 28.10.2021).
9. *Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M.* Mapping China's Health Silk Road [Электронный ресурс] // Council on Foreign Relations. 10.04.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/mapping-chinas-health-silk-road> (дата обращения: 15.10.2021).
10. *Mouritz F.* Implications of the COVID-19 Pandemic on China's Belt and Road Initiative // Connections: The Quarterly Journal. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 115–124.
11. The European Union and China's Belt and Road: Impact, Engagement and Competition / ed. by V. Ntousas, S. Minas. London : Routledge, 2021.

¹ *Лукьянов Ф.* Евразия после пандемии [Электронный ресурс] // Российская газета. 15.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/15/lukianov-v-ekonomicheskoy-sfere-vzaimnaia-izoliciia-nevozmozhna.html> (дата обращения: 14.09.2021).

Об авторе:

Арсентьева Ирина Ильинична, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; airen1@yandex.ru

References

1. Babynina L. O. Coronavirus: What the European Union Can Do and What It Does // Analytical Papers of IE RAS [Analiticheskie zapiski IE RAN]. 2020. No. 12. (In Rus.)
2. Glazyev S. Yu., Arkhipova V. V., Ageev A. I. [et al.] Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the “Belt and Road” Initiative between China and Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. No. 3. P. 13–30. (In Rus.)
3. Glazyev S. Yu. How to Build a Great Eurasian Partnership? // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika]. 2021. No. 3. P. 9–14. (In Rus.)
4. The Chinese Global Project for Eurasia: Setting the Task / ed. by V. I. Yakunin. Moscow : Nauchnyi Ekspert, 2016. (In Rus.)
5. Kheyfets B. A. COVID-19 Pandemic and China’s Belt and Road Initiative // Russian Foreign Economic Bulletin [Rossiiskii vneshneekonomicheskii vestnik]. 2020. No. 10. P. 77–84. (In Rus.)
6. Covid-19 and Europe-China Relations: A Special Report by the European Think-tank Network on China [Electronic resource] // Mercator Institute for China Studies. 29.04.2020. URL: <https://merics.org/en/external-publication/covid-19-and-europe-china-relations> (date of access: 22.09.2021).
7. Freymann F., Stebbing J. China Is Winning the Vaccine Race. How Beijing Positioned Itself as the Savior of the Developing World [Electronic resource] // Foreign Affairs. 05.11.2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-11-05/china-winning-vaccine-race> (date of access: 15.09.2021).
8. Fukuyama F. The Pandemic and Political Order. It Takes a State [Electronic resource] // Foreign Affairs. 2020. July/August. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2020-06-09/pandemic-and-political-order> (date of access: 28.10.2021).
9. Lancaster K., Rubin M., Rapp-Hooper M. Mapping China’s Health Silk Road [Electronic resource] // Council on Foreign Relations. 10.04.2020. URL: <https://www.cfr.org/blog/mapping-chinas-health-silk-road> (date of access: 15.10.2021).
10. Mouritz F. Implications of the COVID-19 Pandemic on China’s Belt and Road Initiative // Connections: The Quarterly Journal. 2020. Vol. 19. No. 2. P. 115–124.
11. The European Union and China’s Belt and Road: Impact, Engagement and Competition / ed. by V. Ntousas, S. Minas. London : Routledge, 2021.

About the author:

Irina I. Arsenyeva, Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the RAS (Ekaterinburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; airen1@yandex.ru

Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги¹

Ван Цзюньтао^{1, *}, Любина Д. Е.²

¹ Сычуаньская академия социальных наук, провинция Сычуань, Китайская Народная Республика;

* yunfan@vip.163.com, juntao2013@yandex.ru

² Санкт-Петербургский политехнический Университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Сотрудничество регионов Приволжского федерального округа и территорий верхнего и среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики является одним из инструментов активизации разносторонних российско-китайских отношений.

Создание китайско-российского механизма сотрудничества посредством формата «Волга — Янцзы» имеет большое значение для содействия развитию экономических и торговых обменов между двумя государствами, а также формированию точек соприкосновения в гуманитарной сфере. Сходство географических особенностей данных регионов является хорошей основой для обмена опытом по решению экономических, экологических и гуманитарных проблем развития территорий, расположенных вдоль крупных водных артерий.

Цель. Цель работы путем анализа интенсивности межрегионального сотрудничества России и Китая в формате «Волга — Янцзы» выявить основные векторы возможного развития сотрудничества и пути преодоления возникающих в этом сотрудничестве проблем.

Задачи. Проанализировать программные документы и материалы СМИ с точки зрения освещения реализации китайско-российских проектов в формате «Волга — Янцзы». Осуществить количественный анализ действующих совместных с Китаем проектов в ПФО. Выявить «точки роста» дальнейшего экономического сотрудничества России и Китая в формате «Волга — Янцзы».

Методология. В работе использовались эмпирические методы исследования, поиск и анализ информации из средств массовой информации, анализ и сравнение данных, сопоставление и обобщение.

Результаты. Посредством изучения текущего состояния экономической составляющей российско-китайского сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» удалось выявить сложности, существующие в сотрудничестве между двумя сторонами, которые могли бы быть целенаправленно решены при условии усиления эффективности местного сотрудничества.

Выводы. На современном этапе существуют некоторые препятствия эффективному развитию сотрудничества регионов ПФО и территорий верхнего и среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики в формате «Волга — Янцзы», такие как сложности в макроэкономической обстановке в России, слабость фундамента регионального сотрудничества, необходимость в эффективном механизме координации на региональном уровне, а также четкие схемы финансовой и налоговой поддержки. Помимо этого, исходя из географических особенностей регионов и из опоры экономик регионов на водные ресурсы, прогрессивным форматом сотрудничества было бы развитие экологического сотрудничества в формате «Волга — Янцзы».

Ключевые слова: региональное сотрудничество, формат «Волга — Янцзы», ПФО, Россия, Китай, экономика

¹ Статья выполнена в рамках ежегодного проекта Национального фонда социальных наук Китая «Исследование построения системы прав на воду и оптимизация политики на юге моей страны» (19BJY078); проекта Национального фонда социальных наук Китая «Всестороннее исследование и исследование по оптимизации политики строительства системы прав на воду в верховьях Янцзы» (19ZDA065) и научно-технического проекта провинции Сычуань «Исследование строительства системы прав на воду в районах орошения в верховьях реки Янцзы».

Для цитирования: Ван Цзюньтао, Любина Д. Е. Китайско-российское сотрудничество на территории бассейнов рек Янцзы и Волги // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 111–118.

Sino-Russian Cooperation in the Yangtze and Volga River Basins

Wang Juntao^{a, *}, Daria E. Lyubina^b

^a Sichuan Academy of Social Sciences, Sichuan Province, Republic of China; * yunfan@vip.163.com, juntao2013@yandex.ru

^b Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Cooperation between the regions of the Volga Federal District and the territories of the upper and middle reaches of the Yangtze River of the People's Republic of China is one of the tools for activating multifaceted Russian-Chinese relations.

The creation of a Sino-Russian cooperation mechanism through the Volga — Yangtze Format is of great importance for promoting the development of economic and trade exchanges between the two states, as well as the formation of points of contact in the humanitarian sphere. The similarity of geographical features of these regions is a good basis for the exchange of experience in solving economic, environmental and humanitarian problems of the development of territories located along major waterways.

Aim. The purpose of the work is to identify the main vectors of possible development of cooperation and ways to overcome the problems arising in this cooperation by analyzing the intensity of interregional cooperation between Russia and China in the Volga — Yangtze format.

Tasks. To analyze program documents and mass-media materials in terms of coverage of the implementation of Sino-Russian projects in the Volga-Yangtze format. To carry out a quantitative analysis of existing joint projects with China in the Volga Federal District. To identify the “growth points” of further economic cooperation between Russia and China in the Volga — Yangtze format.

Methods. Empirical research methods, search and analysis of information from mass media, analysis and comparison of data, comparison and generalization were used in the work.

Results. By studying the current state of the economic component of Russian-Chinese cooperation in the Volga — Yangtze format, it was possible to identify the difficulties existing in cooperation between the two sides, which could be purposefully solved if the effectiveness of local cooperation was strengthened.

Conclusions. At the present stage, there are some obstacles to the effective development of cooperation between the regions of the Volga Federal District and the territories of the upper and middle reaches of the Yangtze River of the People's Republic of China in the Volga — Yangtze format, such as difficulties in the macroeconomic situation in Russia, the weakness of the foundation of regional cooperation, the need for an effective coordination mechanism at the regional level, as well as clear schemes of financial and tax support. In addition, based on the geographical features of the regions and the reliance of regional economies on water resources, the development of environmental cooperation in the Volga — Yangtze format would be a progressive format of cooperation.

Keywords: regional cooperation, Volga — Yangtze format, Volga federal district, Russia, China, economy

For citing: Wang Juntao, Lyubina D. E. Sino-Russian Cooperation in the Yangtze and Volga River Basins // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 111–118.

В Приволжский федеральный округ (ПФО) России входят 14 субъектов федерации с прочной основой для экономического и социального развития. Федеральный округ, расположенный вдоль реки Волги, имеет большой потенциал для экономического развития, а его экономика на данном этапе относительно развита, уступая только Москве и Санкт-Петербургу.

Выгодное географическое положение вдоль реки Волги и огромный логистический потенциал делают ПФО естественным транспортным мостом между странами Азиатско-Тихоокеанского региона и странами Евразии. С географической точки зрения Приволжский федеральный округ имеет выгодные географические условия — он расположен на перекрестке дорог, соединяющих Сибирь, Дальний Восток и страны Восточной Азии с европейской частью России и странами Европы.

Введение

Регионы Приволжского федерального округа в своей основе аграрно-индустриальные, постиндустриальный сегмент экономик находится на базовом уровне. Индекс промышленного производства за январь — июнь 2020 г. (в % к 2019 г.) в ПФО 96%.

Центральные и западные регионы, где расположены шесть провинций и городов в верхнем и среднем течении реки Янцзы, относятся к регионам с наиболее быстрым внутренним экономическим развитием за последние годы. За 70 лет, прошедших с момента основания Нового Китая, экономика бассейна реки Янцзы играла чрезвычайно важную опорную роль в экономическом и социальном развитии Китая. Хотя площадь экономической зоны реки Янцзы составляет лишь одну пятую территории страны, ВВП этого региона превышает 40% в пересчете на общую площадь страны. Экологические ресурсы бассейна реки Янцзы разнообразны, а верхняя, средняя и нижняя части региона имеют разные основы экономического и социального развития и отличительные особенности, являются важным воплощением семидесятилетнего экономического строительства и социального развития в Новом Китае [8, с. 11].

В целом масштабы и качество региональной международной торговли в экономической зоне реки Янцзы находятся в лидерах в Китае. В 2018 г. общий объем импорта и экспорта 11 провинций и городов в экономическом поясе реки Янцзы превысил 2 трлн долл. США, что составляет примерно 44% территории страны. Однако международная торговля в экономическом поясе в основном сосредоточена в провинциях, расположенных ниже по течению. В 2017 г. Чунцин и Цзянси вошли в пятерку лидеров по росту внутреннего ВВП. Аньхой, Сычуань и Хунань вошли в десятку лидеров по темпам роста внутреннего ВВП. В 2018 г. на четыре провинции Шанхай, Чжэцзян, Сучжоу и Аньхой приходилось 82,6% всего экономического пояса [7, с. 7].

Внутренняя региональная политика Китая строится на разделении территории страны на макрорегионы и уже их последовательного развития. В 2018 г. Китай принимает важный документ для углубления скоординированности политики развития регионов. В нем уделяется отдельное особое внимание так называемым «поддерживающим поясам», одним из которых является и экономический пояс реки Янцзы. Этот пояс способен соединить и ускорить развитие сразу нескольких китайских макрорегионов — Восточного, Центрального и Западного [8, с. 72].

Развитие международного сотрудничества также будет способствовать росту экономики экономического пояса реки Янцзы. Именно поэтому КНР выбрала для осуществления иностранного сотрудничества российский Приволжский федеральный округ, экономика которого во многом зависит и базируется на территориальных преимуществах приволжского расположения.

Этапы развития формата «Волга — Янцзы»

В 2015 г., в целях координации двустороннего взаимодействия регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (далее — формат «Волга — Янцзы») создается Совет по сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (далее — Совет)¹.

¹ Сотрудничество между регионами Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (формат «Волга — Янцзы») [Электронный ресурс]. URL: <http://auvy.ntnu.ru/content/o-formate-sotrudnichestva/o-formate-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.08.2021).

19 июля 2016 г. в Ульяновске на реке Волге состоялось первое заседание Совета, на котором были закреплены механизмы сотрудничества между двумя сторонами. Это событие ознаменовало новую веху китайско-российского сотрудничества в регионах бассейнов рек Янцзы и Волги и вступление его в новый этап развития.

16 июня 2017 г. в Хэфэе, провинция Аньхой, состоялось второе заседание Совета. Тогдашний государственный советник Китая Ян Цзечи и полномочный представитель Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. В. Бабич (с декабря 2011 г. по август 2018 г.) выступили с инициативой Совету о подписании «Протокола заседания» и «Протокола о внесении изменений в „Положение о Совете регионального сотрудничества бассейнов рек Янцзы — Волга“». Помимо этого, были подписаны ряд документов о сотрудничестве между органами местного самоуправления двух регионов. Впоследствии Китай и Россия продолжили формулировать, реализовывать и обновлять план работы по продвижению китайско-российского сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» и создали соответствующие центры содействия сотрудничеству, а также провели ряд мероприятий по сотрудничеству и обмену, включая торговлю и экономику, науку, образование, культуру и туризм¹.

27 октября 2017 г. в Чэнду был официально запущен китайско-российский университетский альянс Ассоциация вузов «Волга — Янцзы». Всего к альянсу присоединились 51 российский и 30 китайских вузов², в том числе Сычуаньский университет и Нижегородский технический университет.

С 2013 г. (действовала Совместная рабочая группа по сотрудничеству в формате «Волга — Янцзы») торгово-экономическое сотрудничество между китайским бассейном реки Янцзы и российским бассейном реки Волги быстро развивалось, но уровень регионального сотрудничества все еще ниже, чем общий уровень китайско-российского экономического и торгового сотрудничества.

Для повышения инвестиционной привлекательности субъектов ПФО на территории округа создавались ТОР (территории опережающего развития) или ТОСЭР (территории опережающего социально-экономического развития) [3, с. 404]. Согласно ФЗ № 473 «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», «территория опережающего социально-экономического развития — это часть территории субъекта Российской Федерации, включая закрытое административно-территориальное образование, и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства Российской Федерации установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения»³. В идеале создание ТОСЭР должно способствовать привлечению инвестиций в ПФО. А вкупе с возможностями сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» — и активизации инновационно-инвестиционного развития [2].

Любые виды и формы российско-китайского сотрудничества можно условно отнести к гуманитарному или торгово-экономическому сотрудничеству. Сотрудничество и проекты в формате «Волга — Янцзы» также укладываются в эту схему систематизации. В данной работе проекты гуманитарного сотрудничества останутся за рамками исследования. На наш взгляд, представляется наиболее интересным рассмотреть экономические проекты формата «Волга — Янцзы», которые были полностью или частично реализованы за прошедшие семь лет существования Меморандума о взаимопонимании между регионами Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики по вопросам развития торгово-экономического и гуманитарного со-

¹ Мао Веймин принял участие в третьем заседании Китайско-российского совета местного сотрудничества «Бассейна двух рек». 2019.06.17 [Электронный ресурс] // People's Government of Jiangxi Province. URL: http://www.jiangxi.gov.cn/art/2019/6/17/art_5442_699806.html (дата обращения: 11.01.2022).

² Сотрудничество между регионами Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (формат «Волга — Янцзы») [Электронный ресурс]. URL: <http://auvy.nntu.ru/content/obzor-sotrudnichestva/obzor-sotrudnichestva> (дата обращения: 08.08.2021).

³ О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_172962/ (дата обращения: 20.01.2021).

трудничества от 20 мая 2014 г. и Совета по сотрудничеству регионов Приволжского федерального округа Российской Федерации и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики.

Из 14 субъектов ПФО в 10 субъектах преобладает аграрный тип экономики, что объясняется географическими и климатическими особенностями региона, и только 4 субъекта имеют чисто индустриальный тип экономики. Становится, очевидно, что экономическое сотрудничество в первую очередь может быть основано на использовании ресурса плодородных почв и размера территории, выделенной под ведение сельского хозяйства. Индустриальный сектор экономики ПФО представлен нефтяной, химической и нефтехимической промышленностью, черной и цветной металлургией, машиностроением, лесопромышленным комплексом¹.

Проекты формата «Волга — Янцзы» и их статус

По состоянию на сентябрь 2020 г. в рамках формата «Волга — Янцзы» между регионами Китая и областями ПФО заключено 52 соглашения о сотрудничестве и существует перспектива подписания еще четырех².

На сегодняшнем этапе, анализируя информацию из открытых и доступных источников, удалось выделить следующие проекты в рамках экономического сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» (таблица).

В отчете Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству за 2020 г. с перечнем значимых и перспективных проектов, одобренных на седьмом заседании Комиссии из 70 значимых и 22 перспективных проектов, только шесть проектов реализуются на территории ПФО³, что составляет 6,5% от общей численности проектов с китайским участием. Информация о еще трех проектах была получена при анализе средств массовой информации⁴.

Как можно увидеть, из 52 соглашений, подписанных между регионами Китая и областями ПФО, информация только о небольшом количестве экономических проектов доступна через средства массовой информации или через отчеты профильных министерств и ведомств РФ. Т. к. данная работа сосредоточена на экономических проектах и не учитывает реализацию гуманитарного сотрудничества, мы можем предположить, что подавляющее большинство упомянутых выше соглашений о сотрудничестве затрагивает в первую очередь именно гуманитарное сотрудничество.

Из общего числа проектов, информация о которых в том или ином объеме доступна в открытом доступе, только небольшое количество проектов имеют статус «Реализован» / «Реализация» (по данным отчета Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству за 2020 г. с перечнем значимых и перспективных проектов, одобренных на седьмом заседании Комиссии). По нескольким проектам статус реализации неизвестен. По остальным проектам либо деятельность по их реализации приостановлена, либо отсутствует намерение по их реализации.

В подавляющем большинстве проекты, предусмотренные для реализации, относятся к лесопромышленному комплексу, химической промышленности и производству строительных материалов. Отдельную нишу занимают проекты сельскохозяйственного комплекса, в особенности агропромышлен-

¹ Регионы ПФО «ковидного» года: динамика экономических показателей и параметры восстановления [Электронный ресурс] // Национальный эксперт. URL: https://nacexpert.ru/wp-content/uploads/2020/08/Доклад-регионы-ПФО_25082020.pdf (дата обращения: 21.07.2021).

² Перечень Соглашений о сотрудничестве между регионами Приволжского федерального округа и верхнего, среднего течения реки Янцзы Китайской Народной Республики (формат «Волга — Янцзы»). 11.09.2020. URL: <http://auvy.nntu.ru/frontend/web/ngtu/files/perechen.pdf> (дата обращения: 23.05.2021).

³ Проекты межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству [Электронный ресурс] // Межправительственная Российско-Китайская комиссия по инвестиционному сотрудничеству. 17.11.2020. URL: https://mpk-cn.ru/content/docs/O%20проектах%20комиссии_8%20МПК.pdf (дата обращения: 08.02.2022).

⁴ На «Инвестчасе» одобрен проект производства фиброцементных плит в Кумертау [Электронный ресурс] // Глава Республики Башкортостан. 28.02.2019. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/120518.html (дата обращения: 09.08.2021); Восток — дело прибыльное. Регионы ПФО расширяют сотрудничество с Китаем [Электронный ресурс] // Российская Газета. 26.07.2016. URL: <https://rg.ru/2016/07/26/reg-pfo/regiony-pfo-rasshiriat-sotrudnichestvo-s-kitaem.html> (дата обращения: 29.07.2021); «Сычуань-Сибай» заливает СП [Электронный ресурс] // Коммерсантъ (Уфа). № 131. 22.07.2016. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3043932> (дата обращения: 09.08.2021); Китайский инвестор направил 90 млн руб. на реконструкцию деревоперерабатывающего предприятия в Пермском крае [Электронный ресурс] // Дерево.ру. 16 ноября 2017 г. URL: <http://www.derewo.ru/novosti/kitajskij-investor-napravil-90-mln-rub-na-rekonstruktsiyu-derevopererabatyvayushchego-predpriyatiya-v-permskom-krae.html> (дата обращения: 29.07.2021).

ные парки. По всей видимости, именно эти отрасли и могут стать «точками роста» для экономического сотрудничества в формате «Волга — Янцзы».

Таблица

Инвестиционные проекты с китайским участием, реализация которых соотносится с сотрудничеством в рамках формата «Волга — Янцзы»*

Table. Investment projects with Chinese participation, the implementation of which correlates with cooperation within the framework of the Volga — Yangtze Format

№ п/п	Участники проекта с китайской стороны	Местоположение	Вид продукции	Объем инвестиций	Статус реализации
Агропромышленный сектор					
1	Пекинская электротехническая компания «Чжуннэнда»	Пензенская область	Агропромышленный парк: завод переработки семян, завод производства муки, комплекс сушильный, комплекс грибной	\$160 млн	Реализация
2	Компания «Ван Шен» из провинции Аньхой	Ульяновская область	Мукомольный завод	\$23 млн	Нет данных
3	Sichuan Chuvash Agricultural Industry and Industry Co., Ltd.	Республика Чувашия	Агропарк «Чувашия — Сычуань»: глубокая переработка мясных и молочных продуктов, линии по отбору, мойке и упаковке овощей, переработка отходов и производство органических удобрений, а также логистический и торговый центр	\$154 млн	Деятельность приостановлена
Индустриальный сектор					
4	Нет данных	ОЭЗ «Алабуга», Республика Татарстан	Строительство газохимического комплекса (меламин, карбамид)	\$290 млн	Реализация
5	ООО «Хайер ФРИДЖ РУС»	ТОСЭР «Челны», Республика Татарстан	Завод по производству холодильников	\$228 млн	Реализован
6	Цзянсийская торгово-промышленная компания «Юаньянвэйли», ООО «Дасян-Стройматериалы»	ТОСЭР «Кумертау», Республика Башкортостан	Волокнистая цементная доска	около 2 млрд руб.	Нет данных
7	Conch Cement Company	Теренгульский район Ульяновской области	Завод по производству строительных материалов	\$500 млн	Отсутствие намерения реализации
8	ООО «Индустриальный парк «Сычуань-Сибай» и ЗАО «Сычуаньская компания по охране окружающей среды Цзюньхэ»	Сибай, Республика Башкортостан	Цементный завод	\$205 млн	Нет данных
9	Foton Lovol International Heavy Industry Co., Ltd.	Оренбургская область	Тракторный завод	\$70 млн	Отсутствие намерения реализации
10	Jiangxi Jinmu Building Materials Co., Ltd.	Пермский край	Деревообрабатывающий завод. Ориентация на переработку лиственной древесины (березы, осины)	90 млн руб.	Нет данных

* Таблица составлена на основе данных отчетов Межправительственной российско-китайской комиссии по инвестиционному сотрудничеству и материалов СМИ в Интернете.

С момента создания механизма формата «Волга — Янцзы» торгово-экономическое сотрудничество между китайскими регионами бассейна реки Янцзы и российскими регионами бассейна реки Волги быстро развивалось. Но уровень регионального сотрудничества все еще ниже, чем общий уровень китайско-российского экономического и торгового сотрудничества.

Уровень регионального российско-китайского сотрудничества

На основании анализа работ китайских и российских авторов по данной проблематике [4; 5; 6] можно выделить несколько причин отставания регионального российско-китайского сотрудничества от межгосударственного.

Во-первых, нестабильная макроэкономическая ситуация в России в определенной степени негативно сказывается на китайско-российском сотрудничестве на местном уровне. «С 2014 года на Россию влияет множество факторов, таких как экономические санкции со стороны западных стран, падение мировых цен на энергоносители и сложные внутренние экономические реформы. Изменения курса рубля часто нивелирует возможную прибыльность китайско-российских экономических и торговых проектов. Даже если иностранные инвесторы будут готовы создавать совместные инвестиционные проекты, инвестиционные возможности со стороны регионов ПФО ограничивают возможность их участия» [5].

Во-вторых, у территорий бассейнов рек Янцзы и Волги отсутствуют традиции сотрудничества, а фундамент для региональных обменов относительно слаб. Географически эти территории расположены во внутренних районах страны и относительно закрыты. Исторически тесных контактов и обменов между двумя регионами не было.

Китайские исследователи отмечают, что «российские компании не подготовились к вводу иностранного капитала в регионе бассейна реки Волги, а крупные российские компании и финансовые системы недостаточно участвуют в долгосрочном плане развития высокотехнологичных производств в бассейне реки Волги» [4].

Заключение

Для развития инвестиционного сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» необходимо связывать инвестиционные проекты с долгосрочным развитием региона, а также продвигать идею корреляции различных инвестиционных проектов между собой.

В-третьих, формату «Волга — Янцзы» необходим эффективный механизм координации на региональном уровне, что могло бы помочь избежать дублирования проектов между китайскими провинциями и областями ПФО.

В-четвертых, для упрощения процедур инвестиционного сотрудничества в формате «Волга — Янцзы» необходимы четкие и понятные схемы финансовой и налоговой поддержки. Со стороны России в ПФО уже функционируют ОЭЗ и ТОСЭР, что значительно упрощает инвестиционное сотрудничество.

В целом в последние годы региональное экономическое, торговое и культурное сотрудничество в рамках формата «Волга — Янцзы» показало хорошую тенденцию развития. Однако по разным причинам торгово-экономическое сотрудничество отстает от развития гуманитарного сотрудничества в этом регионе. Многие промышленные инвестиционные проекты находятся только на уровне подписания соглашения. Механизм формата «Волга — Янцзы» представляет собой одно из стратегических направлений сотрудничества между двумя странами. Активное содействие центральных и региональных органов власти двух стран способствует развитию сотрудничества между двумя регионами. Помимо этого, усиление информационного сопровождения успешной реализации проектов и информирование жителей региона через СМИ может помочь повысить интенсификацию регионального российско-китайского сотрудничества. Дальнейшее развитие сотрудничества между регионами бассейнов рек Волга и Янцзы позволит укрепить взаимопонимание и готовность сторон к взаимным инвестициям.

Литература

1. Александрова М. В., Коханова В. С. Изменение роли мегарегионов в условиях трансформации китайской региональной политики (1999–2020 годы) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 1. С. 63–77.
2. Сердобинцев Д. В. Основные направления инновационно-инвестиционного развития регионов Поволжья // Регионоведение. 2017. Т. 25/ № 4. С. 554–572.
3. Субхонбердиев А. Ш., Титова Е. В., Кустов Д. А. и др. Территория опережающего развития как инструмент привлечения инвестиций в регион // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80. № 4. С. 403–407.
4. 高立伟, 杨慧. 中俄“长江—伏尔加河”地区合作机制分析 [Gao Livjei, Jan Hujiej. Analysis of the mechanism of cooperation in the Yangtze — Volga River region between China and Russia // Goczi Maoi. 2020. No. 10. P. 26–34. (In Chin.)].

5. 江争红. 中俄“长江—伏尔加河”经贸合作性质及路径的选择 [Czjan Chzhjenhun. The nature and choice of the path of Chinese-Russian trade and economic cooperation “Yangtze River — Volga” // Suchzhoukjeczi dasjuje sjujeban (shjehujej kjesjujeban’). 2020. No. 2. (In Chin.)].
6. 刘军. 中俄“长江—伏尔加河”地区合作中的投资困境研究 [Lju Czjun. Study of the investment dilemma in the Chinese-Russian regional cooperation “Yangtze River — Volga” // Jelosi dunou chzhknja jan’czju. 2019. No. 2. P. 7. (In Chin.)].
7. 沈影. 试论中俄“长江—伏尔加河”区域合作的现状与前景 [Shjen In. On the status quo and prospects of Chinese-Russian regional cooperation “Yangtze River — Volga” // Dujvaj czinmao. 2018. No. 10. P. 6–9. (In Chin.)].
8. 赵建哲. 中俄两河流域合作成因分析及前景展望 [Chzhao Czjanchzhje. Analysis of the causes and prospects of Sino-Russian cooperation between two river basins // Lilun guanchzha. 2015. P. 11. (In Chin.)].

Об авторах:

Ван Цзюньтао, научный сотрудник Центра исследований западного развития при Сычуаньской академии социальных наук (провинция Сычуань, Китайская Народная Республика), доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; yunfan@vip.163.com, juntao2013@yandex.ru

Любина Дарья Евгеньевна, старший преподаватель Высшей школы международных отношений Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического Университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); lyubina_de@spbstu.ru

References

1. Aleksandrova M. V., Kohanova V. S. Changing the role of mega-regions in the context of the transformation of Chinese Regional Policy (1999–2020) // East Asia: Facts and analytics [Vostochnaja Azija: fakty i analitika]. 2021. No. 1. P. 63–77. (In Rus.)
2. Serdobincev D. V. The main directions of innovation and investment development of the Volga region regions // Regionology [Regionologija]. 2017. V. 25. No. 4. P. 554–572. (In Rus.)
3. Subhonberdiev A. Sh., Titova E. V., Kustov D. A. [et al.] The territory of advanced development as a tool to attract investment to the region // VSUET Review [Vestnik VGUIT]. 2018. V. 80. No. 4. P. 403–407. (In Rus.)
4. Gao Livvej, Jan Hujej. Analysis of the mechanism of cooperation in the Yangtze — Volga River region between China and Russia // Goczi [Maoui Mezhdunarodnaja trgovlja]. 2020. No. 10. P. 26–34. (In Chin.)
5. Czjan Chzhjenhun. The nature and choice of the path of Chinese-Russian trade and economic cooperation “Yangtze River — Volga” // Journal of the Suchzhou University of Science and Technology (Social Sciences publication) [Zhurnal Nauchno-tehnologicheskogo universiteta Suchzhou (izdanie po obshhestvennym naukam)]. 2020. No. 2. (In Chin.)
6. Lju Czjun. Study of the investment dilemma in the Chinese-Russian regional cooperation “Yangtze River — Volga” // Studies of Russia, Eastern Europe and Central Asia [Issledovanija Rossii, Vostochnoj Evropy i Central’noj Azii]. 2019. No. 2. P. 7. (In Chin.)
7. Shjen In. On the status quo and prospects of Chinese-Russian regional cooperation “Yangtze River — Volga” // Foreign trade [Vneshnjaja trgovlja]. 2018. No. 10. P. 6–9. (In Chin.)
8. Chzhao Czjanchzhje. Analysis of the causes and prospects of Sino-Russian cooperation between two river basins // Theoretical observation [Teoreticheskoe nabljudenie]. 2015. P. 11. (In Chin.)

About the authors:

Wang Juntao, Researcher at the Center for Western Development Studies at the Sichuan Academy of Social Sciences (Sichuan Province, Republic of China), Associate Professor of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; yunfan@vip.163.com, juntao2013@yandex.ru

Daria E. Lyubina, Senior Lecturer of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (Saint Petersburg, Russian Federation); lyubina_de@spbstu.ru

Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности

Ильина М. Ю.

Евразийская экономическая комиссия, Москва, Российская Федерация; ilyina@eecommission.org, maria.ilyina02@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются глобальные вызовы, стоящие перед Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), связанные со значительным прогрессом в развитии информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и средств, формирующих информационное международное пространство, и предлагаются направления интеграции для их преодоления. Стремительное наращивание странами мира своего потенциала в сфере ИКТ предопределяет стратегический характер опережающего сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности.

Цель. Определить возможности и перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности в условиях беспрецедентной цифровизации всех сфер жизнедеятельности, обусловленной стремительным развитием ИКТ, в то время как Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. вопросы информационной безопасности не предусмотрены.

Задачи. Рассмотреть существующую нормативно-правовую основу двусторонних и многосторонних отношений стран ЕАЭС в области информационной безопасности, определить вектор, приоритеты стран ЕАЭС в выстраивании своих национальных политик в сфере международной информационной безопасности (МИБ) с партнерами по интеграции и мировым сообществом.

Методология. В настоящей работе с помощью методов логического и дедуктивного анализа выявлены возможные условия сотрудничества стран ЕАЭС в области МИБ для преодоления глобальных вызовов и угроз и обеспечения поступательного развития евразийской интеграции.

Результаты. Исследование показало, что сегодня информационная безопасность — это не только необходимое условие для обеспечения национального суверенитета в экономической сфере, но это вопросы обеспечения самостоятельности государства в социальной, когнитивной, военной и политической сферах. Чтобы не оказаться в условиях неоправданных ожиданий, при рассмотрении ЕАЭС в качестве одного из ведущих центров силы полицентричного мира необходимо совершенствовать существующую парадигму развития евразийской интеграции, заложенную Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., предусмотрев вовлечение в орбиту евразийской повестки вопросов нового качества и характера.

Выводы. Учитывая, что вопросы информационной политики не регулируются Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., видится оправданным и весьма своевременным запуск процесса рассмотрения возможности создания рабочей группы высокого уровня по вопросам формирования евразийской повестки в области международной информационной безопасности.

Ключевые слова: новый мировой порядок, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, международная информационная безопасность, МИБ, киберпреступность, цифровая повестка

Для цитирования: Ильина М. Ю. Перспективы сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области информационной безопасности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 119–127.

Cooperation Prospects between the EAEU Member States in the Field of Information Security

Maria Yu. Ilyina

ABSTRACT

The article examines the global challenges facing the Eurasian Economic Union (EAEU) associated with significant progress in the development of information and communication technologies (ICT) and tools that form the international information space, and suggests directions for integration to overcome them. The rapid build-up by the countries of the world of their potential in the field of ICT predetermines the strategic nature of the advanced cooperation of the EAEU member states in the field of information security.

Aim. Determine the opportunities and prospects for cooperation between the EAEU Member States in the field of information security in the context of unprecedented digitalization of all spheres of life, due to the rapid development of ICT, while the Treaty on the EAEU of May 29, 2014 does not provide for information security issues.

Tasks. Consider the existing regulatory framework for bilateral and multilateral relations of the EAEU countries in the field of information security, determine the vector, priorities of the EAEU countries in building their national policies in the field of international information security with integration partners and the world community.

Methods. In this paper, using the methods of logical and deductive analysis, possible conditions for cooperation between the EAEU countries in the field of international information security are identified to overcome global challenges and threats and ensure the post-cooperation development of Eurasian integration.

Results. The study showed that today information security is not only a necessary condition for ensuring national sovereignty in the economic sphere, but these are issues of ensuring the independence of the state in the social, cognitive, military and political spheres. When considering the EAEU as one of the leading centers of power in the polycentric world, it is necessary to improve the existing paradigm for the development of Eurasian integration, laid down by the Treaty on the EAEU of May 29, 2014, in order not to be in conditions of unjustified expectations, providing for the involvement of issues of a new quality and character.

Conclusion. Considering that information policy issues are not regulated by the Treaty on the EAEU of May 29, 2014, seems justified and a very timely launch of the process of considering the possibility of creating a high-level working group on the formation of the Eurasian agenda in the field of international information security.

Keywords: new world order, Eurasian Economic Union, EAEU, international information security, IIS, cybercrime, digital agenda

For citing: Ilyina M. Yu. Cooperation Prospects between the EAEU Member States in the Field of Information Security // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 119–127.

Введение

Сегодня на фоне усиливающейся геополитической напряженности в связи с изменением мирового порядка, который перестанет быть однополярным, нарастет вероятность возникновения угроз для международной безопасности и мира.

Трансформация традиционных отношений и правил игры серьезно обострила имеющиеся противоречия в глобальной повестке дня, увеличила накопившиеся в мире дисбалансы. Все эти процессы стремительно инспирируют дезинтеграционные настроения в системе международных отношений.

Сегодня ряд доминирующих стран для сохранения своих лидирующих позиций реализуют свою политику с серьезным и преднамеренным нарушением международного права, агрессивный характер

которой приводит к подрыву международной стабильности. Такая политика реализуется посредством использования новейших информационно-коммуникационных технологий (далее — ИКТ), становясь триггером для подрыва основ не только экономического и цифрового суверенитета отдельных национальных государств, а учитывая характер ИКТ, приводит к подрыву их когнитивного суверенитета, соответственно, к потере их политической самостоятельности.

Очевидно, что радикальная смена спектра глобальных вызовов, в орбиту которых все стремительнее начинают входить угрозы, связанные с эволюцией когнитивного интернета и web-технологий в медиаманипулировании, предопределяет новое качество развития угроз для изменения ментальной и цивилизационной основы общества [2].

Можно с уверенностью констатировать, что сегодня одной из ключевых антропогенных угроз для человеческой цивилизации и формирования устойчивых основ нового мирового порядка становится нарастающая мощь информационного оружия как в экономической сфере для совершения различных видов мошенничества и преступлений с использованием ИКТ, так и в идеологической и политической сферах.

Россия стала первой страной, обозначившей необходимость обсуждения вопросов международной информационной безопасности (далее — МИБ) в глобальной повестке дня. В 1998 г. по инициативе России впервые на заседании Первого комитета Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций (ООН) был представлен проект резолюции по международной информационной безопасности. Этот документ заложил основу для международной дискуссии, и с тех пор Генеральная Ассамблея ООН ежегодно рассматривает доклад, содержащий позиции государств — членов ООН по данной теме.

Сегодня вопросы информационной безопасности стали одними из определяющих в обеспечении национального суверенитета и играют важную роль в деятельности международных объединений, таких как ООН, ОБСЕ, ЕС, НАТО, ШОС, БРИКС, ОДКБ, СНГ, активно встраивая информационный вектор в свои геополитические стратегии [4].

Рост информационных вызовов обусловил для России необходимость формирования нового национального стратегического приоритета — информационной безопасности. Новый стратегический приоритет нашел свое отражение в обновленной в 2021 г. редакции Стратегии национальной безопасности Российской Федерации¹. Кроме того, в 2021 г. Президентом России В. В. Путиным были утверждены Основы государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности². Реализация этих документов должна обеспечить суверенитет России в информационном пространстве.

Россия придерживается комплексного взгляда на информационную безопасность для укрепления национального суверенитета как в экономической, так в социальной и политической сферах, в том числе для недопущения массивной психологической обработки населения в целях дестабилизации общества и государства³.

Кибербезопасность

Беспрецедентная цифровизация всех сфер жизнедеятельности, обусловленная стремительным развитием ИКТ, все масштабнее стала сопрягаться не только с новыми возможностями для мировой экономики, но и с беспрецедентными угрозами, которые она несет в себе, в частности в киберпространстве. Вопросы преодоления таких угроз сегодня активно обсуждаются на площадке ООН и под эгидой других международных организаций.

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 13.12.2021).

² Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности : указ Президента Российской Федерации от 12 апреля 2021 г. № 213 [Электронный ресурс] // Доступ из СПС Garant.ru. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/> (дата обращения: 13.12.2021).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации от 16 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499003797?marker=64U0IK> (дата обращения: 13.12.2021).

Первым международным договором по борьбе с киберпреступностью стала Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации¹, принятая Советом Европы в г. Будапеште, 23 ноября 2001 г. (далее — Будапештская конвенция). На сегодняшний день документ подписали и ратифицировали 66 стран, однако Россия — единственный член Совета Европы, кто не подписал документ. Это связано с существующими принципиальными разногласиями в подходах к обеспечению цифрового суверенитета. В частности, ст. 32 документа предусматривает трансграничный допуск к хранящимся на территории национальных государств компьютерным данным без официального их уведомления, что, безусловно, рассматривается Россией как угроза национальной безопасности. В качестве альтернативы, исключающей вмешательство спецслужб третьих стран в национальные компьютерные системы и предусматривающей механизмы защиты национального суверенитета, Россия в 2016 г. предложила свой вариант проекта Конвенции ООН «О сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности».

Кроме того, в 2021 г. Россия внесла в специальный комитет ООН первую в истории универсальную конвенцию по борьбе с использованием ИКТ в преступных целях², работу над которой планируется завершить в 2023 г. Документ был рассмотрен уже в январе 2022 г.

Отсутствие единства мирового сообщества на вопросы МИБ существенно осложнило борьбу с использованием ИКТ в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной безопасности, все больше обусловило крайнюю необходимость в совершенствовании международной правовой базы и выработки единых принципов к решению данной задачи.

Длительное концептуальное противостояние взглядов, в частности, России и США на вопросы международной информационной безопасности, продвигаемых в рамках воссозданной американцами Группы правительственных экспертов и запущенной по инициативе России Рабочей группы открытого состава, предопределило принятие радикальных шагов в поисках *modus vivendi*.

В 2021 г. важным историческим шагом и в первую очередь дипломатическим прорывом в направлении выработки правил ответственного поведения государств в глобальном информационном пространстве стала совместная резолюция России и США о достижении в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере применения информационно-коммуникационных технологий³. Документ был внесен на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН в октябре 2021 года, а уже 6 декабря 2021 г. был единогласно принят. Документ призван способствовать развитию международного диалога в сфере ИКТ.

В резолюции отмечается, что наращивание потенциала в сфере ИКТ имеет существенно важное значение для сотрудничества между государствами в борьбе с преступным использованием информационных технологий и укрепления доверия в области обеспечения безопасности.

Следует отметить, что документ носит добровольный характер с возможным выходом на разработку дополнительных юридически обязательных норм, сообразно обстоятельствам стран.

Вместе с тем следует отметить, что инициативы в рамках созданного в 2019 г. по предложению России Специального межправительственного комитета ООН открытого состава для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию ИКТ в преступных целях все еще рассматриваются с пассивной интенсивностью и зачастую предпринимаются попытки об исключении проблемы информационной преступности из повестки для ООН.

В свою очередь, страны ЕС планируют на саммите в Версале в марте 2022 г. обсудить создание европейских кибернаступательных сил, которые будут следить за кибербезопасностью.

¹ Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 85) [Электронный ресурс] // Доступ из СПС Garant.ru. URL: <https://base.garant.ru/4089723/> (дата обращения: 13.12.2021).

² Россия внесла в ООН свой проект конвенции по борьбе с киберпреступностью [Электронный ресурс] // РБК. 27.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/610021049a7947c17a15e6df> (дата обращения: 13.12.2021).

³ Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности и поощрение ответственного поведения государств в сфере применения информационно-коммуникационных технологий : проект резолюции Генассамблеи ООН [Электронный ресурс] // Сайт Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/disarmament/ru/%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%B2-%D1%81%D1%84%D0%B5%D1%80%D0%B5-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0-%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B8-%D1%82/> (дата обращения: 13.12.2021).

Отсутствие единства взглядов мирового сообщества на вопросы МИБ предопределяет стратегический характер тесного сотрудничества между союзническими странами для обеспечения в том числе своего идеологического лидерства в формировании основ мирового порядка и информационного пространства [5].

В этих условиях возрастает роль многостороннего регионального сотрудничества, где особо востребован для стран евразийского пространства авторитет таких площадок, как СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС, АСЕАН, Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), в том числе ЕАЭС.

Сотрудничество стран в рамках евразийской интеграции имеет преимущественное значение для его участников, которое может быть рассмотрено в качестве необходимого условия для встраивания своих внешних геоэкономических и геополитических интересов в глобальную повестку дня, в том числе в сфере ИКТ, принимая во внимание роль фактора масштаба и размерности в информационной гонке для продвижения своих инициатив.

В этих условиях представляется оправданным и актуальным начало обсуждения вопросов информационной безопасности в рамках известных интеграционных форматов, в частности, Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС) как одного из аттракторов в формировании нового мирового устройства в виде центра силы полицентричного мира.

Считаем своевременным и важным начать задействовать потенциал евразийской интеграции для продвижения на международной арене совместных инициатив, разработанных на основе совместных заявлений, деклараций в сфере информбезопасности и цифрового суверенитета.

В ЕАЭС уже сделано немало для создания общего цифрового пространства. В 2016 г. был запущен трек по обсуждению цифровой повестки на пять стран (Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России). Цифровая повестка стала самостоятельным направлением евразийской интеграции, несмотря на то, что Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. она не предусмотрена. В ЕАЭС уже запущены механизмы финансирования цифровых инициатив и цифровых проектов, отбора и проработки таких цифровых инициатив. Это проекты по цифровой прослеживаемости товаров, экосистеме цифровых транспортных коридоров, трансграничному обороту данных, цифровой промышленной кооперации.

Вместе с тем механизмы законодательного наднационального регулирования вопросов информационной политики и информационной безопасности пока еще не определены, в то время как сегодня страны евразийской интеграционной пятерки сталкиваются с беспрецедентным ростом вызовов в информационном пространстве как по линии киберпреступности, так и медиаманипулированию.

Киберпространство стран ЕАЭС открыто для угроз и уязвимо как в правовой, так и практической плоскостях. По данным Центрального банка России, объем операций без согласия клиентов в России в 2020 г. составил порядка 10 млрд руб., что на 53% больше, чем в 2019 г. Количество киберпреступлений в России составило 773 тыс. Большая часть экономических преступлений с использованием ИКТ совершается в России, и по мере внедрения механизмов по их противодействию такие преступления распространяются на русскоязычную аудиторию, в частности стран ЕАЭС. Если говорить о странах ЕАЭС, в Беларуси за последние три года количество киберпреступлений увеличилось в десять раз. В 2020 г. в Беларуси было зафиксировано порядка 25 тыс. киберпреступлений. В Казахстане ежегодно выявляется более 21 тыс. инцидентов по нарушению информационной безопасности. В Армении количество таких преступлений составляет свыше ста.

По данным Всемирного экономического форума, мировой ущерб от киберпреступности за пять лет, с 2019 г. к 2023 г., достигнет 5,2 трлн долл. США. Ежегодные потери от кибератак составляют порядка 600 млрд долл. США¹. Напряженная ситуация в киберсфере связана с недостатками современной системы международного сотрудничества. Такая ситуация не только приводит к колоссальному ущербу в мировом масштабе, но подрывает доверие к технологиям и уверенность государств в готовности обеспечить свою национальную безопасность в условиях столь стремительной цифровой трансформации.

¹ Доклад Всемирного экономического форума Partnership against Cybercrime, ноябрь, 2020 г. [Электронный ресурс] // World Economic Forum. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_Partnership_against_Cybercrime_report_2020.pdf (дата обращения: 13.12.2021).

Сегодня скорость обмена информацией даже между своими национальными органами недостаточна высокая на фоне стремительного развития цифровых технологий и темпа жизни. Для своевременного пресечения кибератак обмен информацией и оперативность реагирования играет определяющую роль.

Аспекты сотрудничества стран Евразийского экономического союза в области международной информационной безопасности

Государства — члены ЕАЭС в рамках двухсторонних форматов сотрудничества отмечают необходимость усиления координации и укрепления взаимодействия в борьбе с преступным использованием ИКТ.

В начале 2021 г. между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики было подписано Соглашение о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности¹. Документ фиксирует стремление России и Кыргызстана наращивать двустороннее взаимодействие и координировать позиции по вопросам МИБ. Соглашение закладывает международную правовую основу для реализации совместных инициатив.

Аналогичное соглашение есть между Россией и Беларусью, которое было подписано в 2013 г.²

Отличительными чертами вышеуказанных соглашений является характер сотрудничества. Соглашение между Россией и Беларусью в области МИБ отражает стремление стран создавать правовую и организационную основы сотрудничества сторон в области обеспечения международной информационной безопасности и правовых основ проведения совместных скоординированных мероприятий, направленных на обеспечение информационной безопасности. Соглашение между Россией и Кыргызстаном в области МИБ, как правило, предусматривает налаживание прямого диалога компетентных органов двух стран по всему спектру вопросов в части МИБ, а также проведение на регулярной основе полномасштабных двусторонних межведомственных консультаций по данной тематике и обмену информацией, отображает принципиальную схожесть взглядов в оценках ИКТ-угроз.

10 февраля 2022 г. между Россией и Арменией по итогам консультаций на экспертном уровне был согласован проект двустороннего межправительственного Соглашения о сотрудничестве в области обеспечения информационной безопасности. Была подчеркнута актуальность укрепления международного сотрудничества в области противодействия информационной преступности, в том числе в рамках СНГ, ОДКБ, ОБСЕ.

Что касается остальных государств — членов ЕАЭС, следует отметить, что участие Республики Армения в области международной информационной безопасности реализуется в рамках Будапештской конвенции о преступности в сфере компьютерной информации.

Участие Республики Беларусь и Киргизской Республики в области обеспечения международной информационной безопасности реализуется в рамках постсоветского пространства. Международное сотрудничество Республики Казахстан осуществляется в рамках СНГ, ШОС.

Россия для обеспечения стабильной деятельности государств и международных институтов активно продвигает сотрудничество в сфере МИБ как в рамках многосторонних, так и двусторонних форматов. Россия реализует свою программу развития сотрудничества в рамках СНГ, ОДКБ, ШОС, БРИКС.

В настоящее время правовые акты и документы стратегического характера государств — членов ЕАЭС имеют разную степень вовлеченности в вопросы международной информационной безопасности. Они, как правило, имеют разнородные цели и, соответственно, взгляды на принципиальные вопросы архитектуры МИБ. Акты в виде стратегий, доктрин, основ по вопросам сотрудничества стран евразийской интеграционной пятерки в области МИБ запаздывают в реагировании на информационные угрозы в экономической и идеологической плоскостях интеграции.

¹ Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Киргизской Республики о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-5/59944 (дата обращения: 13.12.2021).

² Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/499074140> (дата обращения: 13.12.2021).

Информационно-идеологическая безопасность

Говоря об идеологической составляющей в части информационного продвижения евразийских ценностей, анализ информационной повестки ЕАЭС демонстрирует, что она не отвечает требованиям современного информационного этапа развития мирового сообщества, который трудно представить без активного участия медиа. Сегодня медиа выполняют не только информационную функцию и являются непосредственными участниками современных глобальных процессов, но выступают ключевыми игроками в медиаманипулировании, которое направленно на изменение ментальной и цивилизационной основы общества [3]. В ноябре 2021 г. на заседании Высшего Госсовета Союзного государства Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко выступил за создание медиахолдинга Союзного государства. Президент Беларуси отметил, что «...сейчас фальсифицируют не только историю, но и современные тенденции, направления нашей политики, в том числе и в Союзном государстве. Это происходит потому, что мы слабо в этом плане работаем. Думаю, что здесь нам надо серьезную реформу провести»¹. В 2020 г. в обращении к главам государств — членов ЕАЭС Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко отметил: «Предлагаем принять дополнительные меры по мировому и региональному позиционированию ЕАЭС с выходом на разработку и реализацию общей (единой) информационной политики. Требуется разработать Концепцию общей информационной политики, Стратегию ее реализации и планы действий по их выполнению»².

На фоне усиления протекционизма и обострения торгово-экономического противостояния в мире, геополитической напряженности и турбулентности ценность ЕАЭС существенно повышается для его участников. И в этих условиях перед евразийским интеграционным объединением остро стоит проблема отсутствия адекватной современным вызовам информационной повестки³ — информационного нарратива, призванного обеспечить защиту не только экономического, цифрового суверенитета стран ЕАЭС, но также их когнитивной и политической самостоятельности, стать залогом продвижения международного сотрудничества в области МИБ через евразийскую интеграцию.

Принимая во внимание сугубо экономический характер евразийского интеграционного объединения, представляется целесообразным поэтапный запуск процесса обсуждения вопросов международной информационной безопасности. Первым этапом сотрудничества государств-членов в области информационной повестки оправданно могут стать вопросы МИБ в экономической сфере (в сфере киберпреступности).

Сегодня принятая в 2016 г. в рамках армянского председательства в Евразийской экономической комиссии цифровая повестка ЕАЭС активно реализуется, несмотря на то что Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г. она не была предусмотрена⁴. Однако стремительное развитие ИКТ и глобальной цифровой трансформации обусловили внедрение в орбиту интеграции вопросов, выходящих за рамки Союзного Договора. В этой связи видится оправданным обсуждение возможности внедрения евразийских цифровых решений (цифровых платформ) для оперативного обмена информацией в рамках ЕАЭС о киберпреступлениях для своевременного реагирования, в том числе с привлечением Фонда цифровых инициатив Евразийского банка развития, призванного оказывать содействие в формировании инструментов и практик цифровой трансформации государств — участников Евразийского банка развития.

¹ Заседание Высшего Государственного Совета Союзного государства [Электронный ресурс] // URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67066> (дата обращения: 13.12.2021).

² Обращение Президента Республики Беларусь, Председателя ВЕЭС Александра Лукашенко к главам государств — членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/09-01-2020-1.aspx> (дата обращения: 13.12.2021).

³ Сухарева О. Евразийскую интеграцию пора выводить из информационного подполья [Электронный ресурс] // Информационная площадка «Ритм Евразии». URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2015-03-15--evrazijskuju-integraciju-pora-vyvodit-iz-informacionnogo-podpolja-17088> (дата обращения: 13.12.2021).

⁴ Об основных направлениях развития цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года : решение Евразийского экономического союза от 11.10.2017 № 12 [Электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/555625953> (дата обращения: 13.12.2021).

Кроме того, учитывая, что вопросы информационной политики не регулируются Договором о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., видится оправданным и весьма своевременным запуск процесса рассмотрения возможности создания рабочей группы высокого уровня по вопросам формирования евразийской повестки в области международной информационной безопасности с дальнейшим выходом на совместное заявление глав государств ЕАЭС по обеспечению информационной безопасности в рамках ЕАЭС.

Такая рабочая группа могла бы заниматься вопросами совершенствования права ЕАЭС в части включения вопросов международной информационной безопасности в компетенцию интеграционного объединения, также как формирования механизмов реализации глобальной информационной повестки для обеспечения защиты суверенитета государств — членов ЕАЭС в экономической сфере и продвижения евразийских ценностей.

Вместе с тем дезинтеграционная динамика на постсоветском пространстве, связанная с разнородной палитрой отношений между странами СНГ, в том числе ЕАЭС, которые разворачиваются в условиях глобального стратегического противостояния, предопределяет не менее стратегический характер сотрудничества государств — членов ЕАЭС в области всего спектра МИБ для укрепления и развития евразийской идеи — идеологического нарратива, призванного обеспечить защиту культурно-исторических ценностей евразийской интеграции и укрепление цивилизационной основы евразийского пространства.

Для реализации этих задач в качестве второго этапа сотрудничества государств-членов в области информационной повестки оправданно могут стать вопросы МИБ в идеологической сфере (в сфере медиапродвижения). В этом контексте считаем важным задуматься о начале проработки вопроса по формированию единого информационного пространства ЕАЭС с возможностью создания евразийского информационного ресурса для последовательного и системного информирования граждан государств-членов о преимуществах и выгодах евразийской интеграции. Предлагается сформировать единое «роевразийское» информационное пространство на базе СМИ стран ЕАЭС при активном участии Евразийской экономической комиссии с выходом на выработку и утверждение документов стратегического характера для нормативно-правового сопровождения строительства информационного пространства ЕАЭС и популяризации идеи евразийской интеграции.

Обеспечение системного диалога и обмен мнениями и практиками формирования совместных механизмов и инструментов реализации информационной повестки на площадке ЕАЭС позволят сформировать необходимую основу для принятия своевременных совместных решений в случае такой необходимости. Такой диалог необходим и оправдан для выработки своевременной стратегии реагирования на глобальные угрозы информационной безопасности.

Заключение

Итак, встраивание ЕАЭС в глобальный диалог по международной информационной безопасности позволит сообщать совершенствовать политику противодействия информационным угрозам и позиционировать ЕАЭС в качестве активного участника процесса формирования глобальных правил в области международной информационной безопасности.

Предложенные в статье преобразования единого «роевразийского» информационного пространства на базе СМИ стран ЕАЭС могут рассматриваться как закономерный этап развития. Следует констатировать, что сегодня на первый план, наряду с сугубо экономической повесткой ЕАЭС, выходят вопросы обеспечения информационной безопасности государств — членов ЕАЭС.

Литература

1. *Елков О. А.* Роль СМИ во внешней политике и формировании образа государства в международном массовом сознании // *Дипломатический вестник Приднестровья*. 2011. № 1 (3) апрель.
2. *Ильницкий А. М.* Ментальная война России // *Военная мысль* военно-теоретического журнала. Август. 2021 г.

3. Михайленко А. Н., Ильина М. Ю. Актуальные вопросы развития Евразийского экономического союза // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 5. С. 138–150.
4. Смирнов А. И. Глобальная безопасность в цифровую эпоху: стратагемы для России / под общ. ред. А. И. Смирнова. М. : ВНИИгеосистем, 2014. 394 с.
5. Смирнов А. И. Международная информационная безопасность: теория и практика : учебник для вузов. В трех томах. Том 10 / под ред. А. В. Крутских. 2-е изд. доп. М. : Аспект Пресс, 2021. 384 с.

Об авторе:

Ильина Мария Юрьевна, советник Департамента функционирования внутренних рынков Евразийской экономической комиссии (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук;
ilyina@eecommission.org; maria.ilyina02@gmail.com

References

1. Elkov O. A. The role of the media in foreign policy and the formation of the image of the state in the international mass consciousness // Diplomatic Bulletin of Pridnestrovie [Diplomaticheskii vestnik Pridnestrov'ya]. 2011. No. 1 (3) April. (In Rus.)
2. Ilitsky A. M. Mental war in Russia // Military thought of the military-theoretical journal [Voennaya mysl' voenno-teoreticheskogo zhurnala]. August. 2021. (In Rus.)
3. Mikhailenko A. N., Ilyina M. Yu. Topical issues of the development of the Eurasian Economic Union // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk]. 2020. No. 5. P. 138–150. (In Rus.)
4. Smirnov A. I. Global security in the digital era: stratagems for Russia / ed. A. I. Smirnov. Moscow : VNIIGeosistem, 2014. 394 p. (In Rus.)
5. Smirnov A. I. International information security: theory and practice : a textbook for universities. In three volumes. Volume 10 / ed. A. V. Krutskikh. 2nd ed. add. Moscow : Aspect Press, 2021. 384 p. (In Rus.)

About the author:

Maria Yu. Ilyina, Advisor to the Department for the Functioning of Internal Markets of the Eurasian Economic Commission (Moscow, Russian Federation), PhD in Economics; ilyina@eecommission.org;
maria.ilyina02@gmail.com

Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ¹

Леденева В. Ю.

Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация; vy.ledeneva@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья является попыткой осмысления актуальных публикаций российского медиапространства в контексте различных аспектов национальной и этнической идентичности, гармонизации межнациональных отношений. Рассматриваются конструируемые средствами массовой информации (далее СМИ) образы внешних трудовых мигрантов и сложившиеся в обществе негативные установки по отношению к ним.

Цель. Показать проблемы объективности подачи информации о межэтнических отношениях в российских СМИ, определить, каким образом публикации в СМИ формируют уровень толерантности в обществе, а также выявить роль медиапространства в противодействии распространения ксенофобии, национализма и неофашизма.

Задачи. Для реализации данной цели в статье решаются несколько ключевых задач: проанализировано понятие «межэтнических отношений», определены факторы, детерминирующие их состояние и конфликтный потенциал, раскрывается механизм дискурсивного конструирования межэтнических отношений, показаны различия в подходах к освещению межэтнических конфликтов в разных российских печатных и электронных изданиях.

Методология. Методологической основой работы явились научные методы сравнительно-системного анализа, направленные на комплексное изучение СМИ как механизма регулирования межэтнических отношений. В качестве основного метода использовался контент-анализ текстов печатных и электронных федеральных и региональных СМИ, статей, сообщений, выпусков интернет-изданий, комментариев блогеров, выступлений политических деятелей, сообщений в социальных сетях и текстовых сообщений из различных источников, отражающих проблемы межэтнических отношений. По основным тегам отобраны факты проявления этноконфессиональной напряженности, высказывания об угрозах и факторах дестабилизации этноконфессиональной ситуации.

Результаты. По результатам контент-анализа были выявлены основные содержательные и оценочные характеристики межэтнических отношений в обществе, противоречия в формировании образа внешних мигрантов, присутствующие в современном медиапространстве, и описание возможных стратегий взаимодействия, к которым готово российское общество в настоящее время. Определен механизм дискурсивного конструирования в виде текстов, провоцирующих эмоциональное восприятие внешней миграции над текстами, способствующими ее рациональному осмыслению.

Выводы. Проведенный анализ показал слабую роль СМИ в отражении проблем межэтнических отношений. Функционально деятельность СМИ направлена на обеспечение межнационального согласия и регулирование межнациональных отношений, однако в большей степени в российских СМИ преобладает негативная риторика в отношении иностранных мигрантов, что усиливает уровень мигрантофобии среди населения.

Ключевые слова: межэтнические отношения, медиапространство, СМИ, мигранты, мигрантофобия

Для цитирования: Леденева В. Ю. Отражение проблем межэтнических отношений в российских СМИ // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 128–137.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31096.

Reflection of the Problems of Interethnic Relations in the Russian Media

Viktoriya Yu. Ledeneva

Institute for Demographic Research, Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; vy.ledeneva@yandex.ru

ABSTRACT

The article is an attempt to comprehend the current publications of the Russian media space in the context of various aspects of national and ethnic identity, harmonization of interethnic relations. The authors consider the images of external labor migrants constructed by the media (hereinafter referred to as the media), and the negative attitudes that have developed in society towards them.

Aim. The aim of the article is to show the problems of objectivity in the presentation of information about interethnic relations in the Russian media, to determine how publications in the media form the level of tolerance in society, and also to identify the role of the media space in countering the spread of xenophobia, nationalism and neo-fascism.

Tasks. To achieve this goal, the article solves several key tasks: the concept of “interethnic relations” is analyzed, the factors determining their state and conflict potential are identified, the mechanism of discursive construction of interethnic relations is revealed, differences in approaches to covering interethnic conflicts in various Russian print and electronic publications are shown.

Methods. The methodological basis of the work was the scientific methods of comparative system analysis, aimed at a comprehensive study of the media as a mechanism for regulating interethnic relations. The main method was content analysis of texts of print and electronic federal and regional media, articles, messages, Internet editions, bloggers’ comments, messages on social networks and text messages from various sources reflecting the problems of interethnic relations. Intent analysis of publications made it possible to determine a set of lexemes, the purpose of which is to create a negative image of the subject of the story.

Results. Based on the results of the content analysis, the main substantive and evaluative characteristics of interethnic relations in society, the contradictions in the formation of the image of external migrants present in the modern media space and a description of possible interaction strategies that Russian society is ready for at present were identified. The mechanism of discursive construction in the form of texts that provoke emotional perception of external migration over texts that contribute to its rational comprehension has been determined.

Conclusions. The analysis showed the weak role of the media in reflecting the problems of interethnic relations. Functionally, the activities of the media are aimed at ensuring interethnic harmony and regulating interethnic relations, however, to a greater extent, negative rhetoric towards foreign migrants prevails in the Russian media, which increases the level of migrant phobia among the population.

Keywords: interethnic relations, media space, media, migrants, migrant phobia

For citing: Ledeneva V. Yu. Reflection of the Problems of Interethnic Relations in the Russian Media // Eurasian Integration: Economics, Law and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 128–137.

Введение

Вопрос межнациональных отношений для Российской Федерации является одним из основных в формировании национальной политики и идеи национальной идентичности. В этом смысле состояние отношений и культурных связей между разными народами, населяющими страну, может стать фактором консолидации или, наоборот, привести к государственной нестабильности и даже вооруженному конфликту, как это случилось на территории постсоветского пространства в девяностые годы прошлого века, когда произошло резкое снижение уровня восприятия межкультурных различий. Основная причина — установление новых принципов общественных отношений, основанных на экономической рациональности, индивидуализме и конкуренции.

Межэтнические отношения представляют собой комплекс субъективно переживаемых отношений между этническими группами в виде социальных связей во всех сферах общественной жизни [7]. Межэтнические отношения формируются на двух основных уровнях — личном и групповом, затрагивая область политики, трудовой деятельности, быта, семьи, дружеского, неформального общения [2]. Научное сообщество различает два вида межэтнических взаимодействий: (а) исторически давно контактирующих национальностей, условно говоря, автохтонных культур, и (б) тех взаимодействий, которые связаны с миграционными процессами. Каждый из этих типов межэтнических взаимодействий требует особого подхода. Научное сообщество должно попытаться выработать эти подходы и предложить их обществу и власти в интересах как науки, так и реализации государственной национальной политики [3].

Ключевой показатель государственной национальной политики — доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений. По данным ВЦИОМ, доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений в стране, выросла до 81,1%¹.

В то же время почти каждый пятый опрошенный в среднем по стране с различной степенью уверенности полагает, что в населенном пункте его проживания возможны серьезные конфликты на национальной почве.

Одна из основных функций СМИ заключается в формировании общественного мнения, в том числе и в отношении к разным национальностям. СМИ могут смягчать межкультурные различия, положительно оценивая те или иные межкультурные события, или, наоборот, усугублять их. Для Российской Федерации этот вопрос чрезвычайно актуален в силу многонациональности нашего государства (на территории Российской Федерации проживает более 190 народов) и увеличения интенсивности миграционных потоков из бывших советских республик. Разделение прессы бывших советских народов на «свои» и «чужие» привело к обострению и без того сложных отношений между отдельными этническими группами. Для российского общества адекватное освещение в СМИ межэтнических и межрелигиозных отношений необходимо в рамках критического дискурс-анализа, т. к. некоторые вопросы конструирования межнациональных отношений, по нашему мнению, рассматриваются в медиапространстве односторонне [10].

Один из основных критериев, оценивающих качество публикуемых материалов, — объективность описания событий. В теме межнациональных отношений информация в СМИ должна быть непредвзятой и правдивой по отношению ко всем социальным группам общества. Способ представления информации в СМИ в значительной степени определяет мнения людей о мирном сосуществовании или же о межнациональных конфликтах [8]. Новые цифровые форматы подачи материалов так или иначе могут нарушать баланс в освещении межкультурных отношений.

Подавляющее количество работ о дискурсивном конструировании межнациональных отношений посвящено анализу миграционных процессов [4]. Часто объектом таких публикаций являются трудовые мигранты, образ которых используется в негативном свете [6]. Эксплуатация такого образа осложняет отношения между представителями разных национальностей и формирует у пользователей устойчивое отрицательное отношение ко всем мигрантам, что в целом отрицательно сказывается на уровне межэтнических отношений. Разнообразие публикаций о мигрантах в электронных СМИ и их комментарии являются богатым эмпирическим материалом для исследования.

В нынешних социокультурных условиях цифровой электронный дискурс фактически является проводником между социальными группами, выполняя свою основную — посредническую функцию, поэтому на процесс взаимодействия между группами влияют формы, представления и интерпретации определенных сюжетов [9]. Основой для возникновения и функционирования межэтнических отношений являются конкретные проблемы, противоречия, инциденты, фобии и иррациональные страхи.

Конфликтные заголовки и лексемы, употребляемые в российских СМИ, стали сегодня визитной карточкой многих изданий. Часто заголовки публикаций имеют форму цитаты и дают оценочную интерпретацию событию, что фактически сразу формирует эмоциональную тональность текста, особенно это

¹ Доля единства [Электронный ресурс] // Российская Газета. URL: <https://rg.ru/2021/02/18/vciom-bolee-80-rossiian-vysoko-ocenivaiut-mezhnacionalnye-otnosheniia.html> (дата обращения: 28.08.2021).

проявляется в миграционной тематике. Например, «Патрушев: неконтролируемый приток мигрантов ведет к активности исламских радикалов» (TASS.ru, 23.03.2021), «Россия готовится к масштабной волне мигрантов» (Ura.ru, 30.03.2021), «В администрации президента заявили об ухудшении отношения россиян к мигрантам» (Kommersant.ru, 8.04.2021), «Россия на грани катастрофы. Трудовые мигранты теперь боевые» (Царьград, 24.07.2021).

В свете событий последнего десятилетия такие заголовки превращаются в стереотипы в сознании граждан, усугубляя и без того сложную межэтническую ситуацию в некоторых регионах нашей страны.

Образованные лексемы (религиозная вражда, конфликты, мигранты, протестные действия) беспрерывно конструируют «порядок вещей», сложившийся в сфере межнациональных отношений, и тем самым влияют на развитие чувства толерантности или этнической идентичности. Медиа выступают как интерпретаторы межнациональной картины общества, не просто репрезентируя наиболее значимые события, но делая некоторые из них наиболее значимыми. Таким образом, СМИ формируют дискурс о межнациональных отношениях в соответствии с правилами собственного контекста.

Противоречивая лексика — неприемлемый для журналиста способ донести информацию до массового сознания. Фактически читатель часто не читает всю статью, а скорее формирует собственное мнение о тех или иных событиях, просто листая публикации. Само собой разумеется, что провокационные заголовки способствуют негативному отношению к людям определенных национальностей. Однако в настоящее время появились новые формы материалов СМИ, в основном электронные, которые тем или иным образом меняют баланс в освещении межэтнических отношений.

Методы исследования

Предметом нашего исследования стали статьи, сообщения, транскрипты новостных и информационно-аналитических программ телевидения, выпуски интернет-изданий, комментарии блогеров, выступления политических деятелей, сообщения в социальных сетях и текстовые сообщения из различных источников, отражающие проблемы межэтнических отношений.

Автором был проведен контент-анализ публикаций различных изданий федерального и регионального значения. В качестве источников были выбраны популярные новостные порталы: информационное агентство ТАСС, «Российская Газета», «Коммерсантъ», «Царьград», «Комсомольская правда», «Медиа-миг», региональные СМИ и др., а также сообщения в социальных сетях «В Контакте», Telegram, Facebook, Instagram и др. Временной интервал контент-анализа — в период с января по июль 2021 г. Акцент был сделан на анализе публикаций, касающихся проблем трудовых мигрантов (легализация, взаимодействие с органами власти и местным населением, совершение преступлений). Основными показателями актуальности проблем трудовых мигрантов в печатных СМИ является количество публикаций и объем информационных сообщений за указанный период.

В общей сложности было изучено 78 публикаций, представленных на этих порталах в заданный временной интервал, и отобраны статьи для проведения контент-анализа на основании заголовков, содержащих ключевые лексемы: «этноконфессиональная напряженность», «этнорелигиозная ситуация», «межнациональные и религиозные отношения», «мигранты».

При этом наибольшее количество сделано на сайтах федеральных изданий TASS.ru (10%), «Коммерсант.ру» (23%), «Российская Газета» (10%), «Царьград» (34%), на региональные СМИ приходилось от одной до пяти публикаций, в зависимости от события, получившего резонанс в обществе. В ходе исследования были отобраны следующие единицы анализа: миграционная ситуация, мигранты, адаптация, угроза безопасности, национальные отношения, этнорелигиозные конфликты. Также учитывались дата публикации, затронутые темы, размер и жанр статьи.

Достоверность результатов определялась в первую очередь категориальным аппаратом и по подчиненным ему единицам счета (анализа), указанным выше, формирующим единую тематику исследования. Определение конкретных единиц счета позволило уйти от размытости изучаемой проблемы и получить максимальное количество необходимой информации. В дальнейшем информация была интегрирована

и обобщена для определения оценки исследуемой проблеме. Выбранные категории максимально охватывали исследуемую тему и трактовались единым образом.

Результаты и обсуждение

По итогам анализа данных, отобранных автором, было выявлено 63 факта проявления этноконфессиональной напряженности (далее — ЭКН) и высказываний об угрозах и факторах дестабилизации этноконфессиональной ситуации, опубликованных в российских печатных и интернет-СМИ. Факты проявления ЭКН распределены по трем группам: насильственные действия из-за национальной, расовой или религиозной вражды (далее — насильственные действия); протестные действия, обусловленные обострением межнациональных и религиозных отношений (далее — протестные действия); пропаганда национальной, расовой и религиозной розни (далее — пропаганда). Высказывания об ЭКН — это заявления, оценки, прогнозы представителей власти, общественных деятелей, членов национальных, религиозных и политических организаций, экспертного сообщества, публицистов и др.

В качестве инфоповодов были отобраны сообщения, в которых отражались проблемы межэтнического взаимодействия разных социальных групп. Большинство обнаруженных информационных поводов не вышли в реальную плоскость, не получили развитие и, благодаря своевременному обнаружению, были «локализованы» информационными методами.

Для исследования нами были выбраны миграционно привлекательные субъекты Российской Федерации, где конфликтогенность межэтнических отношений имеет наиболее высокий уровень. Анализ СМИ подтвердил правильность сделанного выбора, т. к. наибольшее количество фактов ЭКН наблюдается в регионах, где традиционно много мигрантов, как внутренних, так и внешних. В январе — июле 2021 г. наибольшее число фактов проявления ЭКН зафиксировано в субъектах Приволжского, Сибирского и Центрального федеральных округов: Республика Татарстан, Новосибирская область, Нижегородская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и другие. Насильственные действия из-за национальной, расовой и религиозной вражды зафиксированы в пятнадцати субъектах РФ. В результате насильственных действий по мотивам национальной и религиозной вражды пострадало (было ранено) три человека.

Наиболее резонансный случай произошел в рабочем пос. Мошково Новосибирской области, где группа из шестидесяти представителей азербайджанской диаспоры, проживающих в поселке, оказывала давление на местное население и провоцировала массовые столкновения, требуя выдать им инспектора ДПС А. Гусева, который ранил при задержании азербайджанца В. Абдуллаева (не подчинился требованиям сотрудников автоинспекции, оказал им сопротивление и пытался скрыться), скончавшегося позднее в больнице. Об этом случае написали многие СМИ и активно обсуждали пользователи социальных сетей¹.

Протестные действия, обусловленные напряженностью в межнациональных и религиозных отношениях, зафиксированы в четырнадцати субъектах РФ. Наиболее активные акции протеста состоялись в Республике Татарстан, Иркутской и Новосибирской областях. В Казани инфоповодами послужили митинг против признания общественной организации «Всетатарский общественный центр» экстремистской и запрещения ее деятельности, а также протесты по недопущению объединения Республики Татарстан и части территорий Республики Марий Эл (города Волжск и Звенигово) в Казанскую агломерацию. По мнению участников протестов, это «противоречит Конституции РФ, ведет к ущемлению национальных прав и интересов народа мари, а также способствует разжиганию межнациональной вражды народов Республики Татарстан и Республики Марий Эл»².

Проблемы межнационального согласия отражались в публикациях, посвященных родным языкам разных народов, в частности, публикации об использовании на Горно-Алтайском автовокзале и в аэропор-

¹ Как гибель 19-летнего новосибирца после задержания обернулась предубеждениями и национализмом [Электронный ресурс] // Тайга. Инфо. 01.06.2021. URL: <https://tayga.info/168112> (дата обращения: 25.08.2021).

² Татарстан вновь в списке на объединение регионов. Без сопротивления элит [Электронный ресурс] // Казанский репортер. URL: https://kazanreporter.ru/post/4590_tatarstan-vnov-popal-v-spisok-na-obedinenie-regionov-bez-soprotivlenia-elit (дата обращения: 27.08.2021).

ту Горно-Алтайска для информирования пассажиров не только русского языка, но и алтайского. Однако Министерство регионального развития Республики Алтай заявило, что использование «дополнительного» алтайского языка на указанных территориях будет являться лишней информационной нагрузкой для пассажиров.

Актуальность проблемы сохранения бурятского языка отмечал глава Республики Бурятия А. Цыденов. По его мнению, необходимы условия, когда люди с интересом и желанием будут погружаться в язык и культуру своего народа, для этого надо создать интересный, востребованный контент, который хотелось бы смотреть носителям языка, а у тех, кто не говорит на бурятском, появился стимул выучить язык. Пользователи социальной сети Facebook для преподавания бурятского языка и литературы предлагали использовать программу «Бурятский как родной»¹.

В селе Ижма преподаватели языка коми обратились в Министерство образования Республики Коми и к межрегиональным общественным движениям «Изьватас» и «Коми войтыр» с просьбой не сокращать количество часов по предмету «Коми язык» для 5–9-х классов школ Ижемского района при переходе на пятидневную учебную неделю.

В Республике Тыва, по данным издания «Риск», русским языком владеют только 84,7% населения — это самый низкий уровень среди регионов РФ². Факты дискриминации русских предпринимателей по национальному признаку в Республике Тыва отражены в публикации «Кто ударит по рукам жуликам от строительства?». Автор К. Пчелкин высказал мнение, что руководителей строительных предприятий русской национальности разными способами «выдавливали» из республики, для этого использовались прокурорские и налоговые проверки. Оставшись без работы, предприниматели русской национальности вынуждены были вместе с семьями уехать за пределы региона³.

В СМИ нашли отражение факты пропаганды и возбуждения национальной, расовой и религиозной розни. Большинство из них — разжигание национальной и религиозной вражды в социальных сетях. Факты пропаганды фашизма зафиксированы во многих субъектах РФ: в республиках Алтай, Карелия, Крым, Марий Эл, Мордовия и Татарстан; в Забайкальском и Пермском краях; в Архангельской, Белгородской, Воронежской, Калужской, Московской, Ростовской, Самарской, Саратовской, Тюменской областях; в городе Санкт-Петербурге; в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра. Значительная часть нарушений — размещение в социальных сетях в Интернете в свободном доступе материалов с признаками пропаганды идеологии фашизма. Среди них — публикации изображений нацистской символики, атрибутики, уличные граффити с нацистской символикой, искажение исторических фактов о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, оскорбление памяти, унижение чести и достоинства ветеранов Великой Отечественной войны. Напомним, что Федеральным законом от 05.04.2021 № 59-ФЗ «О внесении изменений в статью 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» введена уголовная ответственность за публичное оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны.

В Красноярском крае произошло два резонансных случая по фактам экстремисткой деятельности: житель г. Норильска вел пропаганду идеологии международной террористической группировки ДАИШ⁴, а имам мечети г. Лесосибирска склонял жителей к преступлениям террористической направленности и распространению экстремистских материалов⁵.

В СМИ представители органов власти, руководители национальных и религиозных организаций, общественные и политические деятели, ученые и эксперты высказывали свое мнение о важных проблемах

¹ В Бурятии представили госпрограмму развития бурятского языка [Электронный ресурс] // ARD. URL: <https://asiarussia.ru/news/28218> (дата обращения: 25.08.2021).

² В Тыве русский язык не знают более 15 процентов жителей [Электронный ресурс] // Риск. № 4. URL: https://risk-inform.ru/article_9483.html (дата обращения: 25.08.2021).

³ Кто ударит по рукам жуликам от строительства? [Электронный ресурс] // Риск. № 4. URL: https://risk-inform.ru/article_9495.html (дата обращения: 25.08.2021).

⁴ ДАИШ — террористическая организация, деятельность которой запрещена в Российской Федерации.

Житель Норильска подозревается в призывах к террористической деятельности [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4927940> (дата обращения: 27.08.2021).

⁵ Имама из Красноярского края приговорили к шести годам колонии за пропаганду терроризма [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4846991> (дата обращения: 27.08.2021).

в межнациональных и религиозных отношениях, угрозах и факторах дестабилизации этноконфессиональной ситуации в субъектах РФ.

В июне — июле 2021 г. авторы высказываний о региональных проблемах в межэтнических и межконфессиональных отношениях обсуждали следующее.

1. Заявление Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации о нецелесообразности участия представителей этих народов в VIII Всемирном конгрессе финно-угорских народов в Эстонии и отсутствии необходимости проведения подобных мероприятий в будущем (Республика Карелия).

2. Проблему сохранения идентичности черкесского народа (Республика Адыгея). По мнению первого президента Международной черкесской ассоциации Ю. Калмыкова (автора публикации, размещенной в социальной сети Instagram), в силу исторических событий, разбросавших черкесов по всему миру, происходила и продолжается интенсивная ассимиляция народа. Адыги, проживающие на территории РФ, теряют свой язык, культуру, традиции и обычаи, в связи с чем возникла необходимость создания новой молодежной черкесской ассоциации, направленной на раскрытие потенциала молодежи этой национальности в Республике Адыгея. Пользователи социальной сети, оставившие свои комментарии к публикации, поддержали этот призыв, считая необходимым всегда отстаивать сохранение государственности национального региона.

В социальных сетях также активно обсуждалась перспектива лишения Республикой Адыгеей статуса самостоятельного субъекта РФ и присоединения к Краснодарскому краю из-за небольшой доли представителей титульной нации среди ее жителей. Новость о том, что руководство Краснодарского края уже обратилось к федеральным властям с соответствующей просьбой и Кремль рассматривает такую возможность, спровоцировала в соцсетях всплеск противоположных мнений: пользователи как поддерживали эту инициативу, так и выступали против.

Исторической справедливости требовал депутат совета Ногайского муниципального района, члена президиума регионального отделения партии «Справедливая Россия — за правду» в Карачаево-Черкесской Республике А. Туркменов (ногаец), когда призывал демонтировать размещенный на одной из улиц г. Черкесска билборд социальной рекламы «Россия — страна победителей» с изображением полководца А. Суворова. По мнению парламентария, А. Суворов виновен «в уничтожении ногайского народа». Билборд был быстро демонтирован, однако последовала реакция из Москвы, а в СМИ развернулась дискуссия о попытках переписать российскую историю.

Значительное количество публикаций в СМИ по проблемам межнациональных отношений посвящено трудовым мигрантам. Пандемия COVID-19 стала катализатором обострения межнациональных отношений — сформировались устойчивые шаблоны и стандарты, которые оказывают непосредственное влияние на межнациональные отношения и порождают антииммигрантскую риторику в обществе [5]. В СМИ и социальных сетях обсуждались самые разные ситуации, связанные с нахождением и деятельностью мигрантов в России.

Мигрантофобия в условиях коронавируса стала проблемой во всем мире. В российском медиапространстве произошла вспышка ксенофобских настроений, связанная с опасением, что в условиях потери работы мигранты начнут совершать преступления. Таким образом, СМИ не только не создавали позитивного отношения к мигрантам, а, наоборот, нередко провоцировали негативную реакцию читателей [1]. Отношение к мигрантам отражалось и на межнациональных отношениях.

Так, например, причинами усиления конфликтного потенциала Свердловской области в сфере межнациональных отношений стал отказ трудовым мигрантам из стран СНГ в бесплатном оформлении документов в Управлении по вопросам миграции ГУ МВД России по Свердловской области. По результатам оценки населением Свердловской области межнациональных отношений, конфликтный потенциал в регионе составляет более 30%¹. По мнению населения, формирование «этнических анклавов» из состава трудовых мигрантов существенно затрудняет адаптацию иностранных граждан в российском обществе, а также способствует криминализации общества, провоцированию национальных конфликтов, создает

¹ Каждый третий житель Свердловской области опасается конфликтов на национальной почве [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4849439> (дата обращения: 26.08.2021).

почву для проявления национализма и ксенофобии. Негативное отношение к мигрантам формируют стереотипы о культурных и религиозных различиях: мигранты плохо знают язык, нарушают правила дорожного движения, забирают и удешевляют рабочие места.

В Иркутской области резкую критику властей в социальных сетях вызвало большое количество мигрантов из КНР и республик Средней Азии в пунктах вакцинации от коронавирусной инфекции в условиях дефицита вакцины. По мнению автора Telegram-канала «Сарма», в регионе необходимо ввести платную вакцинацию для трудовых мигрантов. Автор не исключал, что данная ситуация могла перерасти в открытые столкновения между местными жителями и мигрантами.

Рост антииммигрантских настроений наблюдался в Республике Саха (Якутия). Не исключалась возможность появления в регионе новой оппозиционной политической силы националистического характера вследствие сложной социально-экономической ситуации (высокий уровень безработицы, низкая заработная плата, отсутствие у населения социальных перспектив). В качестве примера приводился митинг 18 марта 2019 г. в учебно-спортивном комплексе «Триумф», стихийно проведенный после известного резонансного случая с похищением якутской девушки кыргызским мигрантом. На митинге жители Якутска, в основном титульной нации (около 6 тыс. чел.), выразили недовольство фактами нарушения законов и морально-этических норм трудовыми мигрантами из Средней Азии и высказали требование сократить количество трудовых мигрантов и ужесточить миграционное законодательство. Региональные власти прислушались к требованиям жителей и провели серьезную работу по регулированию миграционных потоков, в том числе расширили список профессий, по которым запрещено работать мигрантам, провели обучающие семинары для муниципальных служащих, организовали встречи с руководителями диаспор.

Заключение

Итоги проведенного контент-анализа публикаций СМИ позволяют определить некоторые особенности и тенденции относительно освещения межэтнических отношений. СМИ сохраняют свои главные функции — социальные, контрольные, коммуникационные, однако вопрос о функциях СМИ в ходе освещения межэтнических отношений остается актуальным, особенно с развитием электронных средств коммуникации.

В публикациях СМИ прослеживается тенденция к сглаживанию межнациональных конфликтов, которая может являться как барьером, так и потенциалом к формированию культуры межэтнического сотрудничества. Тем не менее следует заметить, что некоторые СМИ оказывают серьезное влияние на дестабилизацию межэтнического равновесия в регионах, когда обычные бытовые конфликты раздувают до межэтнических, преувеличивая их значение и преследуя определенные цели, чаще всего политические.

Что касается ситуации с освещением темы миграции, она представляется больше негативной, чем позитивной. СМИ не только не создают позитивного отношения к мигрантам, а, наоборот, нередко провоцируют негативную реакцию читателей. В ходе исследования была выявлена закономерность между резонансными случаями межнациональных конфликтов, связанными с мигрантами, и количеством публикаций. Из полученных данных следует, что количество материалов, посвященных проблеме толерантности или интеграции трудовых мигрантов в общество, меньше по сравнению с количеством отрицательных публикаций, доля которых составляет почти 58%. Мигрант предстает как угроза безопасности гражданам России, а при наличии как позитивных, так и негативных сообщений о мигрантах в СМИ читатели наиболее остро воспринимают негативную информацию, которая только усиливает уровень мигрантофобии в обществе, чем позитивную, способствующую толерантному отношению к иностранцам и выстраиванию межэтнических взаимодействий. Следует заметить, что в региональных СМИ уровень освещения межэтнических отношений гораздо ниже, чем в федеральных изданиях. Прослеживается слабая функциональность СМИ по обеспечению межнационального согласия и регулированию межнациональных отношений. Ряд статей носят описательный характер и не предлагают какой-либо оценки событий.

Освещение в СМИ такой острой и деликатной проблемы, как межэтнические отношения, требует от журналистов высокого профессионализма. Необходимо учитывать не только культурные и религиозные особенности той или иной этнической группы, но также исторические, психологические, экономические и многие другие аспекты этноса. Каждое неправильно сказанное слово может обернуться серьезным конфликтом или провокацией, где каждый этнос будет защищать свое национальное достоинство. Опыт показывает, что стереотипы, навязываемые СМИ, способны создавать глубокие противоречия на межэтническом уровне и формировать устойчивое негативное поведение определенных этнических групп.

Активно используются маркеры национальности при освещении конфликтов, особенно если речь идет о внешних трудовых мигрантах. Постоянно подогревается тема о высоких темпах миграции, изменяющей этнический состав регионов России, что создает предпосылки для возникновения межэтнической напряженности. Некоторые материалы являются откровенно провокационными, в частности, сюжеты о том, что большая часть мигрантов не оформляет всех положенных документов, работает в теневом секторе экономики и не вносит ежемесячный платеж на право ведения трудовой деятельности в России. Вместе с тем во многих публикациях СМИ зачастую превалирует эмоциональное восприятие внешней трудовой миграции, затрудняющее рациональное осмысление реально протекающих процессов.

Основная задача публикуемых в СМИ материалов о межэтнических отношениях в России заключается в стремлении создавать положительную оценку миграционных процессов, которая будет способствовать межэтнической и межконфессиональной дружбе, рассказывать о культуре, истории народов. Результат работы журналистов — аналитические тексты, не допускающие провоцирование процессов «размывания государствообразующего этнического ядра», а, наоборот, выступающие «мягкой силой» в гармонизации межэтнической обстановки.

Литература

1. Варганова О. Ф. Образ трудового мигранта в федеральных и региональных СМИ // Социологическая наука и социальная практика. № 3 (11). 2015. С. 81–93.
2. Гуриева С. А. Установка и формирование системы межэтнических отношений // Социология. Психология. Философия. Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 282–291.
3. Дробижина Л. М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50.
4. Дубровская Т. В., Кожемякин Е. А. Конструирование межнациональных отношений в СМИ: специфика репрезентаций // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 18 (215). Выпуск 27. С. 111–125.
5. Леденёва В. Ю., Безвербная Н. А. Формирование образа мигранта в СМИ и социальных сетях на фоне эпидемии COVID-19 (по результатам контент-анализа интернет-изданий) // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2020. № 3. С. 95–105.
6. Мартыненко М. В. Проблемы освещения межнациональных отношений в СМИ // Система ценностей современного общества. 2010. № 10 (1). С. 247–251.
7. Рыбаков А. В. Межэтнические отношения: понятие, механизмы формирования и диагностика состояния // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 57.
8. Социокультурный мониторинг городского межэтнического сообщества: методология, методика, практика : коллект. монография / под. ред. Ю. В. Попкова. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2018. 347 с.
9. Сулейманова Ш. С., Рябова Е. Л. Роль СМИ в регулировании межнациональных отношений в современной России // Этносоциум и межнациональная культура. 2015. № 5 (83).
10. Якимова О. А. Медиадискурс иностранной миграции в Россию в контексте конструирования межэтнического взаимодействия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18. № 3. С. 123–136.

Об авторе:

Леденева Виктория Юрьевна, доцент, главный научный сотрудник — руководитель отдела этнодемографических и интеграционных процессов Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Российская Федерация, доктор социологических наук; vy.ledeneva@yandex.ru

References

1. Varganova O. F. The image of a labor migrant in federal and regional media // Sociological science and social practice [Sotsiologicheskaya nauka i sotsial'naya praktika]. No. 3 (11). 2015. P. 81–932. (In Rus.)
2. Gurieva S. A. Installation and formation of a system of interethnic relations // Sociology. Psychology. Philosophy. Bulletin of the Nizhny Novgorod University nam. N. I. Lobachevsky [Sotsiologiya. Psikhologiya. Filosofiya. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo]. 2009. No. 6 (1). P. 282–291. (In Rus.)
3. Drobizheva L. M. Russian identity: search for definition and dynamics of distribution // Sociological studies [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2020. No. 8. P. 37–50. (In Rus.)
4. Dubrovskaya T. V., Kozhemyakin E. A. Construction of interethnic relations in the media: the specifics of representations // Scientific Bulletin. Series: Humanities [Nauchnye vedomosti. Seriya: Gumanitarnye nauki]. 2015. No. 18 (215). Issue 27. P. 111–125. (In Rus.)
5. Ledeneva V. Yu., Bezverbnaya N. A. Formation of the image of a migrant in the media and social networks against the backdrop of the COVID-19 epidemic (based on the results of content analysis of Internet publications) // Scientific review. Series 1 : Economics and Law [Nauchnoe obozrenie. Seriya 1: Ekonomika i pravo]. 2020. No. 3. P. 95–105. (In Rus.)
6. Martynenko M. V. Problems of coverage of interethnic relations in the media // System of values of modern society [Sistema tsennostei sovremennogo obshchestva]. 2010. No. 10 (1). P. 247–251. (In Rus.)
7. Rybakov A. V. Interethnic relations: concept, mechanisms of formation and diagnosis of the state // Actual problems of social sciences: sociology, political science, philosophy, history [Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: sotsiologiya, politologiya, filosofiya, istoriya]. 2016. No. 57. (In Rus.)
8. Socio-cultural monitoring of the urban interethnic community: methodology, technique, practice : monograph / ed. by Yu. V. Popkov. Novosibirsk : Publishing house of NSTU, 2018. 347 p. (In Rus.)
9. Suleimanova Sh. S., Ryabova E. L. The role of the media in the regulation of interethnic relations in modern Russia // Ethnosocium and interethnic culture [Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura]. 2015. No. 5 (83). (In Rus.)
10. Yakimova O. A. Media discourse of foreign migration to Russia in the context of constructing interethnic interaction // Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2015. Vol. 18. No. 3. P. 123–136. (In Rus.)

About the author:

Viktoria Yu. Ledeneva, Associate Professor, Chief Researcher — Head of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute for Demographic Research of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (FSISC RAS) (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Sociology); vy.ledeneva@yandex.ru

Подходы Германии к урегулированию современных международных конфликтов на постсоветском пространстве

Шевчук Н. В.^{1*}, Сачик А. А.²

¹ Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация;

* shevchuk-nv@ranepa.ru

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Статья посвящена посреднической деятельности Германии в контексте общеевропейских подходов к мирному урегулированию международных конфликтов.

Цель. Выявить значение посредничества Германии для внешней политики и ее влияние на продвижение мирных инициатив на евразийском пространстве. Сравнить актуальные посреднические тактики, применяемые Германией в наши дни.

Задачи. Проанализировать внешнеполитические инструменты рассматриваемого государства для продвижения мирного урегулирования конфликтов в регионах, имеющих для нее политическое значение, включая постсоветское пространство.

Методология. В работе использованы логический и сравнительный анализ, метод работы с нормативно-правовыми актами.

Результаты. Авторы показывают основные подходы Федерального правительства Германии к предотвращению кризисов, которые базируются на широкой концепции безопасности. В статье дается категоризация основных инструментов участия Германии в посреднических процессах, а именно: участие в формальных форматах урегулирования конфликтов; участие в неформальных форматах урегулирования конфликтов; меры укрепления доверия.

Выводы. Анализируя опыт участия Германии в мирных процессах на евразийском пространстве, авторы приходят к выводу о том, что государство старается оставаться в тени, играя роль посредника в конфликтах, при этом согласовывая свои действия с другими активными акторами, задействованными в регионе.

Ключевые слова: урегулирование конфликтов, Германия, Европейский союз, посредничество, постсоветское пространство, инструменты посредничества, меры укрепления доверия

Для цитирования: Шевчук Н. В., Сачик А. А. Подходы Германии к урегулированию современных международных конфликтов на постсоветском пространстве // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. Т. 16. № 1. С. 138–146.

Germany's Approaches to the Settlement of Contemporary International Conflicts in the post-Soviet Space

Nina V. Shevchuk^{a,*}, Angelina A. Sachik^b

^a North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russian Federation; * shevchuk-nv@ranepa.ru

^b National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The article analyzes the mediation activity of Germany in the context of the common European approaches to the peaceful settlement of international conflicts.

Aim. To identify the importance of German mediation for foreign policy and its impact on the promotion of peace initiatives in the Eurasian space. Compare the current mediation tactics used by Germany today.

Tasks. To analyze the foreign policy instruments of the State in question to promote the peaceful settlement of conflicts in regions of political importance to it, including the post-Soviet space.

Methods. The paper uses logical and comparative analysis, a method of working with regulatory legal acts.

Results. Mediation serves as an important foreign policy tool of the state in question to promote the peaceful settlement of conflicts in regions of political importance to it, such as the post-Soviet space.

Conclusion. The authors show the main approaches of the German Federal Government to crisis prevention, which are based on a broad concept of security. The article provides a categorization of the main instruments of Germany's participation in mediation processes, namely: participation in formal formats of conflict resolution; participation in informal formats of conflict resolution; confidence-building measures. Analyzing the experience of Germany's participation in peace processes in the post-Soviet space, the authors come to the conclusion that the state tries to remain in the shadows, playing the role of a mediator in conflicts, while coordinating its actions with other active actors involved in the region.

Keywords: conflict resolution, Germany, European Union, mediation, post-Soviet space, mediation tools, confidence-building measures

For citing: Shevchuk N. V., Sachik A. A. Germany's Approaches to the Settlement of Contemporary International Conflicts in the post-Soviet Space // Eurasian Integration: Economics, Law, and Politics. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 138–146.

Введение

Современные конфликты на постсоветском пространстве характеризуются выраженной геополитизацией. Это позволяет говорить о данном регионе как об арене противостояния и конкуренции России и Запада. Несмотря на это, прагматичные механизмы и тактики урегулирования конфликтов и взаимодействия с политическими элитами в конфликтных зонах все же нередко становятся местом совпадения интересов и объединения усилий России, США, ЕС и его стран-членов, а также других региональных и внерегиональных акторов.

Это хорошо иллюстрирует молдавский кейс, когда консолидированная сложная политическая игра дипломатов США, России и ЕС позволила в 2019 г. в Молдове сломить коррупционный режим местного олигарха Владимира Плахотнюка и стимулировать появление новой внутривнутриполитической повестки [2, с. 100]. В этом же ряду поддержка всеми участниками формата «5 + 2» тактики «малых шагов» в приднестровском урегулировании, позволяющей сохранять процесс взаимодействия представителей конфликтующих сторон в условиях часто возникающих пауз в официальных переговорах. Совместные усилия вовлеченных в мирные процессы международных участников способствуют эволюции подходов к урегулированию и институтов миротворчества и посредничества.

Новые методы в урегулировании конфликтов характеризуются многомерностью, комбинируя преимущества традиционных способов и инноваций с вовлечением новых акторов. В этих условиях возрастает роль не только участников официальных форматов, будь то Минская группа ОБСЕ, Нормандский формат или Постоянное совещание по приднестровскому урегулированию, но и акторов, не вовлеченных напрямую, однако играющих весомую роль. Так, наряду с участием Европейского союза в урегулировании международных конфликтов как самостоятельного актора отмечается особая роль государств — членов ЕС в этом качестве.

Настоящая статья посвящена деятельности Германии, которая в контексте мирных процессов артикулирует общеевропейские подходы, но при этом также обладает и рядом своих собственных

внешнеполитических и программных документов, регулирующих деятельность, направленную на устранение противоречий в конфликтных регионах¹.

Действия Германии, предпринимаемые на постсоветском пространстве, сложно уложить в рамки наращивания своего присутствия в регионе в противовес России, что нередко справедливо в отношении действий ЕС. В этом контексте специалисты обращают внимание на роль, которую Германия играла в годы «холодной войны» в процессе «разрядки», и справедливо указывают на сдержанное отношение этой страны к политике расширения санкций [З, с. 68]. По мнению Ф. О. Трунова, именно ФРГ в перспективе может стать инициатором движения Запада к нормализации отношений с РФ [Там же].

Немаловажно и то, что у Москвы и Берлина существует много сфер для взаимовыгодного сотрудничества, и это высоко ценят в Германии². Эксперты не исключают, что в перспективе это приведет к развитию контекстных отношений не только между Германией и Россией, но и между Евросоюзом и ЕАЭС³.

В преамбуле к Основному закону Германия признает свою волю «служить миру во всем мире как равноправный член объединенной Европы»⁴. Соответственно, немецкое понимание безопасности является всеобъемлющим: это нечто большее, чем отсутствие войны и безопасность внутри страны и ее граждан. Это также вопрос устойчивого улучшения условий человеческого сосуществования в единой Европе, а также защиты и укрепления международных норм в области прав человека.

Германия, являясь членом не только ЕС, но и ОБСЕ, Совета Европы, НАТО, намерена все больше позиционировать себя в качестве центральной европейской державы с возросшей ролью и ответственностью в решении насущных проблем безопасности. Большое политическое влияние Германии во многих частях мира, строящееся на положительной репутации и разнообразии ресурсов, позволяет говорить о ее особой роли в современной мировой политике. А собственный исторический опыт этой страны обуславливает критическое отношение к военным операциям.

Германия выступает как лидер Европейского союза, делая акцент на своем миротворческом потенциале. Федеральное правительство Германии подчеркивает, что, благодаря своему международному положению и своему политическому и экономическому влиянию, Германия в тесной координации со своими партнерами и, в частности, в сотрудничестве с Европейским союзом может во многих случаях играть конструктивную и взаимоприемлемую роль⁵. Такая способность Германии, безусловно, зависит не только от ее значительной экономической мощи и вклада в международное сотрудничество в целях развития, но и от ее трагического прошлого⁶. Таким образом, потенциал Германии как европейского лидера, миротворца и посредника основан на таких основных факторах, как: собственный послевоенный исторический опыт; готовность задействовать ресурсы в области мирного посредничества; роль в качестве ключевого политического и экономического игрока в Европе⁷.

¹ Прим.: Так, например, особая роль придается таким документам, как: План действий «Предотвращение гражданских кризисов, урегулирование конфликтов и постконфликтное миростроительство» 2004 г. и Руководящим принципам «Предотвращение кризисов, урегулирование конфликтов, содействие миру» 2017 г. См.: Leitlinien der Bundesregierung "Krisen verhindern, Konflikte bewältigen, Frieden fördern". 2017 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/1213498/d98437ca3ba49c0ec6a461570f56211f/krisen-verhindern-data.pdf> (дата обращения: 01.06.2021) и Aktionsplan „Zivile Krisenprävention, Konfliktlösung und Friedenskonsolidierung“. 2004 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/217534/34f381909cf90443fa3e91e951cda89d/aktionsplan-de-data.pdf> (дата обращения: 01.06.2021).

² Германия поможет России с ПАСЕ и развитием отношений между ЕС и ЕАЭС [Электронный ресурс] // Экономика сегодня. URL: <https://rueconomics.ru/386481-germaniya-pomozhet-rossii-v-pase-i-razvitiu-otnoshenii-mezhdu-es-i-eaes> (дата обращения 08.04.2019).

³ Там же.

⁴ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 1949 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/GG.pdf> (дата обращения: 20.06.2021).

⁵ Federal Government of Germany Guidelines on Preventing Crises, Resolving Conflicts, Building Peace. 2017 [Электронный ресурс] // The Federal Government. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/290648/057f794cd3593763ea556897972574fd/170614-leitlinien-krisenpraevention-konfliktbewaeltigung-friedensfoerderung-dl-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

⁶ Federal Government of Germany Guidelines on Preventing Crises, Resolving Conflicts, Building Peace. 2017 [Электронный ресурс] // The Federal Government. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/290648/057f794cd3593763ea556897972574fd/170614-leitlinien-krisenpraevention-konfliktbewaeltigung-friedensfoerderung-dl-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

⁷ Germany as Mediator: Peace Mediation and Mediation Support in German Foreign Policy [Электронный ресурс] // Peace Mediation Conference 2014. Conference Report 2015. URL: https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/FINAL_Report_on_Peace_Mediation_Conference_2014.pdf (дата обращения: 10.06.2021).

При этом для Германии посредничество является важным инструментом внешней политики для пропаганды мирного урегулирования конфликтов в регионах, которые имеют для нее политическое значение¹. Так, российские эксперты объясняют рост заинтересованности Берлина в восточном направлении расширением Евросоюза в 2004 г., когда геополитические горизонты Германии и Евросоюза в целом стали выходить за пределы Центральной Европы. Именно тогда Германия выдвинула несколько инициатив в связи с урегулированием приднестровского конфликта, водных противоречий в Центральной Азии, сближением между Арменией и Турцией [1].

Подходы Германии к участию в мирных процессах

Подход федерального правительства к предотвращению кризисов основан на широкой концепции безопасности. План действий «Предотвращение гражданских кризисов, урегулирование конфликтов и постконфликтное миростроительство» (далее — План действий), который был одобрен Кабинетом министров 12 мая 2004 г., подчеркивает меняющийся характер конфликтов во всем мире и то, что это означает для институциональной основы политики предотвращения кризисов в Германии². Как указывается в Плане действий, предотвращение кризисов связано не только с острыми и насильственными конфликтами и тем, что может их обострить или разрядить, но и с их первопричинами и способствующими факторами. В документе подчеркивается важность укрепления структур гражданского общества и акцентируется внимание на том, что такие структуры могут дополнять военный потенциал. Поскольку гражданское общество и средства массовой информации также играют жизненно важную роль в воспитании культуры мира, предусматриваются дополнительные программы для поощрения мирных способов разрешения разногласий.

Достижение максимального долгосрочного воздействия предотвращения кризисов требует многостороннего подхода. Поэтому в целом возможности Германии по предотвращению кризисов развертываются под эгидой и мандатами ООН, ЕС, ОБСЕ или НАТО. Важно отметить, что подходы Германии отличает отказ от практики предварительных условий для начала взаимодействий и выраженная политика вовлечения, несмотря на статус участников конфликта. Так, российские ученые А. В. Девятков и В. С. Арутюнян в своем исследовании отмечают, что Германия на практике и даже на словах в своей внешней политике избегает того, чтобы рассматривать демократизацию как условие для расширения партнерских отношений с данной страной или регионом. Это дает возможность вести диалог с любым субъектом, расширяя пространство для деятельности [Там же].

После принятия в 2004 г. Плана действий Германия активизировала свое участие в сфере мирного посредничества и поддержки посредничества. По словам Федерального президента Германии Франка-Вальтера Штайнмайера (с 19 марта 2017 г.), бывшего министром иностранных дел в 2013–2017 гг., Германия увеличила финансирование предотвращения кризисов примерно в десять раз с момента обнародования Плана действий. Тогда, в ноябре 2014 г., в представленном докладе о выполнении Плана действий правительство Германии обязалось дальше расширять и активизировать участие Германии в сфере мирного посредничества. Федеральное правительство считало необходимостью иметь возможность предпринимать более ранние, более решительные и более существенные действия во внешнеполитической сфере. Действия включают создание сетей с заинтересованными сторонами гражданского общества (неправительственными организациями и исследовательскими институтами) и реализацию ряда мер совместно с этими специализированными учреждениями³.

Что касается непосредственно посредничества в мирных процессах, как утверждается в руководящих принципах «Предотвращение кризисов, урегулирование конфликтов, содействие миру» 2017 г., Германия

¹ Konzept Friedensmediation [Электронный ресурс] // The Federal Government. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/2226842/ab6c306e63080bf53ec02663c147f74de/190614-mediationskonzept-aa-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

² Aktionsplan „Zivile Krisenprävention, Konfliktlösung und Friedenskonsolidierung“. 2004 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/217534/34f381909cf90443fa3e91e951cda89d/aktionsplan-de-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Vierter Bericht der Bundesregierung über die Umsetzung des Aktionsplans „Zivile Krisenprävention, Konfliktlösung und Friedenskonsolidierung“. 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/266840/dab0384b15de81433a50f1e0032f43fb/aktionsplan-bericht4-de-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

отдает приоритет мерам по урегулированию конфликтов везде, где это возможно. Посредством подходов, процедур и методов посредничества могут быть восстановлены контакты и доверие между конфликтующими сторонами, а каналы связи могут оставаться открытыми¹. Немецкий подход к посредничеству также основан на принципах, разработанных Организацией Объединенных Наций в 2012 г.

Федеральное правительство твердо убеждено в том, что посредничество может помочь преодолеть зачастую глубокие политические и социальные разногласия между сторонами конфликта и создать основу для взаимного доверия. Оно поддерживает особую важность, в частности, обучения посредников (например, из региональных организаций, министерств и гражданского общества) и местной институционализации процессов посредничества².

Институциональная основа посредничества

Рассматривая структуры, занимающиеся медиацией, стоит отметить, что в Федеральном министерстве иностранных дел Германии за посредничество в международных конфликтах до 2015 г. в основном отвечал Отдел VN 02 (предотвращение кризисов; постконфликтное миростроительство; государственное строительство; содействие демократии). Однако после публикации доклада «Обзор 2014 г.: новый взгляд на внешнюю политику Германии» было положено начало глубокой дискуссии в самом Федеральном министерстве иностранных дел и на общественной арене о целях, интересах и инструментах внешней политики Германии³. В процессе, в котором участвовали немецкие и международные эксперты, представители гражданского общества и сотрудники Федерального министерства иностранных дел, основное внимание уделялось вопросу об изменении и улучшении внешней политики Германии. Один из важных выводов, сделанных по результатам дебатов, — кризис стал новой нормой. Желая структурно отреагировать на это развитие событий, Федеральное министерство иностранных дел создало отдельный Департамент по предотвращению кризисов, стабилизации и постконфликтному миростроительству. Это новое подразделение объединило существующие возможности в этой области и таким образом способствовало более интенсивному реагированию на различные типы кризисов⁴.

Также одной из немецких особенностей является наличие широкой и разносторонней сети организаций, борющихся за мир. В области предотвращения кризисов и сотрудничества в целях развития различные правительственные ведомства и неправительственные организации поддерживают процессы посредничества, предлагают обучение посредничеству и активно участвуют в исследованиях по тематике посредничества. Так, например, Deutsche Gesellschaft für Internationale Zusammenarbeit (GIZ) — крупнейшее агентство развития Германии, участвующее в различных проектах, направленных на посредничество; Zentrum für Internationale Friedenseinsätze (ZIF) среди прочего предлагает курсы по посредничеству и имеет список гражданских экспертов, доступных для международных операций в пользу мира; Berghof Foundation — Берлинский центр интегративной медиации, специализирующийся на посредничестве в трансформации гражданского конфликта и проводящий комплексные посреднические процессы в международном политическом контексте; Inmedio Berlin — частный поставщик услуг по консультированию и обучению, реализует проекты посредничества и диалога в кризисных регионах и предлагает обучение для структур по миростроительству и развитию.

Более того, некоторые политические фонды и Немецкая служба академических обменов (DAAD) сотрудничают по вопросам посредничества с другими федеральными и частными структурами, осуществ-

¹ Leitlinien der Bundesregierung “Krisen verhindern, Konflikte bewältigen, Frieden fördern”. 2017 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/1213498/d98437ca3ba49c0ec6a461570f56211f/krisen-verhindern-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

² Friedensmediation und Mediation Support // Официальный сайт Министерства иностранных дел Германии Auswärtiges Amt [Электронный ресурс]. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/de/aussenpolitik/themen/krisenpraevention/mediation/217428> (дата обращения: 10.06.2021).

³ Review 2014 — A Fresh Look at German Foreign Policy. 2014 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Германии Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/blob/692042/cef1f6308ebdb0d2d7c62725089c4198/review2014-data.pdf> (дата обращения: 10.06.2021).

⁴ Directorate-General for Humanitarian Assistance, Crisis Prevention Stabilisation and Post-Conflict Reconstruction [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Германии Auswärtiges Amt. URL: <https://www.auswaertiges-amt.de/en/aamt/auswdienst/abteilungen/-/232022> (дата обращения: 12.06.2021).

ляющими медиацию. Немецкие политические фонды (такие как Konrad-Adenauer-Stiftung, Heinrich-Böll Foundation, Friedrich-Ebert-Stiftung) с их образовательными, консультационными и диалоговыми программами играют важную роль в строительстве и продвижении демократии, а также поддержке гражданского общества, в том числе в нестабильных государствах и регионах, пострадавших от кризиса. Частные фонды с их экспертными знаниями и своими сетями постепенно превращаются в участников устойчивого миростроительства.

Основные инструменты в мирном посредничестве

Использование Германией основных инструментов мирного посредничества в урегулировании международных конфликтов ярко прослеживается в реализации различных инициатив в Центрально-Восточной Европе и на постсоветском пространстве. Как теперь уже стало вполне очевидно, и война с Грузией в 2008 г., и украинский конфликт в 2014 г. стимулировали новую волну противоборства России и Запада, что повлияло и на отношения ЕС с Россией, подтвердив логику зависимости таких отношений от расширения сфер влияния на постсоветском пространстве¹. Это, в свою очередь, углубило недоверие между этими двумя акторами, ключевыми для многих мирных процессов.

Германия же делает упор на диалог и кооперацию, отдает предпочтение политико-дипломатическим методам урегулирования конфликтов, не стремясь при этом афишировать свой успех, демонстрировать степень влияния. Причиной такого положения немецкие эксперты считают саму природу немецкого посредничества. Так, по мнению эксперта Боннского международного центра конверсии (BICC) Конрада Шеттера, целью многих конфиденциальных переговоров в Берлине было создание для участников конфликта возможности встретиться, а не продемонстрировать всему миру эффективную внешнюю политику. Это можно связать и с тем, что роль посредника для немецкой дипломатии все еще довольно нова, и с долгой неготовностью Германии проводить активную внешнюю политику и посредничать в международных конфликтах, ощущая при этом свою историческую вину за обе мировые войны двадцатого столетия².

Тем не менее, если рассматривать Германию как самостоятельного актора реализации посредничества в мирных процессах, несмотря на то, что ее инструментарий до настоящего времени был довольно разрозненный³, его можно, условно говоря, разделить на три основные категории: участие в официальных форматах урегулирования конфликтов; неформальное участие в урегулировании конфликтов; меры укрепления доверия.

Формальное участие можно отчетливо проследить на примере содействия Германии в вопросах урегулирования украинского кризиса в рамках «нормандского формата». В связи с тем что дипломатическое влияние ЕС было ограниченным, Германия в этом процессе стала главным европейским представителем.

«Нормандский формат», в котором Германия и Франция напрямую вели переговоры с Россией и Украиной с июня 2014 г., показал, что обе европейские страны заняли лидирующую позицию в европейской дипломатии, которая в случае Германии основывалась на ее структурной и институциональной силе [4, с. 26]. Тесные институциональные и правительственные связи Германии обеспечивали ее способность быть эффективным и законным переговорщиком. Среди европейских экспертов распространено мнение о том, что давняя политика Германии по взаимодействию с Россией, также известная как Ostpolitik, стала фактором, который сделал Германию приемлемым партнером по переговорам в глазах Кремля [6, с. 89]. Российские эксперты в этом контексте отмечают позитивное значение отказа ФРГ от

¹ Прим.: О том, что политика России на постсоветском пространстве являлась и остается основным фактором, который будет влиять на развитие отношений России с Западом и, наоборот, политика Запада в отношении стран СНГ будет в решающей степени определять его отношения с Россией, в 2018 г. писала Н. К. Арбатова. См. *Арбатова Н.* Фактор СНГ в отношениях России и Запада // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 8. С. 77–87.

² *Лиза Хенель.* В каких мировых конфликтах ФРГ играла роль посредника. 2020 [Электронный ресурс] // Русская редакция Deutsche Welle. URL: <https://www.dw.com/ru/v-каких-мировых-конфликтах-ФРГ-играла-роль-посредника/a-52073187> (дата обращения: 15.06.2021).

³ Примеч.: такое мнение было высказано респондентом в рамках проведенного исследования.

направления в 2016 г. своих военных инструкторов на Украину, а также готовность к экономическому восстановлению Донбасса по секторальному принципу ответственности, когда Германия участвовала в восстановлении банковской системы и водо- и энергосетей [3, с. 72].

В рамках «нормандского формата» Германия в партнерстве с Францией, Украиной и Россией предпринимает усилия для политического разрешения украинского конфликта. Среди европейских экспертов весьма распространено мнение о том, что Минские соглашения — одно из самых больших достижений Германии в рамках урегулирования данного конфликта, учитывая, что исходный проект текста дорожной карты был составлен представителями Германии.

Безусловно, успешным примером участия Германии в формальных форматах урегулирования принято считать период председательства Германии в ОБСЕ в 2016 г. и ее вовлечение в процесс урегулирования приднестровского конфликта. Ключевые инициативы, предложенные немецкими дипломатами в совокупности с гибкостью, которую Германия проявляла, содействуя сохранению возможности Приднестровья использовать торговые преференции на рынках ЕС, позволили переговорщикам сформировать повестку урегулирования конфликта на несколько лет вперед. Речь, прежде всего, о подписании 3 июня 2016 г. Протокола официального заседания Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию (далее — Берлинский протокол)¹. Позже Берлинский протокол был дополнен Венским (2017 г.) и Римским (2018 г.) протоколами и получил название пакета «Берлин+». Важным инструментом в арсенале Германии является участие в неформальных форматах урегулирования международных конфликтов, который может быть продемонстрирован на примере того же приднестровского урегулирования. Начиная с 2010 г., правительство Германии ежегодно (за исключением трех лет) проводило в Баварии конференции по мерам укрепления доверия между Приднестровьем и Молдовой с представителями руководства конфликтующих сторон и представителями профильных экспертных групп различной направленности (например, экономика, банковская деятельность, образование, автотранспорт). На баварские конференции приезжают представители Федерального министерства иностранных дел Германии, что придает больший символизм и политический вес мероприятию.

Меры укрепления доверия могут играть две основополагающие роли. Во-первых, это действительно укрепление доверия между конфликтующими сторонами. И в этой связи стоит упомянуть деление мер укрепления доверия в соответствии с их функциональной составляющей, предложенное Daryl Landau, Sy Landau: те, которые демонстрируют готовность говорить; те, которые демонстрируют готовность слушать; те, которые демонстрируют готовность удовлетворить потребности другой стороны; и те, которые демонстрируют готовность улучшать долгосрочные перспективы отношений с другой стороной [5, с. 98]. Меры укрепления доверия, имплементируемые Германией, в частности, в приднестровском урегулировании ставят своей целью улучшение долгосрочных перспектив конструктивных взаимоотношений между конфликтующими сторонами. Во-вторых, зачастую меры укрепления доверия играют лишь роль заполнения пустого пространства, не давая сторонам еще больше отдаляться друг от друга. Таким образом, они служат не в целях «построения мостов, а починки уже существующих мостов»².

Рассматривая конкретное применение мер укрепления доверия Германией в рамках урегулирования конфликтов на постсоветском пространстве, их применение при поддержке Федерального министерства иностранных дел Германии в рамках украинского урегулирования нельзя назвать успешным. Хотя в рамках этой политики удалось создать дискуссионные площадки, провести академические мероприятия с участием конфликтующих сторон, добиться поддержки от стейкхолдеров в регионе конфликта не удалось, а значит, эффект от мер доверия остался минимальным. В Приднестровье же Германии в рамках мер укрепления доверия удалось реализовать инициированный в 2014 г. проект по реконструкции очистных сооружений в городах Дубоссары (Приднестровье) и Криуляны (Молдова), который

¹ Протокол официального заседания Постоянного совещания по политическим вопросам в рамках переговорного процесса по приднестровскому урегулированию. 2–3 июня 2016 г., Берлин [Электронный ресурс] // Сайт МИД ПМР. URL: <https://mid.gospmr.org/ru/GLM> (дата обращения: 12.06.2021).

² Примеч.: такое мнение было высказано респондентом в рамках проведенного исследования.

был имплементирован при поддержке Германского общества по международному сотрудничеству (GIZ) и Посольства ФРГ в РМ. Проект заложил основы создания общей системы очистки и управления водой, что стимулировало конфликтующие стороны на реализацию совместной экологической и инфраструктурной политики. В 2019 г. в рамках мер по реконструкции и модернизации систем водоотведения и водоснабжения в городе Дубоссары во взаимодействии с Германским обществом по международному сотрудничеству были реализованы малые проекты в области водоснабжения, предусматривающие инфраструктурные работы и закупку оборудования (прокладка сетей водоснабжения, закупка и установка водонапорных башен и насосов для артезианских скважин).

Заключение

Анализируя опыт участия Германии в мирных процессах на постсоветском пространстве, можно согласиться с мнением о том, что эта страна старается не афишировать свои действия и, играя роль посредника, оставаться в тени¹. Отдельно и в более широком контексте следует отметить значение согласованности действий Германии с другими важными акторами. Так, в свое время организация первой международной конференции по Афганистану велась в тесном взаимодействии с ООН, Баварские конференции по приднестровскому урегулированию — в координации и под эгидой ОБСЕ, в нормандском формате по Украине Берлин активно сверял часы с Парижем.

Несмотря на довольно успешный опыт вовлечения Германии в урегулирование приднестровского конфликта, сегодня можно констатировать снижение ее активности на этом направлении, как и на постсоветском пространстве в целом. Тем не менее Германия обладает широким спектром инструментов вовлечения в мирные процессы, включая участие в официальных и в неформальных форматах урегулирования, а также применение мер укрепления доверия. Последним придается особая значимость, поскольку они действительно могут служить целям укрепления доверия между конфликтующими сторонами и заполнять возникающий «вакуум», не давая сторонам еще больше отдаляться друг от друга. Кроме того, немецкая дипломатия традиционно делает основной упор на конфиденциальные переговоры, считая их более результативными.

Продвигавшаяся Германией модель мер укрепления доверия предстает как диалог различных институтов гражданского общества, то есть как «дипломатия второго трека», с возможным включением местных организаций низового уровня, то есть «дипломатии третьего трека». Вовлечение представителей «первого трека» не только не исключалось, но и на деле происходило, например, в приднестровском кейсе, но все же слабым местом такой тактики является малая поддержка со стороны действующих политических сил. И хотя представляется, что куда больше значения придается наращиванию потенциала сотрудничества местных организаций гражданского общества и установлению устойчивых партнерских отношений между НПО, бизнесом и СМИ, а не налаживанию диалога на политико-дипломатическом уровне, этот опыт может быть ценным в более широком контексте урегулирования современных конфликтов. Что же касается интересов, которые стимулируют Германию участвовать в мирных посреднических процессах, особенно на постсоветском пространстве, то в качестве основного можно считать желание иметь предсказуемую и стабильную среду на границах ЕС. Важное место здесь занимает и возможность поддержания конструктивного диалога с Российской Федерацией при урегулировании тех или иных конфликтов, представляющих общую угрозу безопасности. В определенной степени позитивный потенциал такого диалога может в дальнейшем быть использован и на других направлениях, включая торгово-экономическое сотрудничество с ЕАЭС.

Как бы то ни было, в российской академической среде вполне распространено мнение о том, что именно Германия в ближайшем будущем может быть одним из основных посредников в урегулировании конфликтов [1; 3].

¹ *Лиза Хенель*. В каких мировых конфликтах ФРГ играла роль посредника. 2020 [Электронный ресурс] // Русская редакция Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ru/v_каких_мировых_конфликтах_ФРГ_играла_роль_посредника/a-52073187 (дата обращения: 15.06.2021).

Литература

1. *Девятков А. В., Арутюнян В. С.* Германия и конфликты на постсоветском пространстве // Вестник ВУиТ. 2015. № 4.
2. *Пивовар Е. И., Гушчин А. В., Левченков А. С.* Республика Молдова в 2016–2020 гг.: внутривполитическая ситуация и внешние ориентиры // Современная Европа. 2021. № 3. С. 94–105.
3. *Трунов Ф. О.* Проблемы и перспективы взаимодействия ФРГ и РФ в урегулировании вооруженных конфликтов на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. 2018. № 3.
4. *Helwig N.* Germany in European Diplomacy: Minilateralism as a Tool for Leadership // German Politics. 2020. No. 29 (1). P. 25–41.
5. *Daryl Landau, Sy Landau.* Confidence-Building Measures in Mediation // Mediation Quarterly. 1997. No. 15 (2). P. 97–103.
6. *Orenstein M., Kelemen R.* Trojan Horses in EU Foreign Policy // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2017. No. 55 (1). P. 87–102.

Об авторах:

Шевчук Нина Викторовна, ведущий научный сотрудник, доцент кафедры международных отношений Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; shevchuk-nv@ranepa.ru

Сачик Ангелина Андреевна, магистрант Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация); sachik.angel@yandex.ru

References

1. Devyatkov A. V., Arutyunyan V. S. Germany and conflicts in the post-Soviet space // The Reporter of Volzhsky University [Vestnik VUiT]. 2015. No. 4. (In Rus.)
2. Pivovarov E. I., Gushchin A. V., Levchenkov A. S. Republic of Moldova in 2016–2020: internal political situation and external benchmarks // Contemporary Europe [Sovremennaya Evropa]. 2021. No. 3. P. 94–105. (In Rus.)
3. Trunov F. O. Problems and prospects of interaction between Germany and the Russian Federation in the settlement of armed conflicts in the post-Soviet space // Russia and the modern world [Rossiya i sovremennyy mir]. 2018. No. 3. (In Rus.)
4. Helwig N. Germany in European Diplomacy: Minilateralism as a Tool for Leadership // German Politics. 2020. No. 29 (1). P. 25–41.
5. Daryl Landau, Sy Landau. Confidence-Building Measures in Mediation // Mediation Quarterly. 1997. No. 15 (2). P. 97–103.
6. Orenstein M., Kelemen R. Trojan Horses in EU Foreign Policy, JCMS: Journal of Common Market Studies. 2017. No. 55 (1). P. 87–102.

About the authors:

Nina V. Shevchuk, Leading Researcher, Associate Professor of the Department of International Relations of North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences; shevchuk-nv@ranepa.ru

Angelina A. Sachik, Master Student of the National Research University Higher School of Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); sachik.angel@yandex.ru

ПРАВИЛА
оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией
международного научно-аналитического журнала
«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА»

1. Автор(-ы) представляет(-ют) в редакцию электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Объем представляемых для публикации статей должен быть не более 40 000 знаков, но не менее 16 000 знаков с пробелами.

Оригинальность статьи должна быть не менее 65%. Все материалы проверяются системой «Антиплагиат».

2. Каждая статья должна быть сопровождена сведениями об авторе(-ах) (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество полностью; место работы; должность; ученая степень; ученое звание; адрес электронной почты. После указания места работы обязательно указывается город и страна.

3. Рукопись статьи должна содержать реферат (аннотацию) и ключевые слова.

Статьи без реферата (на русском и английском языках) не рассматриваются.

Реферат не должен содержать ссылки и аббревиатуры. Объем — 250–300 слов. В реферате обязательно указываются: **Цель, Задачи, Методология, Результаты, Выводы** (по 1–2 предложения для каждого пункта), в английском варианте, соответственно, **Aim, Tasks, Methods, Results, Conclusion**.

4. Рукопись статьи должна содержать ключевые слова — 5–7 слов. Термины-словосочетания считаются одним ключевым словом. Желательно избегать составных ключевых слов.

5. Сокращения и аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом их употреблении (в скобках в тексте или под текстом).

6. Список литературы в конце статьи дается в алфавитном порядке. В случае, когда цитируется англоязычная работа, обязательно ссылаться на оригинал, а не на русскоязычный перевод. В тексте дается ссылка в квадратных скобках, например [7, с. 625].

7. Ссылки на официальные сайты, правовые и законодательные акты, архивные материалы, учебники/учебные пособия, словари и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи.

8. Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов WordArt в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в тех форматах, в которых они были сделаны (объекты должны давать возможность редактирования).

Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком/подписью, продублированными на английский язык. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

Формулы должны быть набраны в редакторе Microsoft Equation, где их набор более корректен; также возможен набор формул в MathType ... Equation.

Простые строчные формулы желательно набирать с клавиатуры, не используя формульный редактор.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ

1. Сведения об авторе:

Иванов Иван Иванович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация
Заведующий кафедрой

Доктор философских наук, профессор

E-mail:

Телефон: (только для внутреннего пользования)

2. Краткие затекстовые ссылки:

В тексте:

А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М. : Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках:

– **монографии:**

Филитов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб. : Изд-во СЗАГС, 2008.

– **статьи в научных сборниках:**

Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М. : Прогресс, 1972.

– **публикации в многотомных изданиях:**

Ирвинг В. Собр. соч.: в 5 т.: пер. с англ. М. : ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.

Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. М. : Мир книги, 2003. Т. 7.

– **статьи в научных журналах:**

1. *Кириленко В. П., Дронов Р. В.* О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.

2. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

– **статьи в газетах:**

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

– **правовые акты:**

О науке и государственной научно-технической политике: федер. закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

– **архивные документы** (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

– **электронные ресурсы оформляются следующим образом:**

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2016).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде» [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2017).

2022. Том 16, № 1

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Сдано в набор 15.03.2022.

Подписано к печати 31.03.2022.

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз.

Заказ № 1/2022.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации 199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72

«ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА» – профессиональный журнал государственных и политических деятелей, сотрудников научных и образовательных учреждений, аналитиков и экспертов. Публикуются статьи, посвященные состоянию и перспективам развития ЕАЭС и стран Большого Евразийского пространства. Партнером журнала является Евразийская экономическая комиссия.

“EURASIAN INTEGRATION: ECONOMICS, LAW, POLITICS” is a professional journal of state and political figures, employees of scientific and educational institutions, analysts and experts. Articles on the state and prospects for the development of the EAEU and the countries of the Greater Eurasian space are published. The journal’s partner is the Eurasian Economic Commission.

《欧亚一体化：经济、法律、政治》是國家和政治人物、科學和教育機構員工、分析師和專家的專業期刊。發表有關歐亞經濟聯盟和大歐亞空間國家的狀況和發展前景的文章。該雜誌的合作夥伴是歐亞經濟委員會。